
Министерство образования и науки
Российской Федерации

Научный журнал
**УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ПЕТРОЗАВОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

(продолжение журнала 1947–1975 гг.)

№ 3 (116). Май, 2011

Серия: Общественные и гуманитарные науки

Главный редактор

А. В. Воронин, доктор технических наук, профессор

Зам. главного редактора

Н. В. Доршакова, доктор медицинских наук, профессор

Э. В. Ивантер, доктор биологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН

Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук,
ответственный секретарь журнала

Перепечатка материалов, опубликованных в журнале,
без разрешения редакции запрещена.
Статьи журнала рецензируются.

Адрес редакции журнала
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33. Каб. 272.
Тел. (8142) 76-97-11
E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrSU.ru

Редакционный совет

- | | |
|---|---|
| В. Н. БОЛЬШАКОВ
доктор биологических наук,
профессор, академик РАН (Екатеринбург) | ПААВО ПЕЛКОНЕН
доктор технических наук,
профессор (г. Йоенсуу, Финляндия) |
| И. П. ДУДАНОВ
доктор медицинских наук, профессор,
член-корреспондент РАН (Петрозаводск) | И. В. РОМАНОВСКИЙ
доктор физико-математических наук,
профессор (Санкт-Петербург) |
| В. Н. ЗАХАРОВ
доктор филологических наук,
профессор (Москва) | Е. С. СЕНЯВСКАЯ
доктор исторических наук, профессор (Москва) |
| А. С. ИСАЕВ
доктор биологических наук,
профессор, академик РАН (Москва) | СУЛКАЛА ВУОККО ХЕЛЕНА
доктор философии, профессор (г. Оулу, Финляндия) |
| Н. Н. МЕЛЬНИКОВ
доктор технических наук,
профессор, академик РАН (Апатиты) | Л. Н. ТИМОФЕЕВА
доктор политических наук, профессор (Москва) |
| И. И. МУЛЛОНЕН
доктор филологических наук,
профессор (Петрозаводск) | А. Ф. ТИТОВ
доктор биологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН (Петрозаводск) |
| В. П. ОРФИНСКИЙ
доктор архитектуры, профессор,
действительный член Российской академии
архитектуры и строительных наук (Петрозаводск) | МИЛОСАВ Ж. ЧАРКИЧ
ведущий профессор Сербской
Академии наук и искусств (г. Белград, Сербия) |
| | Р. М. ЮСУПОВ
доктор технических наук, профессор,
член-корреспондент РАН (Санкт-Петербург) |

Редакционная коллегия серии
«Общественные и гуманитарные науки»

- | | |
|--|--|
| В. Б. АКУЛОВ
доктор экономических наук, профессор (Петрозаводск) | А. Е. КУНИЛЬСКИЙ
доктор филологических наук,
ответственный секретарь серии (Петрозаводск) |
| В. А. АЧКАСОВ
доктор политических наук,
профессор (Санкт-Петербург) | Т. Г. МАЛЬЧУКОВА
доктор филологических наук,
профессор (Петрозаводск) |
| Т. А. БАБАКОВА
доктор педагогических наук, профессор (Петрозаводск) | В. С. МАКСИМОВА
доктор исторических наук, профессор (Петрозаводск) |
| С. Г. ВЕРИГИН
кандидат исторических наук (Петрозаводск) | А. М. ПАШКОВ
кандидат исторических наук (Петрозаводск) |
| А. В. ВОЛКОВ
кандидат философских наук (Петрозаводск) | В. М. ПИВОЕВ
доктор философских наук, профессор (Петрозаводск) |
| РИХО ГРЮНТХАЛ
доктор философии,
профессор (г. Хельсинки, Финляндия) | З. К. ТАРЛАНОВ
доктор филологических наук, профессор (Петрозаводск) |
| П. М. ЗАЙКОВ
доктор филологических наук, профессор (Петрозаводск) | С. Н. ЧЕРНОВ
доктор юридических наук, профессор (Петрозаводск) |
| С. И. КОЧКУРКИНА
доктор исторических наук (Петрозаводск) | М. И. ШУМИЛОВ
доктор исторических наук, профессор (Петрозаводск) |

Ministry of Education and Science
of the Russian Federation

ISSN 1998-5053

Scientific Journal
PROCEEDINGS
OF PETROZAVODSK
STATE UNIVERSITY

(following up 1947–1975)

№ 3 (116). May, 2011

Social Sciences & Humanities

Chief Editor

Anatoly V. Voronin, Doctor of Technical Sciences, Professor

Chief Deputy Editor

Natalia V. Dorshakova, Doctor of Medical Sciences, Professor

Ernest V. Ivanter, Doctor of Biological Sciences, Professor,
The RAS Corresponding Member

Executive Secretary

Nadezhda V. Rovenko, Candidate of Philological Sciences

All rights reserved. No part of this journal may be used
or reproduced in any manner whatsoever without written permission.
The articles are reviewed.

The Editor's Office Address
185910, Lenin Avenue, 33. Tel. +7 (8142) 769711
Petrozavodsk, Republic of Karelia
E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrSU.ru

Editorial Council

- V. BOLSHAKOV**
Doctor of Biological Sciences,
Professor, the RAS Member (Ekaterinburg)
- I. DUDANOV**
Doctor of Medical Sciences, Professor,
the RAMS Corresponding Member (Petrozavodsk)
- V. ZAKHAROV**
Doctor of Philological Sciences,
Professor (Moscow)
- A. ISAYEV**
Doctor of Biological Sciences,
Professor, the RAS Member (Moscow)
- N. MEL'NIKOV**
Doctor of Technical Sciences,
Professor, the RAS Member (Apatiti)
- I. MULLONEN**
Doctor of Philological Sciences,
Professor (Petrozavodsk)
- V. ORPHINSKY**
Doctor of Architecture, Professor,
Full Member of Russian Academy
of Architectural Sciences (Petrozavodsk)
- PAAVO PELKONEN**
Doctor of Technical Sciences, Professor (Joensuu, Finland)
- I. ROMANOVSKY**
Doctor of Physical-Mathematical Sciences,
Professor (St. Petersburg)
- E. SENYAVSKAYA**
Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow)
- HELENA SULKALA**
Doctor of Philosophy,
Professor (Oulu, Finland)
- L. TIMOFEEVA**
Doctor of Political Sciences, Professor (Moscow)
- A. TITOV**
Doctor of Biological Sciences, Professor,
the RAS Corresponding Member (Petrozavodsk)
- M. CHARKICH**
the Leading Professor of Serbian Academy
of Sciences and Arts (Belgrade, Serbia)
- R. YUSUPOV**
Doctor of Technical Sciences, Professor,
the RAS Corresponding Member (St. Petersburg)

Editorial Board of the Series «Social Sciences & Humanities»

- V. AKULOV**
Doctor of Economic Sciences, Professor (Petrozavodsk)
- V. ACHKASOV**
Doctor of Political Sciences,
Professor (St. Petersburg)
- T. BABAKOVA**
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Petrozavodsk)
- S. VERIGIN**
Candidate of Historical Sciences (Petrozavodsk)
- A. VOLKOV**
Candidate of Philosophic Sciences (Petrozavodsk)
- R. GRYÜNTAL**
Doctor of Philosophic Sciences,
Professor (Helsinki, Finland)
- P. ZAIKOV**
Doctor of Philological Sciences, Professor (Petrozavodsk)
- S. KOCHKURKINA**
Doctor of Historical Sciences (Petrozavodsk)
- A. KUNIL'SKII**
Doctor of Philological Sciences,
Executive Secretary of the series (Petrozavodsk)
- T. MAL'CHUKOVA**
Doctor of Philological Sciences,
Professor (Petrozavodsk)
- V. MAXIMOVA**
Doctor of Historical Sciences, Professor (Petrozavodsk)
- A. PASHKOV**
Candidate of Historical Sciences (Petrozavodsk)
- V. PIVOEV**
Doctor of Philosophic Sciences, Professor (Petrozavodsk)
- Z. TARLANOV**
Doctor of Philological Sciences, Professor (Petrozavodsk)
- S. CHERNOV**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Petrozavodsk)
- M. SHUMILOV**
Doctor of Historical Sciences, Professor (Petrozavodsk)

СОДЕРЖАНИЕ

IX Конгресс этнографов и антропологов России «Культурное наследие – ресурс инновационного развития»

ПОЛИТОЛОГИЯ

Зорин В. Ю.

Государственная национальная политика: новые вызовы и решения. 7

Строгальщикова З. И.

Этническая мобилизация прибалтийско-финских народов в Карелии: особенности и итоги 17

ИСТОРИЯ

Веригин С. Г.

Этнокультурная политика финской администрации на оккупированной территории Советской Карелии в 1941–1944 годах 25

Илюха О. П.

Школа и перемены в повседневной жизни детей в Карелии конца XIX – начала XX века 30

Литвин Ю. В.

Карельская крестьянка во второй половине XIX – начале XX века: источниковедческий аспект гендерного исследования . . . 36

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Данилко Е. С.

Границы для веры: старообрядческие общины российско-белорусского пограничья 40

Пивнева Е. А.

Этническая культура в условиях урбанизации (по материалам обских угров) . . . 45

Щанкина Л. Н.

Народная пища мордвы Сибири: традиции, заимствования, инновации 51

ПЕДАГОГИКА

Лузина Л. М.

Педагогическая антропология как общий подход к построению и реализации процесса воспитания 56

СОЦИОЛОГИЯ

Мартынова М. Ю.

Калининградский социум и региональная субкультура 60

Нилов В. М.

Этничность и здоровье 69

Лапкина Н. А.

Социальный потенциал интернет-ресурсов в дискурсе этничности 73

ФИЛОЛОГИЯ. ФИЛОСОФИЯ

Кабинина Н. В.

Прибалтийско-финское топонимическое наследие Архангельского Поморья 77

Лызлова А. С.

Функции похищенной женщины в русских волшебных сказках 82

Волков А. В.

Наука как способ человеческого бытия и познания 85

ЭКОНОМИКА

Савельев Ю. В.

Особенности формирования бренда территории на основе ее культурно-исторического наследия 88

ФИЛОЛОГИЯ

Абрамова И. Е.

Произносительная норма и вариативность 94

Богомолова М. В.

Портрет в литературе и портретный жанр в искусстве (к постановке проблемы) 98

Тарасова Н. А.

Евангельский текст в «Дневнике писателя» за 1876–1877 годы Ф. М. Достоевского 102

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бороздина Я. А.

Северное культурное сотрудничество в Совете министров северных стран 108

Федорцова В. А.

Аудит как инструмент государственного управления 111

РЕЦЕНЗИИ

Муллонен И. И.

Рец. на кн.: Atlas Linguarum Fennicarum . . . 114

Хвоцинская Н. В.

Рец. на кн.: Кочкуркина С. И. Древнекарельские городища эпохи Средневековья 116

ПАМЯТЬ

Разумова И. А.

Путь фольклориста – памяти А. П. Разумовой 118

ЮБИЛЕЙ

К 75-летию З. К. Тарланова 120

Информация для авторов 121

Contents 122

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2008 года

Требования к оформлению статей см.:
<http://uchzap.petrso.ru/files/req.pdf>

Учредитель ГОУ ВПО «Петрозаводский государственный университет»

Редактор Г. А. Мехралиева. Корректор С. Л. Смирнова. Переводчик Н. К. Дмитриева. Верстка Л. Л. Лангинен.

Подписано в печать 17.05.2011. Формат 60x90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. (1-й завод – 215 экз.). Изд. № 119

Индекс 66094. Цена свободная.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-37987
от 2 ноября 2009 г. выд. Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Отпечатано в типографии Издательства Петрозаводского государственного университета
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

ВЛАДИМИР ЮРЬЕВИЧ ЗОРИН

доктор политических наук, профессор, заместитель директора, Институт этнологии и антропологии им Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (г. Москва)
zorin@iea.ras.ru

ГОСУДАРСТВЕННАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И РЕШЕНИЯ

Статья посвящена проблемам реализации современной государственной национальной политики в Российской Федерации. Приведены сведения об изменениях в этническом составе страны по итогам переписей 1989 и 2002 годов. Рассматриваются законодательная база и правоприменительная практика в области национальной политики; проблемы в сфере межнациональных отношений и меры, предложенные по ее усовершенствованию на заседании Президиума Госсовета о мерах по укреплению межнационального согласия (11.02.2011, г. Уфа).

Ключевые слова: национальная политика, межнациональные отношения, народы России

К государственной национальной политике в ее традиционной трактовке относят вопросы состояния и развития этнического разнообразия населения страны, учет и реализацию прав, запросов и интересов граждан и этнических общностей, связанных с сохранением их культуры, традиций, языка; разработку и анализ действия конституционно-правовых норм и деятельности специализированных государственных институтов в данной сфере, государственные программы и проекты в области развития, сохранения культуры и языка, деятельность общественных движений и организаций этнокультурного направления, мониторинг этноконфессиональной ситуации и прикладные научные исследования.

В постсоветский период к ним добавились проблемы межэтнических отношений, включая возможные конфликты и методы их предотвращения и разрешения, а со времени этнополитического конфликта в Чечне – вопросы вооруженного этнического сепаратизма, религиозного радикализма, международного терроризма. Вместе с такими явлениями российской жизни, как ксенофобия и экстремизм, направленными в основном против иностранцев и выходцев из регионов Южного, Северного Кавказа и Средней Азии, собственных граждан и наших соотечественников за рубежом, они стали самыми серьезными вызовами молодой российской демократии [33; 284–288].

Основным концептуальным документом в сфере национальной политики является Концепция государственной национальной политики Российской Федерации, утвержденная указом президента РФ в 1996 году [11]. Признается необходимость внесения коррективов в Концепцию государственной национальной политики в соответствии с реальным развитием событий в данной обла-

сти и отмечается важная роль, которую Концепция сыграла в переходный постсоветский период [25; 3].

В современном научном дискурсе по отношению к вопросам национальной политики все чаще употребляют термин «этнополитика», подчеркивая тем самым значение политической функции этничности. Такой подход в целях разделения двузначного (гражданского и этнического) использования в общественно-политической практике и общественном сознании россиян понятий «нация» и «национальный» позволяет более целенаправленно акцентировать внимание исследователей на этнических аспектах общественной жизни. Вместе с тем в сфере государственного управления этнополитическими процессами и деятельности общественных этнически ориентированных организаций данная проблематика обычно обозначается как национальная политика.

Перед тем как перейти к современным проблемам национальной политики, напомним о ее особенностях советского периода. СССР являлся одним из самых крупных многонациональных государств, в котором значительная часть нерусских народов имела автономные образования разного уровня, так называемые национально-государственные образования. Известная «советская матрешка» (союзные и автономные республики, автономные области и округа, национальные районы и сельские советы) возникла в первые десятилетия существования СССР и после ликвидации в декабре 1937 года национальных районов и сельсоветов [21; 197], с некоторыми изменениями просуществовала до его распада. Эта система основывалась на территориальной и государственно-политической нагрузке этнического фактора. Советская национальная политика являлась не столько политикой государственно-строительства

на основе гражданской общности, сколько политикой развития и сближения социалистических наций на основе формул интернационализма и дружбы народов. Такой подход, во многом пропагандистский и умозрительный, имел свои серьезные риски из-за стимулирования не только «национальных форм» развития этносов, но и их потенциального изоляционизма, сепаратизма и антироссийскости [29; 8]. В советский период они носили скрытый, латентный характер, поскольку положение спасали жесткий идеологический диктат и унитарный партийно-политический режим, а также идеология советского патриотизма и концепция советского народа. Советский народ был реальностью, но не «новым типом исторической общности людей», как об этом заявляли лидеры КПСС [16; 657]. Он представлял собой историческое продолжение российского (русского в широком смысле этого слова) народа, который существовал веками, несмотря на утрату части территорий государства в 1917 году и приобретение новых территорий в 1940 году.

Тем не менее 20 лет назад СССР прекратил свое существование, а на его карте появились 15 новых государств. Правопреемником СССР стала Российская Федерация (Россия), являющаяся и после отделения союзных республик одним из самых многонациональных государств мира.

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ

Основным и единственным источником сведений о национальном составе страны являются данные переписей.

В конце марта 2011 года обнародованы самые общие итоги переписи населения 2010 года: численность населения в стране, субъектах Федерации, муниципальных образованиях с выделением городского и сельского населения, мужчин и женщин [8]. По ее итогам население России составляет 142 905,2 тыс. человек. Тенденция к его сокращению, впервые проявившаяся в период между переписями 1989 и 2002 годов, в последнее время даже усилилась: если в период с 1989 по 2002 год население России уменьшилось на 1,85 млн человек (1,3 %) [1], то с 2002 по 2010 год – на 2,26 млн (1,6 %) [8]. Его сокращение в постсоветский период происходит из-за естественной убыли (превышения смертности над рождаемостью), которую, по подсчетам специалистов, наполовину компенсирует миграционный прирост: с 1992 по 2009 год он составил 12,6 млн человек, около половины его (5,6 млн) пришлось на период между переписями 1989 и 2002 годов [10].

Сведения о национальном составе населения, родном языке, владении языками по данным переписи 2010 года должны быть опубликованы к 30 июня 2012 года, о мигрантах – к 31 декабря 2012 года [7]. По оценкам экспертов, этнический

ландшафт страны усложнился, но соотношения между этническими группами не претерпели значительных изменений, поэтому для оценки современной ситуации корректно пользоваться данными предыдущей переписи.

По итогам переписи 2002 года в стране на основании ответов о национальности были выделены 182 этнические группы. Из них около 100 в соответствии с определением Концепции государственной национальной политики РФ рассматриваются как коренные народы страны, поскольку они «на протяжении веков сложились как этнические общности на территории России» [11].

В переписи 1989 года на территории РСФСР учитывались 128 «национальностей». Усложнение этнического состава страны по материалам переписи 2002 года в основном произошло из-за изменения порядка фиксации этнической (национальной) принадлежности опрашиваемых. Стремясь в условиях демократизации как можно полнее учесть право граждан на самостоятельный выбор этнической и языковой идентификации, учитывали их принадлежность и к этническим группам в составе отдельных народов. Например, внутри русских отдельно фиксировались поморы и казаки, среди мордвинов – мокша и эрзя, среди мари – горные и луговые, среди финнов – финны-ингерманландцы и т. п. Представители таких групп смогли указать свою двойную этническую принадлежность по принципу «группа – основной этнос», реализовав свое право в соответствии с реальным самосознанием. По итогам переписи их учли дважды – как подгруппы и в составе основного этноса. Подобных этнических подразделений второго уровня в 2002 году было выделено 40, еще 22 малочисленные общности впервые получили статус самостоятельных. Последних, как правило, в прошлом учитывали в составе более крупных этносов (бесермян как удмуртов, нагайбаков как татар, кумандинцев, теленгитов, телеутов как алтайцев и др.) или в силу малочисленности – в графе «другие национальности» (например, воедь – 73 чел.). Основой для заявлений о неоправданно завышенных данных о числе российских народов по данным переписи 2002 года стало включение в их состав представителей крайне малочисленных групп, основная часть которых проживает за пределами России, например грузинских евреев (53 чел.), переднеазиатских евреев (54 чел.), а также представителей гражданских наций других государств: англичан (529 чел.), американцев (1275 чел.) и др. [18]. Их, вероятно, целесообразно учитывать в графе «другие национальности». В 2002 году такие этнические группы составляли около трех четвертей от общего списка «национальностей» страны, выделяемых по итогам переписи¹.

По мнению специалистов, итоги переписи 2002 года, несмотря на политизацию обсужде-

ния инструментария по учету в переписи этнических и языковых характеристик, являются легитимными [28]. Перепись показала несостоятельность разговоров об «этноциде», особенно по отношению к русскому народу, якобы имевшем место в 1990-е годы, и о радикальных изменениях в этническом составе населения страны. Численность русских сократилась всего на 3,3 %, а доля в составе населения страны – на 1,7 %. Однако следует заметить, что относитель-

ная демографическая устойчивость русского населения в России в значительной мере поддерживается миграционным притоком.

Вместе с тем очевидны и различия в динамике отдельных народов страны. Они особенно показательны при сравнении материалов переписей 1989 и 2002 годов по 23 самым многочисленным национальностям (свыше 400 тыс. чел.), составляющим 96 % населения страны (см. таблицу).

Этнический состав населения Российской Федерации в 1989 и 2002 годах [28]

Национальная группа	Год				Рост в 2002 году к 1989 году, %
	2002		1989		
	тыс. чел.	% к итогу	тыс. чел.	% к итогу	
Все население	145164,3	100,00	147021,9	100,00	98,74
Русские	115868,5	79,82	119865,9	81,54	96,67
Татары	5558,0	3,83	5522,1	3,76	100,65
Украинцы	2943,5	2,03	4362,9	2,97	67,47
Башкиры	1673,8	1,15	1345,3	0,92	124,42
Чуваши	1637,2	1,13	1773,6	1,21	92,31
Чеченцы	1361,0	0,94	899,0	0,61	151,39
Армяне	1130,2	0,78	532,4	0,36	212,28
Мордва	844,5	0,58	1072,9	0,73	78,71
Белорусы	814,7	0,56	1206,2	0,82	67,54
Аварцы	757,1*	0,52	544,0**	0,37	139,17
Казахи	655,1	0,45	635,9	0,43	103,02
Удмурты	636,9	0,44	714,8	0,49	89,10
Азербайджанцы	621,5	0,43	335,9	0,23	185,03
Марийцы	604,8	0,42	643,7	0,44	93,96
Немцы	597,1	0,41	842,3	0,57	70,89
Кабардинцы	520,1	0,36	386,1	0,26	134,71
Осетины	514,9	0,35	402,3	0,27	127,99
Даргинцы	510,2*	0,35	353,3**	0,24	144,41
Буряты	445,3	0,31	417,4	0,28	106,68
Якуты	444,0	0,31	380,2	0,26	116,78
Кумыки	422,5	0,29	277,2	0,19	152,42
Ингуши	411,8	0,28	215,1	0,15	191,45
Лезгины	411,6	0,28	257,3	0,18	159,97
Другие и не указавшие	5780,0	3,98	4036,1	2,70	143,21

* Для категории «аварцы» приводится цифра с учетом численности андоцезских групп и арчинцев, а для категории «даргинцы» – с учетом кайтагцев и кубачинцев.

** В 1989 году в составе аварцев учтены андоцезы и арчинцы; в составе даргинцев – кайтагцы и кубачинцы.

Перепись показала, что заметно сократилась численность финно-угорских народов: мордвы, коми, удмуртов, мари, коми-пермяков. Снижение численности в группе финно-угорских народов еще в большей степени наблюдается среди народов, имеющих меньшую численность, – карелов, финнов, вепсов, ижоры [31; 27–28, 39]. Менее значительная убыль имела у чувашей, хакасов, алтайцев и у некоторых коренных малочисленных народов – шорцев, чуванцев, удэгейцев и др. Уменьшилась численность украинцев, бе-

лорусов, немцев, евреев. В то же время почти в 2 раза возросло число армян и азербайджанцев. Эти изменения связывают в основном с миграционными процессами [28]. В сокращении украинцев и белорусов значительную роль отводят процессам этнической ассимиляции [24].

Увеличилась численность осетин, башкир, якутов, бурят, татар, но особенно значительный рост произошел у ингушей, чеченцев и некоторых народов Дагестана – аварцев, даргинцев, кумыков и др. [28].

Общий тренд изменений в период между переписями 1989 и 2002 годов в этнической структуре населения России показывает начало процесса снижения удельного веса населения, принадлежащего к финно-угорским (с 2,2 до 1,9 %) и славянским (с 85,4 до 82,3 %) народам при росте тюркского населения. Оно увеличилось примерно на 1 млн человек, а его доля возросла в населении страны с 8,05 до 8,6 % [32; 38]. Насколько устойчива данная тенденция, покажут данные переписи 2010 года.

Если оценивать характер изменений в региональном аспекте, то среди всех субъектов РФ не более чем в двадцати регионах (пятая часть) за межпереписной интервал произошли заметные этнические перемены. Абсолютным лидером является Чечня. В этой республике ситуация коренным образом изменилась: раньше население было многоэтническим, теперь – практически моноэтническое. За Чечней следует Ингушетия, где этнокультурное разнообразие также заметно снизилось. В 1989 году в Чечено-Ингушской АССР проживали 264,3 тыс. человек, а в 2009 году (по экспертным оценкам) русских в Чечне и Ингушетии осталось всего около 29 тыс. человек, то есть доля русского населения снизилась почти на 90 %. Сейчас оно не превышает 2 % от общего населения данных республик. В Дагестане доля русских сократилась с 9,2 до 3 %, в Карачаево-Черкессии – с 42,4 до 32,8 %, в Кабардино-Балкарии – с 31,9 до 24,3 %, в Северной Осетии – с 29,9 до 20,9 % [25; 47–48]. Среди остальных регионов, частично изменивших свой этнический облик, числятся Тува, Чукотский и Корякский округа, Якутия, Тюменский регион. С гораздо меньшей интенсивностью ситуация менялась на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири. Незначительные перемены произошли в Западной Сибири и на Европейском Севере. Еще менее заметны изменения в Поволжье и на Урале, в столичном Центре и Центральном Черноземье. Практически без этнических перемен остался Волго-Вятский регион.

По мнению экспертов, наиболее тревожным в тенденциях изменения этнодемографической ситуации на региональном уровне остается продолжающийся отток русского и другого «нетитульного» населения из республик Северного Кавказа. Специалистами данный процесс оценивается как серьезная этнополитическая угроза, поскольку он обусловлен не только причинами социально-экономического и этнополитического характера, но и ощущением своего статусного неравенства с представителями титульных национальностей северокавказских республик [25; 21].

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

Вопрос государственного регулирования национальной политикой приобретает особую важ-

ность в многонациональных государствах. Длительное время управление в данной сфере общественных отношений в нашей стране являлось прерогативой исполнительной власти. В период демократизации начался процесс формирования законодательства в области межэтнических отношений [30]. Важнейшие положения о правах народов и национальных меньшинств нашли отражение в новой Конституции России, принятой в 1993 году всенародным голосованием [3]. Она закрепила статус России как демократического, федеративного, правового государства, в котором носителем суверенитета и единственным источником власти выступает ее многонациональный народ. Впервые в истории России соблюдение гражданских, политических, социальных и культурных прав и свобод человека, защита прав национальных меньшинств, коренных малочисленных народов в соответствии с общепринятыми принципами и нормами международного права были признаны конституционной обязанностью государства. Конституция в статье 68 утвердила статус русского языка как государственного, предоставила право республикам в составе РФ устанавливать свои государственные языки, гарантируя при этом «всем народам страны право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития».

В конституции определена и ответственность органов государственной власти разного уровня за соблюдение данных норм. В полномочия федеральной власти входит регулирование и защита прав и свобод человека и гражданина; регулирование и защита прав национальных меньшинств (статья 71, п. «в»); установление основ федеральной политики и федеральные программы в области государственного, экономического, экологического, социального, культурного и национального развития РФ (статья 71, п. «е»). Зоной ответственности президента РФ в соответствии с конституцией и федеральными законами является определение основных направлений внутренней и внешней политики (статья 80, ч. 3), правительства РФ – проведение единой государственной политики в области культуры, науки, образования, здравоохранения, социального обеспечения, экологии, мер «по обеспечению законности, прав и свобод граждан» (статья 114, п. «в» и «е»). К компетенции органов власти субъектов Федерации отнесены: защита прав и свобод человека и гражданина; защита прав национальных меньшинств, защита исконной среды обитания и традиционного образа жизни малочисленных этнических общностей (статья 72, п. «б» и «м»).

Одним из важнейших законов в сфере защиты языковых прав народов и национальных меньшинств является Закон «О языках народов Российской Федерации» (октябрь 1992 года)². Он принимался в период, когда вопросы языковых прав

народов и национальных меньшинств являлись одними из самых актуальных в общественной жизни страны. Основные положения закона стали конституционными нормами. Закон основывался на принципах равноправия всех языков народов России, защиты их государством и признании за республиками права принятия собственных решений о статусе языков народов, проживающих на их территории, и мерах по их поддержке. Законом предусматриваются особые гарантии защиты языков коренных малочисленных народов. Важнейшие положения закона в сфере воспитания и образования признаются определяющими Федеральным законом «Об образовании». В статье 6 «Языки обучения» закона об образовании констатируется: «Общие вопросы языковой политики в области образования регулируются законом “О языках народов Российской Федерации”».

Возможностями Закона «О языках народов Российской Федерации» в значительной степени воспользовались многочисленные народы страны. В большинстве республик были приняты законы о государственных языках, которые способствовали развитию языков коренных народов и расширению их функций. В некоторых из них государственные языки изучаются в школах как обязательный предмет всеми учащимися.

По официальным данным, с 1989 года к настоящему времени количество языков, используемых в системе образования в качестве языков изучения и обучения, увеличилось с 55 до 89. Из них 39 языков (как языки народов России, так и языки национальных меньшинств: азербайджанский, армянский, грузинский, казахский и др.) являются не только предметами изучения, на них проводится и преподавание ряда гуманитарных дисциплин. В качестве учебного предмета в российских школах изучаются еще 50 языков. При этом предмет «родной язык» преподается в основном на всех ступенях общеобразовательных школ.

В регионах растет число школ (в основном в городской местности), где преподавание ведется на родном языке. Увеличилось и количество детей, обучающихся на родных языках. В Якутии школы с родным языком обучения составляют более 40 %, в Башкортостане – 45 %, в Татарстане – 59 %, в Республике Тыва – более 80 %. В среднем по республикам Российской Федерации процент общеобразовательных учреждений с обучением на родном языке, исключая русский, возрос с 13,5 % в 1991 году до 56 % в 2009 году [25; 11].

Значительно сложнее обстоит положение с использованием в системе образования языков малочисленных народов. Усиливается языковая ассимиляция: от 20 до 70 % представителей тех или иных этнических групп даже в местах традиционного проживания считают русский язык родным [22]. В свою очередь, ошутимая утрата ма-

лочисленными народами языков своей национальности снижает эффективность мер, которые принимаются в системе образования для возрождения их языков. В этой сфере необходимо принятие со стороны государства особых мер по ревитализации языков малочисленных народов, в том числе использование международного опыта по возрождению исчезающих языков.

Весьма высокие стандарты по защите прав народов и иных этнических общностей на сохранение и развитие своей культурно-национальной самобытности, защиту, восстановление и сохранение исконной культурно-исторической среды обитания утверждены и Федеральным законом «Основы законодательства Российской Федерации о культуре», принятом также в эпоху активной мобилизации национальных меньшинств (октябрь 1992 года).

В июне 1996 года был принят специальный Закон в сфере национальной политики «О национально-культурной автономии», которая рассматривается как форма этнического объединения, призванная решать проблемы исключительно национально-культурного развития этнических меньшинств, реализуя «самоорганизацию и общественную инициативу заинтересованных граждан» [10]. К настоящему времени в РФ действуют 829 национально-культурных автономий, в том числе 16 федеральных, 221 региональная, 592 местных, и 367 национальных общественных объединений (ассоциаций, центров национальных культур, землячеств) [25: 13]. Все это можно рассматривать как совершенно новое социокультурное явление в полиэтнической жизни России. В целом данным законом на начало 2011 года воспользовались 59 национальностей. Наибольшее количество национально-культурных автономий создано немцами (53), татарами (96), евреями (75), армянами (20), цыганами (7), украинцами и представителями других этнических групп, преимущественно проживающими за пределами своих национально-государственных образований или не имеющими таковых вообще.

Для реализации возможностей института национально-культурной автономии создана система общественных органов управления и взаимодействия с органами власти. На федеральном уровне действует Консультативный совет по делам национально-культурных автономий при Министерстве регионального развития РФ (далее – Минрегион).

В дальнейшем внимание законодателей к проблемам национальной политики практически ограничилось формированием законодательства в сфере защиты прав коренных малочисленных народов. В 1999 году был принят базовый Закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» [12], в 2000 году – «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Си-

бири и Дальнего Востока Российской Федерации» [13], в 2001 году – «О территориях традиционного пользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» [14]. Вместе с тем правовое регулирование общественных отношений в сфере защиты прав коренных малочисленных народов признается несовершенным. По заключению экспертов, оно «страдает излишней декларативностью, нередко – отсутствием конкретных правовых механизмов реализации провозглашенных прав» [26]. Наличие в нем «коллизий, правовых лакун, устаревших норм, в том числе положений, противоречащих действующему законодательству», отмечается и в докладе Госсовета РФ «О мерах по укреплению межнационального согласия в российском обществе» [25; 36]. В 2009 году правительством Российской Федерации была утверждена Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. Она должна стать программой действий органов власти по отношению к коренным малочисленным народам Севера на 2009–2025 годы [4].

В России, как и в большинстве других стран, этническая и религиозная идентичности граждан часто взаимосвязаны. Зачастую религиозность является лишь дополнительным маркером этнической самобытности. В других случаях религиозная традиция, не отвергая этнокультурной самобытности верующих, тем не менее остается базовой идентичностью. По сведениям Министерства юстиции РФ, на 1 января 2010 года зарегистрированы 23 494 религиозные организации. Большая часть из них (12 941) принадлежат к Русской православной церкви Московского патриархата, 4127 являются мусульманскими организациями, 291 – иудейской, 208 – буддистскими, 4438 – протестантскими, 1489 относятся к остальным вероисповеданиям [25; 21]. Основой их деятельности является Закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» (сентябрь 1997 года) [9].

Создание специальных структур в исполнительной власти, ответственных за реализацию законодательства в сфере национальной политики, началось еще в период перестройки. В 1989 году в правительстве РСФСР был создан Государственный комитет по национальным вопросам, который продолжил свою работу в постсоветский период³. Впоследствии он неоднократно менял свой статус и название⁴. С 2004 года данную функцию осуществляет Минрегион, в компетенцию которого входит нормативно-правовое регулирование государственной национальной политики и межнациональных отношений, защита прав национальных меньшинств и коренных малочисленных народов РФ, взаимодействие с казачьими обществами [6].

На региональном уровне вопрос в сфере национальной политики о структурах решается по-разному.

По официальным данным, из 83 субъектов РФ в 24 действуют министерства, комитеты или департаменты по национальной политике. В 31 регионе данные вопросы находятся в компетенции подразделений по взаимодействию с общественными организациями и органами местного самоуправления, в 13 – в управлениях или департаментах внутренней политики, в 4 – в ведении региональных органов образования или культуры, в 11 – в аппаратах глав регионов. В 69 регионах созданы консультативные советы по межэтническим отношениям или взаимодействию с национально-культурными организациями, в 59 субъектах Федерации действуют региональные целевые программы или подпрограммы в сфере этнокультурного развития народов, гармонизации межэтнических отношений, профилактики этнополитического экстремизма, в том числе в молодежной среде [25; 33–34].

В декабре 2006 года в Закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» были внесены изменения, предусматривающие право органов местного самоуправления выделять средства из местного бюджета «на создание условий для осуществления деятельности, связанной с реализацией прав местных национально-культурных автономий; на оказание содействия национально-культурному развитию народов; на реализацию мероприятий в сфере межнациональных отношений» [15]. Это позволяет им принимать целевые муниципальные программы в сфере межнациональных отношений, создавать соответствующие структуры и консультативные органы по вопросам межнациональных и межрелигиозных отношений. Вместе с тем практика показывает, что далеко не во всех регионах и тем более муниципальных образованиях используются возможности законодательства для принятия целевых программ и создания структур, обеспечивающих их реализацию, в основном по причине слабого ресурсного обеспечения (финансового, кадрового).

Весьма резко деятельность региональных органов власти по реализации национальной политики оценил президент РФ Д. А. Медведев, заявив, что «работа по вопросам межнациональных отношений никогда не относилась к приоритетам региональной деятельности, она обычно отнесена на второй план, а зачастую носит просто имитационный характер» [25; 3].

С учетом имеющихся проблем, новых вызовов и угроз в сфере межнациональных отношений реализация государственной национальной политики по ряду направлений нуждается в модернизации. В докладе «О мерах по укреплению межнационального согласия в российском обще-

стве», представленном рабочей группой на заседании президиума Государственного совета РФ (11 февраля 2011 года, г. Уфа), обозначены ключевые проблемы в данной сфере:

- отсутствие четко выраженных концептуальных подходов к реализации государственной национальной политики, несоответствие действующей Концепции государственной национальной политики Российской Федерации современным вызовам и угрозам, отсутствие региональных концептуальных документов, определяющих основные направления реализации государственной национальной политики в субъектах РФ;
- недостаточная координация государственной национальной политики как на федеральном, так и на региональном уровне;
- ситуативная реакция на существующие и возникающие вызовы и угрозы в этнополитической сфере, включая противодействие геополитическим угрозам;
- отсутствие полномочий у органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в сфере реализации государственной национальной политики, как следствие – недостаточное внимание региональных и местных властей к межэтническим отношениям на подведомственной территории;
- отсутствие на федеральном и региональном уровнях системы мониторинга и прогнозирования состояния межэтнических отношений, а также оперативного реагирования на рост межэтнической и межконфессиональной напряженности;
- недостаток или полное отсутствие финансовых ресурсов для реализации эффективной государственной национальной политики как на федеральном, так и на региональном уровне при значительном зарубежном финансировании проектов этнополитического и религиозно-политического характера на территории РФ [25; 4–5].

Достижение поставленных задач возможно только при совместных усилиях федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и институтов гражданского общества. В настоящее время неблагоприятными факторами для установления межнационального согласия в общественно-политической сфере являются: слабая общероссийская гражданская идентичность, в том числе в среде северокавказской молодежи, на фоне роста этнической и религиозной самоидентификации; этнополитический и религиозно-политический радикализм и экстремизм в молодежной среде; сложное социокультурное самочувствие русского народа в условиях этнической

мобилизации других этнических сообществ и роста числа мигрантов; неудовлетворенность его этнокультурных потребностей; рост националистических настроений в среде русской молодежи [25; 4].

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ И ОРГАНОВ ВЛАСТИ

Особая роль в преодолении обозначенных негативных явлений принадлежит национальным общественным объединениям как наиболее активным институтам гражданского общества. Анализ развития национально-культурного движения в России позволяет констатировать, что национально-культурные автономии, другие общественные объединения можно трактовать как устойчивую форму социального бытия, стремящуюся к приобретению своих институциональных форм, к расширению диалога между гражданами и государством.

При установлении партнерских взаимоотношений между общественными объединениями и государственными структурами этнической и религиозный факторы не только способствуют гармонизации в сфере межнациональных отношений, политической и экономической стабильности, но и способны являться мощным ресурсом развития страны.

Отдельные общественные объединения в РФ имеют статус общероссийских (Ассамблея народов России, Ассоциация финно-угорских народов Российской Федерации, Конгресс народов Кавказа, Российский союз молодежи, Ассоциация общественных объединений «Национальный Совет молодежных и детских объединений России», Всемирный конгресс русскоязычного еврейства, Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока и др.), что, естественно, потребовало расширения их функций и задач. Они постепенно берут на себя координирующую роль, становятся своеобразными методическими центрами в общественном движении по регулированию межнациональных отношений, взаимодействию с исполнительными и законодательными органами государственной власти, прикладывают немало усилий для достижения согласия в отношениях между народами, устранения возникающих противоречий в этих отношениях, способствуют их предотвращению уже в самом зародыше.

Национально-культурные автономии и национальные общественные объединения как совершенно новый демократический общественный институт в России взаимодействуют с государственными органами власти всех уровней и другими ведомствами, включая федеральные, региональные, международные, религиозные и т. д.

Применительно к Российской Федерации на первый план выдвигались формы взаимодействия с органами федеральной власти, затем с аппаратами полномочных представителей президента Российской Федерации в федеральных округах, с аппаратами администраций регионов страны [23].

Деятельность некоторых общественных объединений способствует расширению международного сотрудничества в сфере защиты прав национальных меньшинств. Они устанавливают связи с посольствами стран, являющихся исторической родиной национальных меньшинств, организуют совместные мероприятия и т. д.

Наиболее активно действуют ФНКА татар, Федеральная еврейская НКА, ФНКА азербайджанцев России «АзерРос», ФНКА российских немцев, ФНКА «Белорусы России». Многие федеральные этнокультурные объединения имеют собственные периодические издания: газеты «Татарский мир», «Азеррос», «Финно-угорская газета», «Греческая газета», «Ноев ковчег» (независимая информационно-аналитическая международная армянская газета), «Еврейская газета», «Российские корейцы», «Ариран» (газета о жизни корейской диаспоры стран СНГ) и др.

Одна из главнейших задач национально-общественных организаций и объединений состоит в обеспечении максимальной деконфликтогенности этнокультурной сферы. Этнический фактор существовал всегда, а проблемы возникают лишь тогда, когда этничность чрезмерно политизируется, когда на ее основе можно спровоцировать ксенофобию, изоляционизм, разрушительные действия, поскольку в экстремальных ситуациях верность своей этнической группе оказывается сильнее всех других обязательств и привязанностей. Научные исследования говорят о том, что уходит время конфликтов, возникающих между государствами: они все чаще возникают внутри государств и могут начинаться под любыми лозунгами, но в ходе борьбы этничность и конфессиональность, как правило, выходят на первый план.

В настоящее время главными целями государственной национальной политики должны стать укрепление гражданского единства российской нации и обеспечение этнокультурного развития народов России при гармонично развивающихся межэтнических и межрелигиозных отношениях.

Идеологема «российской (гражданской) нации» является реальным фактором, объединяющим многоэтническое сообщество граждан России. Результаты проведенных в 2008 году по заказу Минрегиона социологических исследований позволяют выявить наметившуюся тенденцию укрепления общероссийской гражданской идентичности. По данным опроса ВЦИОМ, 73 % школьников прежде всего идентифицируют себя как граждан России и только во вторую оче-

редь – как представителей своей национальности (35 %)⁵.

Результаты опроса зафиксировали наиболее высокий уровень гражданской самоидентификации у школьников Калининграда (85 %), Белореченска (82 %) и Воронежа (81 %), наиболее низкий – в Санкт-Петербурге (63 %), Якутске (65 %) и Нальчике (66 %). Примерно для трети школьников Калининграда, Томска и Нальчика весьма значимой является также региональная идентичность («сибиряк», «кавказец» и т. д.).

Стремление идентифицировать себя с представителями своей национальности наиболее выражено у школьников Казани (43 %) и Москвы (42 %). При этом степень актуализации этнической идентичности возрастает по мере их взросления. Так, если в 5–6-м классах она уступает место самоидентификации по роду занятий (29 % против 32 %), то в 9–11-м классах уже 40 % школьников идентифицируют себя со своей национальностью [25; 7–8].

С точки зрения государства гражданская идентичность должна быть базовой у граждан России, что не означает отмены других самоидентификаций (этнической, родовой, религиозной, социальной, профессиональной, корпоративной и пр.). В этом заключается мощный потенциал общегражданской солидарности.

Важную роль в современном этнокультурном развитии народов России играют средства массовой информации. По данным на 2008 год теле- и радиовещание проводилось на 50 национальных языках, в СМИ использовались 66 языков, в том числе языки народов России и бывшего СССР.

К концу 2010 году отмечена тенденция некоторого сокращения количества периодических печатных изданий на языках народов России с одновременным резким увеличением числа электронных СМИ, что объясняется как последствиями мирового финансового кризиса, так и мировой тенденцией постепенного перехода печатных СМИ на интернет-версии [25; 13].

Важнейшим направлением удовлетворения этнокультурных потребностей народов России является государственная поддержка в сфере культуры. Под эгидой Министерства культуры России центрами (домами) народного творчества ведется работа по поиску и сохранению празднично-обрядовых, семейно-бытовых, песенных, инструментальных, хореографических, ремесленных и других традиций народов России. В стране действуют около 15 тыс. фольклорных коллективов, 150 из них – государственные народные хоры, ансамбли песни и танца, ансамбли народной музыки; открыты более 500 фольклорных отделений в музыкальных школах и школах искусств; более чем в 5 тыс. клубных учреждений работают фольклорные студии, школы, мастерские. Более 3 тыс. клубов, в первую очередь

сельских, изменив свой профиль, стали центрами и домами фольклора, ремесел, музеями быта и т. п.

В течение последних лет во многих городах России были открыты государственные учреждения (дома дружбы, центры национальных культур и т. п.), основой деятельности которых является работа с национальными общественными организациями, формирование в местном сообществе атмосферы уважения к культурному многообразию, сохранение этнокультурной идентичности и укрепление атмосферы межнационального мира и гражданского согласия. Подобные учреждения есть в Москве, Санкт-Петербурге, Петрозаводске, Оренбурге, Иванове и многих других городах. Важную роль в реализации государственной национальной политики играют музеи. В рамках реализации Государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006–2010 годы» и Федеральной целевой программы «Культура России (2006–2011 годы)» осуществляется поддержка мероприятий музеев, направленных на представление культурного многообразия России, а также на формирование активной гражданской позиции и негативного личностного отношения к различным проявлениям религиозного экстремизма, ксенофобии и национализма [25; 42].

Цель любой национальной политики – удовлетворение конституционных, этнических и конфессиональных прав наших граждан, а также обеспечение общественно-политической стабильности. Это двуединая задача. По нашему мнению, формула стабильности – это жесткий треугольник, где одну сторону составляет исполнительная власть, другую – законодательная, третью – гражданское общество в лице общественных национальных и религиозных организаций. Если любая сторона этого треугольника ужимается, то он теряет устойчивость, а если

вообще выпадает, то случаются коллапсы, как это наблюдалось в 90-е годы XX века. Необходим постоянный мониторинг этнополитической стабильности и раннего предупреждения конфликтов, публичное обсуждение проблем межнациональных отношений, оценки результативности деятельности государственных структур в данной сфере.

Решения, принятые по итогам заседания президиума Госсовета РФ по вопросам сохранения межнационального мира 11 февраля 2011 года (г. Уфа), свидетельствуют об усилении внимания к проблемам национальной политики на всех уровнях государственной власти⁶.

С целью координации данной деятельности на федеральном уровне создается Правительственная комиссия по вопросам государственной национальной политики. Основные задачи поставлены перед региональными властями: им предстоит создать постоянно действующие рабочие группы по вопросам гармонизации межэтнических отношений с участием представителей религиозных организаций; разработать и принять комплексные планы действий по гармонизации межэтнических отношений, обратив особое внимание на взаимодействие с национально-культурными объединениями, религиозными организациями, общинами и землячествами; ежегодно предоставлять доклады о реализации комплексных планов действий по гармонизации межэтнических отношений [5].

Для достижения этих целей необходимо продолжить совершенствование законодательной базы в сфере национальной политики, учитывая мнение этнически ориентированных общественных объединений; разработать при активном взаимодействии с общественностью действенные механизмы с предоставлением необходимого ресурсного обеспечения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. таблицу «Национальный состав населения России по данным переписей 1926, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989, 2002 годов». Наряду с численностью этнических групп, проживающих в России, в ней представлена информация о том, к какой из категорий принадлежит та или иная группа: к проживающим преимущественно в РФ, проживающим преимущественно в других странах или имеющим статус коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока [17].

² См. последнюю редакцию закона [2].

³ Образован Указом Президиумом Верховного Совета РСФСР 15 ноября 1989 года.

⁴ О преобразованиях ведомства по вопросам национальной политики см. [20].

⁵ В ходе исследования ВЦИОМ «Формирование общегражданских установок и этнических стереотипов в школьной среде» было опрошено 6800 учащихся средних общеобразовательных учебных заведений в 16 городах России. Тип выборки – квотная по полу и возрасту; в точках опроса в национальных республиках был введен дополнительный критерий квотирования – по национальности. Опрос охватил следующие подвыборки: учащиеся младших средних классов (5–6-й классы), учащиеся старших средних классов (7–8-й классы), учащиеся старших классов (9–11-й классы). Опрос проводился методом аудиторного анкетирования школьников по месту их учебы (см. [25; 7]).

⁶ О заседании Президиума Госсовета о мерах по укреплению межнационального согласия см. [27].

ИСТОЧНИКИ

1. Доклад «Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.perepis2002.ru/content.html?id=7&docid=10715289081450>
2. Интернет и право [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.internet-law.ru/law/smi/iazyk.htm>
3. Конституция Российской Федерации. М.: Юридическая литература, 1993. 64 с.

4. Министерство регионального развития Российской Федерации. Действующие документы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.minregion.ru/WorkItems/ListDocs.aspx?PageID=462>
5. Перечень поручений Президента Российской Федерации по итогам заседания президиума Государственного совета Российской Федерации 11 февраля 2011 г. (г. Уфа). Приказ Президента РФ № 488 от 27 февраля 2011 года.
6. Положение о Министерстве регионального развития Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.minregion.ru/upload/ministry/100220-pprf40.tif>
7. Постановление Правительства РФ от 12 ноября 2010 года № 896 «О подведении итогов Всероссийской переписи населения 2010 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.referent.ru/1/167557>
8. Российская газета. 2011. 28 марта [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rg.ru/2011/03/27/perepis-rosstat-site.html>
9. Славянский правовой центр [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.sclj.ru/law/rus/detail.php?ID=1129>
10. Собрание законодательства РФ. 1996. № 17. Ст. 1915.
11. Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 3010.
12. Собрание законодательства РФ. 1999. № 18. Ст. 2208.
13. Собрание законодательства РФ. 2000. № 30. Ст. 3122.
14. Собрание законодательства РФ. 2001. № 20. Ст. 1972.
15. Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/popular/selfgovernment/>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

16. Брежнев Л. И. Речь по случаю 50-летия со дня образования СССР // История КПСС. М., 1982.
17. Демоскоп Weekly. 2004. 1–25 января. № 141–142.
18. Демоскоп Weekly [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_02.php
19. Демоскоп Weekly [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nation.php
20. Долгий путь Миннаца из МВД в МВД // Коммерсантъ Власть. 2001. № 42 (444) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/Doc/288415>
21. Зорин В. Ю. Национальная политика в России: история, проблемы, перспективы. М.: ИСПИ, 2002. 284 с.
22. Зорин В. Ю. Материалы к выступлению на международной конференции в г. Цюрихе (29 апреля 2010 года) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.convivenza.ch/fileadmin/Dokumente/2010/Zorin.pdf>
23. Зорин В. Ю. Размышления о национально-культурной автономии // Жизнь национальностей. 2010. № 3. С. 58–64.
24. Мкртчян Н. Влияние миграции на изменение этнического состава России и ее регионов. Предварительная оценка итогов Переписи-2002 // Этническая ситуация и конфликты в государствах СНГ и Балтии. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, 2004 / Под ред. В. Тишкова и Е. Филипповой. М.: УОП ИЭА РАН, 2005. С. 51–60.
25. О мерах по укреплению межнационального согласия в российском обществе. Доклад Президиума Государственного совета Российской Федерации (11 февраля 2011, г. Уфа). 2011.
26. Постников А. Е., Андриченко Л. В., Бандорин Л. Е. Анализ федерального законодательства Российской Федерации о правах коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока на предмет соответствия международным стандартам. М., 2007.
27. Президент России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/10312>
28. Степанов В. В., Тишков В. А. Россия в этническом измерении (по результатам переписи 2002 г.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://socis.isras.ru/SocIsArticles/2005_09/stepanov_tishkov.doc
29. Тишков В. А. 20 лет советской этнополитике // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах, 2009: Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. М., 2010.
30. Трофимов Е. Н. Государственная национальная политика России: законодательный аспект (1906–2007 годы). М., 2008. С. 5–9.
31. Финно-угорские народы России: вчера, сегодня, завтра. Сыктывкар, 2008. 272 с.
32. Этнографическое обозрение. 2006. № 1.
33. Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах // Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. 2009. М., 2010. С. 284–288.

ЗИНАИДА ИВАНОВНА СТРОГАЛЬЩИКОВАкандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора этнологии Института языка, литературы и истории, Карельский научный центр РАН
*svoboda@onego.ru***ЭТНИЧЕСКАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИХ НАРОДОВ В КАРЕЛИИ: ОСОБЕННОСТИ И ИТОГИ**

Статья посвящена особенностям совместной деятельности общественных организаций прибалтийско-финских народов Карелии – карелов, вепсов и финнов по защите политических и этнокультурных прав своих народов (конец 1980-х – 2010-е годы).

Ключевые слова: этническая мобилизация, национальная политика, деятельность общественных организаций, народы Карелии

Роли этничности в политических процессах XX века, именуемого веком «национализма» и меньшинств [28], посвящена обширная литература. Впрочем, справедливо отмечают, что без этнической мобилизации, под которой понимают солидарность групп на основе этнической идентичности в целях представления и защиты интересов своей группы, «сам по себе феномен этничности остался бы на задворках научных поисков» [39; 2].

В СССР старт этнической мобилизации начался с публичного обсуждения запретной прежде темы национальной политики, традиционно сводимой в советский период к взаимоотношениям руководства страны и нерусских народов. На рубеже 1980–90-х годов она являлась одной из самых обсуждаемых в СМИ, на научных конференциях и различных форумах. Процесс выявления «белых пятен» в истории народов, в том числе ее трагических сторон, воспринимался с надеждой на восстановление справедливости и достоинства граждан. В лице национально ориентированной интеллигенции и создаваемых ею массовых национальных движений идеологи перестройки приобрели наиболее активных и последовательных сторонников демократических перемен. Партийное руководство весьма оперативно отреагировало на запрос времени, создав в 1987 году в ЦК КПСС специальный отдел по разработке новых подходов в сфере межнациональных отношений [38; 81]. Платформа по национальной политике (далее Платформа) как важнейший программный документ по идеологии обновления национальной политики была утверждена на сентябрьском пленуме ЦК КПСС [34]. Ее основные положения стали на долгое время основой для законотворческой работы в сфере национально-государственного строительства. Платформа предусматривала расширение прав республик и автономных образований (областей, округов) в области государственного,

культурного и экономического развития, право республик устанавливать свои государственные языки, содействие государства развитию языков малочисленных народов и национальных меньшинств, создание в местах их компактного проживания национальных административно-территориальных единиц (районов, сельсоветов). Такая перспектива преобразований отвечала требованиям руководства национальных республик о реальной федерализации страны и соответствовала международным нормам о правах коренных народов и национальных меньшинств. Реализация положений Платформы в условиях реальной демократии того времени предоставляла большие возможности для учета региональной специфики при принятии соответствующих документов на местах. Каждый регион, а для автономных республик это было обязательным, должен был разработать свой вариант программы совершенствования межнациональных отношений, утвердив их на своих партийных пленумах.

Все положения Платформы, актуальные для решения проблем, выдвигаемых национальной общественностью Карелии, прошли публичное обсуждение. Самой неотложной задачей для карел и вепсов признавалось восстановление ликвидированной в конце 1930-х годов карельской и вепсской письменности, способствующей форсированию языковой и этнической ассимиляции данных народов, у финнов-ингерманландцев – принятие решения о признании незаконными репрессий, которым они подвергались по этническому признаку в течение 1930–50-х годов. Вепская общественность ставила также вопрос о восстановлении упраздненного в 1956 году национального Шелтозерского района, включении вепсов в список малочисленных народов Севера, находящихся под государственным патронажем [14], [4], [10].

В подготовке общественного мнения населения Карелии о необходимости учета интересов

карельского, вепсского и финского народов в меняющейся политической обстановке основную роль сыграла просветительская деятельность научной интеллигенции. Специалисты по гуманитарным наукам – историки, фольклористы, этнографы, языковеды, в основном сотрудники ИЯЛИ – являлись самой активной частью «пропагандистов» за возрождение своих народов. Начиная с 1987 года на круглых столах и в печати велись острые дискуссии о судьбах карельского и вепсского народов и их языков, восстановлении их письменности, выбора алфавита, организации преподавания языков в школе, подготовке специалистов и учителей карельского и вепсского языков. Впервые стали известны трагические страницы истории финнов-ингерманландцев, подвергнувшихся выселению в годы войны со своей родины, пограничных с Финляндией районов Ленинградской области, и лишенных права вернуться после войны в свои деревни. Их активисты неоднократно обращались в различные органы центральной власти о необходимости их реабилитации как народа, подвергнувшегося репрессиям в годы сталинского режима [10; 11–21]. В то время в Верховном Совете СССР шла подготовка Декларации «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав».

В Карелии, в отличие от других республик, в национальных движениях не участвовали влиятельные «националы» из партийной и государственной номенклатуры. Это обстоятельство придавало большую самостоятельность и независимость в выдвижении и обсуждении инициатив общественности, но осложняло их учет органами власти. Карельский обком крайне сдержанно высказывался по вопросам национального развития карелов, вепсов и финнов, касаясь их лишь при обсуждении общих проблем перестройки. Откладывалось официальное утверждение карельского и вепсского алфавитов, подготовленных специалистами ИЯЛИ, хотя идея возрождения языков быстро нашла массовый отклик на местах. В апреле 1987 года в с. Шелтозере начались первые уроки вепсского языка, а спустя год – карельского в нескольких школах Олонецкого района. В письме секретаря Карельского обкома КПСС В. С. Степанова в ЦК КПСС 30 декабря 1988 года с информацией о ходе подготовки обкома к предстоящему пленуму ЦК по национальным вопросам сообщалось, что рассмотренные вопросы региональной национальной политики планируются на заседаниях бюро и пленуме Карельского обкома в 1989 году [11]. Однако в Карелии, единственной из всех республик СССР, специальный пленум по обсуждению национальных проблем так и не был проведен. Нерешительность местных властей вынуждала активистов национальных движений искать сторон-

ников во властных структурах за пределами Карелии. Представители вепсской интеллигенции в мае 1988 года обратились в Совет министров РСФСР и Советский фонд культуры, возглавляемый академиком Д. С. Лихачевым. По его инициативе, поддержанной руководством страны, в г. Петрозаводске в октябре 1988 года состоялось региональное межведомственное совещание «Вепсы: проблемы развития экономики и культуры в условиях перестройки». По поручению Карельского обкома КПСС его готовили Совет министров КАССР, ИЯЛИ и Отдел экономики Карельского филиала Академии наук СССР. По замыслу организаторов, рекомендации вепсского совещания должны были стать моделью для возрождения малочисленных народов страны и учитываться при подготовке в 1989 году специального пленума ЦК КПСС. Совещание имело необычный формат: впервые вместе с представителями центральных, региональных и местных органов власти, учеными в обсуждении своей судьбы принимали участие представители вепсского народа из всех регионов проживания – Карелии, Ленинградской и Вологодской областей. Рекомендации совещания предусматривали принятие неотложных мер по ликвидации отставания в социально-экономическом и культурном развитии районов проживания вепсов, восстановлению письменности, развитию вепсского языка и культуры, подготовке национальных кадров, организации мероприятий, объединяющих вепсов разных регионов, проведению специальных исследований. Предлагались также меры политического характера: восстановить в местах компактного расселения вепсов национальные районы и сельсоветы с последующим их объединением в единый Вепский национальный округ, включить вепсов в состав малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока [4; 16–17, 80–85]. Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев, основываясь на рекомендациях совещания, в июле 1989 года принял решение о создании в Карельской АССР, Ленинградской и Вологодской областях экспериментальных вепсских национальных районов и сельсоветов. В Вологодской области в октябре 1989 года был создан национальный Куйский вепсский сельский совет. В Карелии обком дважды принимал решения о создании Шелтозерского национального района, но выполнить поручение ЦК не смог. Оно не было реализовано и в Ленинградской области [37; 22–23], [4; 19–20].

В мае 1989 года по решению Карельского обкома КПСС состоялась научно-практическая конференция «Карелы: этнос, язык, культура, экономика. Проблемы и пути развития в условиях совершенствования межнациональных отношений». В ее рекомендациях осуждались ошибки прежней государственной политики по отношению к карелам, ставилась задача обеспечения

достойного представительства карелов в органах власти, необходимости социально-экономической поддержки районов их проживания, развития карельского языка и культуры, проведения научных исследований в области традиционной культуры и современного состояния карельского народа [12; 20–25].

Итоги вепского совещания и карельской конференции стали основой республиканских программ по этническому развитию карелов и вепсов для органов власти и национальной общественности. В апреле 1989 года Совет министров КАССР утвердил рекомендованные ученым советом ИЯЛИ алфавиты вепского и карельского языков: карелов-ливвиков на основе латиницы и два варианта вепского – на основе латиницы и кириллицы [4; 115–116]. В дальнейшем востребованной оказалась только ее форма на латинской графике. В 2007 году правительство Карелии скорректировало прежнее решение о вепском алфавите. Для вепского языка был утвержден алфавит на основе латиницы [18].

Проведение данных форумов способствовало объединению активистов в общественные организации. В сентябре 1989 года Президиум Верховного Совета КАССР утвердил уставы Общества вепской культуры (председатель З. И. Строгальщикова) и Общества карельской культуры (председатель П. М. Зайков), а в декабре 1989 года – Ингерманландский союз финнов Карелии (председатель И. И. Муллонен). Они оказались первыми в республике общественными организациями, зарегистрированными в перестроечный период.

Общественно-политическая обстановка в Карелии кардинально изменилась после избрания в апреле 1990 года на первых демократических выборах Верховного Совета КАССР (далее – ВС), ставшего после утраты влияния КПСС реальным высшим органом власти в республике. В его составе из 120 депутатов было 9 карелов, 4 финна и 2 вепса [32], что в целом соответствовало доле карелов, вепсов и финнов в составе населения Карелии. Своих представителей в ВС имели Ингерманландский союз финнов Карелии и Общество вепской культуры, которые вошли в состав Постоянной комиссии по национальной политике, культуре, языку и охране исторического наследия (далее – Постоянная комиссия по национальной политике). Комиссии поручалась «разработка законопроектов, решений и предложений по вопросам социально-культурного развития коренных народов, обеспечивающих защиту их интересов; участие в разработке программ развития языков и культур коренных народов; определение приоритетов государственной политики в сфере культуры» [27; 265].

Первая половина 1990-х годов занимает особое место в политической истории страны. «Па-

рад суверенитетов» положил начало становлению новых федеративных отношений в РСФСР, что стало толчком для преобразований в национально-государственном устройстве регионов. Карелия одна из первых автономных республик страны приняла Декларацию о государственном суверенитете КАССР. В ней гарантировалось «соблюдение прав и свобод человека, предусмотренных общепризнанными нормами международного права, Конституцией Карельской АССР; свободное национальное и культурное развитие всех народов на ее территории; возрождение национальной самобытности коренных народов» [33]. В республике начался процесс формирования законодательства по вопросам национальной политики и создания структур, направленных на реализацию прав коренных народов на развитие своей культуры и языка. В нем активное участие принимали представители Союза карельского народа, Общества вепской культуры и Ингерманландского союза финнов Карелии, сумевшие установить конструктивный диалог с новым составом ВС. По их предложению в 1990 году в Петрозаводском государственном университете (далее – ПетрГУ) была открыта кафедра карельского и вепского языков с очным подготовительным отделением, в 1992 году в Карельском государственном педагогическом институте (далее – КГПИ) – межфакультетская кафедра родных языков (карельского и вепского) для подготовки учителей начальных классов и воспитателей с преподаванием родных языков. В 1992 году был создан Республиканский центр национальных культур как государственное учреждение для содействия в реализации культурно-просветительских инициатив общественных организаций.

В начале 1990-х годов началось издание газет на карельском и вепском языках. Первый номер газеты «Oma tuua» на карельском (ливвиковском) языке вышел в июне 1990 года к 70-летию образования Карельской Трудовой Коммуны. В 1991 году к межрегиональному вепскому празднику «Древо жизни» в специальном выпуске районной газеты «Коммунист Прионежья» (№ 75–76 от 22 июня), посвященном обсуждению вепских проблем, впервые появилась страница на вепском языке. В 1992 году для выпуска периодических изданий и литературы на финском, двух карельских наречиях (ливвиковском и собственно карельском) и вепском языках создается государственное издательство «Периодика».

В целях развития и расширения сфер применения финского, карельского и вепского языков органами власти Карелии было принято несколько специальных решений, поощряющих их использование в СМИ и системе образования. В 1992 году постановлением правительства республики для сотрудников национальных СМИ устанавливалась 25-процентная доплата к окла-

дам за использование в работе финского, карельского и вепсского языков. Государственный комитет по труду и социальным вопросам республики в феврале 1993 года предоставил право органам местного самоуправления и Министерству народного образования увеличивать до 50 % тарифные ставки (оклады) педагогическим работникам (учителям, воспитателям), преподающим карельский, вепсский и финский языки.

По предложению форумов, проводимых в тот период национальной общественностью, ВС принял несколько важных решений. С учетом решений республиканского съезда карельского народа (июнь 1991 года) Карелия первая из республик в составе РФ создала в 1992 году специальный орган в структуре исполнительной власти по вопросам национальной политики – Комитет по национальной политике и межнациональным отношениям (ныне Государственный комитет по вопросам национальной политики и связям с религиозными и общественными объединениями), приняла постановление Совета министров о порядке смены национальности в паспортах. По предложениям Национального конгресса карелов, вепсов и финнов (ноябрь 1992 года), поддержанных Президиумом ВС, ректорат ПетрГУ в 1993 году создал факультет прибалтийско-финских языков и культуры на базе кафедр финского языка и карельского и вепсского языков; было принято решение об открытии Финно-угорской школы в г. Петрозаводске, начала подготовка Республиканской программы возрождения языка и культуры карелов, вепсов и финнов.

Важной частью работы Постоянной комиссии по национальной политике стала подготовка в 1992 году совместно с организациями финнов-ингерманландцев Карелии и Санкт-Петербурга проекта Постановления Верховного Совета РФ «О реабилитации российских финнов и неотложных мерах по ее осуществлению». Он был представлен в ВС РФ как законодательная инициатива депутата ВС РФ, председателя ВС РК В. Н. Степанова. Длительная работа представителей карельских властей, общественных организаций финнов-ингерманландцев с Комиссией Совета Национальностей ВС РФ по репрессированным и депортированным народам, возглавляемой депутатом от Карелии А. Аникиевым, завершилась принятием 29 июня 1993 года ВС РФ Постановления «О реабилитации российских финнов» [10; 95–96].

Особую сложность вызывало закрепление новых инициатив этнонациональной политики в законодательстве Карелии. Законодательская работа Постоянной комиссии по национальной политике началась с подготовки Закона «О правовом статусе национального района, национальных сельских и поселковых советов в РК» (принят в 1991 году). Его основные положения опирались на союзный Закон «О свободном национальном

развитии граждан СССР, проживающих за пределами своих национально-государственных образований или не имеющих их на территории СССР», принятый в 1990 году ВС СССР [1]. Принятие закона о статусе национальных административно-территориальных единиц предусматривало внесение изменений в Конституцию Карелии. Такая поправка, внесенная в Конституцию КАСР (статья 71) в марте 1991 года, позволила в ноябре того же года принять закон [2].

Согласно закону, национальные районы, национальные сельские и поселковые Советы создавались решением ВС РК в местах компактного проживания карелов, вепсов и финнов по итогам местных референдумов. Органы государственной власти в рамках своих полномочий обязаны были оказывать им содействие в организации охраны среды обитания, развитии культуры, искусства, традиционных ремесел и промыслов. В ситуации, когда по многим причинам возможность придания карельскому языку статуса государственного оказалась крайне проблематичной [30], закон давал возможность интенсивного развития карельского и вепсского языков в самой заинтересованной среде – местах их компактного расселения. Местные органы власти получали право открывать в детских садах группы с воспитанием детей на родных языках, вводить преподавание на них в школах или изучение их как обязательного предмета, использовать их наряду с русским в работе и деятельности предприятий, учреждений и организаций. Для финансирования дополнительных мер по развитию национальных языков и культуры на национальных территориях в мае 1992 года был создан республиканский Фонд национального возрождения малочисленных народов Карелии [3]. Деятельность Фонда продолжалась до 1994 года, в 1995-м его заменила Республиканская программа возрождения и развития языка и культуры карелов, вепсов, финнов РК (1995–2000 годы) [20].

В 1992 году статус национального получили карельский Калевальский район, вепсский Шелтозерский сельский совет Прионежского района [4], в 1993 году – Шокшинский и Рыборецкий сельские советы Прионежского района [4; 204].

В периодическом докладе о соблюдении Международного пакта о гражданских и политических правах, представленном РФ в 1994 году в Комитет ООН по правам человека, Закон РК «О правовом статусе национального района, национальных поселкового и сельского советов в РК» в числе аналогичных нормативных актов других субъектов РФ (Бурятия и Кемеровской области) был приведен как пример регионального законодательства, соответствующего «международным нормам о правах человека и национальных меньшинств, поднимающих статус граждан в национальной сфере до уровня международных стандартов» [5; 59].

В 1994 году в связи с реформой местного самоуправления, начавшейся в республике после принятия в 1993 году новой Конституции РФ, вепские сельсоветы объединились в самостоятельное муниципальное образование районного уровня – Вепскую национальную волость, существовавшую до января 2006 года. С 1994/95 учебного года во всех школах Вепской волости вепский язык начали изучать все учащиеся независимо от их национальности [4; 19]. После упразднения волости вепские сельсоветы снова вошли в состав Прионежского района со статусом вепских сельских муниципальных поселений [6].

В июне 2001 года Закон «О правовом статусе национального района, национальных поселкового и сельского советов в РК» был признан ЗС РК утратившим силу из-за несоответствия изменившемуся законодательству о местном самоуправлении [21]. Предложенный правительством в 2002 году вместо него проект Закона «О статусе национальных муниципальных образований в РК» не был принят. В действующей Конституции Карелии осталась норма (статья 9) о возможности образования в республике национальных муниципальных образований [3], хотя законодательное определение статуса таких территорий в республике отсутствует. Решения о статусе Олонецкого и Пряжинского районов как карельских национальных приняты на муниципальном уровне. В 2005 году решением Совета депутатов района Олонецкий район стал карельским национальным муниципальным районом [25]. В 2009 году такое же решение принято и в Пряжинском районе [26].

Создание нормативной базы в образовании началось с утверждения в ноябре 1990 года коллегией Министерства народного образования «Программы обновления и развития национальной школы в Карельской АССР на 1991–1995 годы» (авторы Н. Г. Зайцева, С. П. Пасюкова) [35]. В ней был предусмотрен весь комплекс мероприятий, необходимых для организации преподавания карельского и вепского языков в образовательных учреждениях, включая их использование в процессе воспитания в детских дошкольных учреждениях. Особое внимание уделялось «национальным» школам, в разряд которых отнесли школы, где более 50 % детей составляли дети из карельских или вепских семей. Реализация программы являлась компетенцией заместителя министра образования В. П. Макара. За пятилетний период действия программы (с 1990 по 1995 год) численность изучающих карельский язык как учебный предмет в школах возросла с 571 до 2522 учеников, вепский – с 89 до 253, финский – с 5653 до 13 292 [36; 43]. В дальнейшем численность изучающих данные языки постоянно сокращалась. По сведениям Министерства образования Карелии, в 2008/09 учебном году ка-

рельский язык как предмет изучали 1329 учеников, вепский – 191, финский – 4488, что намного меньше, чем в 1995/96 учебном году.

К моменту принятия республиканского Закона «Об образовании» (1994 год) [29] в Карелии имелся определенный опыт преподавания карельского и вепского языков. Изданы учебники для начальной школы: Л. Маркиановой для преподавания карельского (ливвиковского) языка, П. Зайкова – собственно карельского языка, Н. Зайцевой, М. Муллонен – вепского языка. В соответствии с законом преподавание родных языков и других дисциплин краеведческого характера проводилось в рамках так называемого национально-регионального компонента, учебно-методическое обеспечение которого находилось в компетенции Министерства образования. В учебном плане на национально-региональный компонент отводилось не более 25 % учебного времени. Однако уже в то время становилось очевидным, что такой подход не обеспечивает освоение родных языков в рамках школы. В Программе обновления и развития национальной школы предусматривался переход на преподавание на карельском, вепском и финском языках некоторых предметов (природоведения, музыки, физического и трудового воспитания) или частичное использование названных языков. Поэтому в республиканский Закон «Об образовании» по инициативе Постоянной комиссии по национальной политике вошла статья о создании условий для «получения основного общего образования на родном языке для представителей коренных малочисленных народов (карелов, вепсов)». Но к вопросам организации преподавания отдельных предметов на карельском и вепском языках в Карелии так и не приступили.

В законе было учтено и предложение Комиссии о включении в компетенцию Министерства образования «информационного и методического обеспечения образовательных учреждений в местах компактного проживания карел и вепсов за пределами Карелии». Ранее помощь в организации преподавания вепского языка в школах Ленинградской и Вологодской областей (проведение курсов для учителей родного языка, курсов знатоков родного языка среди учеников, снабжение учебной и художественной литературой на вепском языке, распространение газет «Kodima») оказывало только Общество вепской культуры. Данная норма закона позволила ученикам, изучающим вепский язык в школах Ленинградской и Вологодской областей, принимать участие в ежегодных олимпиадах по карельскому, вепскому и финскому языкам, которые с 1999 года проводит Министерство образования Карелии.

В республиканский Закон «Об образовании» вошла норма федерального Закона «Об образовании» о финансировании затрат на внедрение

национально-регионального компонента в вузовское образование из региональных бюджетов, что давало возможность несколько лет выделять средства из бюджета республики на подготовительное отделение, которое в 1994 году было передано из ПетрГУ в КГПИ.

Начиная с 1990 года в Карелии действовало несколько нормативных актов в сфере языковой политики. Программу обновления и развития национальной школы сменила Республиканская программа возрождения языка и культуры карелов, вепсов и финнов (1995–2000 годы); в 1997 году была утверждена Концепция развития финно-угорской школы РК [22], в соответствии с ней были подготовлены республиканские программы «Финно-угорская школа РК на 2000–2002 годы» [15] и «Этнокультурное образование в РК на 2003–2005 годы» [17].

Наиболее важным решением карельских властей в развитии языков коренных народов Карелии стало в 2004 году принятие Закона «О государственной поддержке карельского, вепсского и финского языков в РК» [9]. Его нормы готовились с учетом возможности включения карельского и вепсского языков в перечень языков российских меньшинств, подпадающих под защиту Европейской хартии о защите региональных языков и языков меньшинств Совета Европы, подготовка к ратификации которой началась правительством РФ с 2002 года. Инструментом реализации закона являлась региональная целевая программа «Государственная поддержка карельского, вепсского и финского языков в РК на 2006–2010 годы» [19].

Закон РК «О культуре» (1995 год) [23], подготовленный Постоянной комиссией по национальной политике, в числе приоритетных направлений выделял государственную поддержку развития культуры коренных малочисленных народов (карелов, вепсов), сохранение их культурного наследия. Закон предусматривал и специальные меры для стимулирования использования карельского, вепсского и финского языков в учреждениях культуры (25-процентную надбавку к окладу специалистов, использующих их в своей работе в различных учреждениях – театрах, библиотеках, музеях, архивах), ранее принятые правительством для работающих в СМИ на национальных языках.

Общественным организациям карельского, вепсского и финского народов после неоднократных попыток удалось включить в 2000 году в Конституцию Карелии ряд поправок, подчеркивающих этнический характер республики при радикальном пересмотре ее текста [31]. В Конституции наряду с наименованиями «Республика Карелия», «Карелия» равнозначным с ними признано также и «Карьяла»; констатируется, что «исторические и национальные особенности РК определяются проживанием на ее террито-

рии карелов», что в «РК осуществляются меры по возрождению, сохранению и свободному развитию карелов, вепсов и финнов, проживающих на ее территории», «РК устанавливает региональные (национально-региональные) компоненты государственных образовательных стандартов, поддерживает различные формы образования» [13].

Возможность определенного влияния национальной общественности на решения органов власти, затрагивающих интересы карелов, вепсов и финнов, предоставляет созданный в 2001 году консультативный орган при главе РК – Совет представителей карелов, вепсов и финнов, создаваемый из членов общественных организаций по решению их представительных органов. Его заседания под председательством главы республики проводятся раз в квартал [16]. Вместе с тем многие решения, напрямую затрагивающие интересы карельского, вепсского и финского народов, принимаются органами власти без учета их мнения. Так, в 2005 году Законы РК «Об образовании» [7] и «О культуре» [8] подверглись значительной ревизии в части отражения этнических аспектов. Из них исключены все специальные меры поддержки, приведенные в данной статье, поощрению использующих национальные языки в своей работе в образовательных и культурных учреждениях; карельский, вепсский и финский народы и их языки не упоминаются в них ни в каком контексте. В определенной мере это компенсирует Закон «О государственной поддержке карельского, вепсского и финского языков в РК» и целевая программа по его реализации, но с окончанием ее действия в 2010 году встала неотложная задача подготовки новой версии программы с учетом современных задач, которые предстоит решать органам власти и общественным организациям карелов, вепсов и финнов для сохранения своих языков и этнической идентичности. Обеспокоенность национальной общественности вызвал и Указ главы РК о переводе в 2007 году Термино-орфографической комиссии, работавшей с 1998 года на постоянной профессиональной основе, на комиссию на общественных началах [24], принятый по инициативе Министерства по вопросам национальной политики и связям с общественными объединениями РК. Для младописьменных карельского и вепсского языков необходима постоянная работа по формированию лексики, отвечающей современным реалиям жизни, проведение мониторинга ее использования и «приживаемости» в различных сферах – СМИ, учебной литературе, культурной деятельности.

Весьма неблагоприятные последствия повлекло за собой решение Министерства по вопросам национальной политики и связям с общественными объединениями о закрытии с 2007 года работы подготовительного отделения

при межфакультетской кафедре родных языков КГПИ. В условиях демографического кризиса оно ставит под угрозу подготовку учителей родных языков и воспитателей со знанием карельского и вепсского языков. В течение двух последних лет набор студентов на данную кафедру не проводится, что еще больше осложнит ситуацию с организацией преподавания карельского, вепсского и финского языков в школах, использованием их в дошкольных учреждениях, представляющих в настоящее время для детей карелов, вепсов и финнов единственную возможность изучения языка своих народов.

Этномобилизация наиболее активной части представителей карельского, вепсского и финского народов сумела оказать значительное влияние на формирование этнонациональной политики в РК. Ее эффективность в первой половине 1990-х годов была обусловлена непосредственным и активным участием в этом процессе представителей карельских, вепсских и финских общественных организаций, в том числе и в структурах власти. Они являлись непосредственными разработчиками и исполнителями концепций и программ в сфере этнонациональной политики, совместно отстаивали интересы своих народов при принятии важнейших решений в политической жизни республики. Вместе с тем оценивать результативность ее итогов на современном этапе довольно сложно. Наряду с объективными успехами в развитии младописьменных карельского и вепсского языков, появлением поколения молодых квалифицированных специалистов для работы в СМИ, в вузах и научных учреждениях, происходит постоянное сокращение числа вла-

деющих данными языками. Надежды на возрождение языков и передачу их через систему школьного образования не оправдались. Реально она лишь поддерживает интерес определенной части карельского и вепсского населения к родным языкам как части культуры, но практически они не являются для них средством общения между своими соплеменниками. Для общественных организаций карелов, вепсов и финнов по-прежнему остается актуальной задача совместной деятельности по защите интересов своих народов и поиску наиболее действенных механизмов их взаимодействия с органами власти, обеспечивающих сохранение их этнической идентичности. В определенной мере на «торможение» в последнее десятилетие ряда общественных инициатив представителей карелов, вепсов и финнов органами власти Карелии, на снижение уровня правовой защищенности в сфере образования и культуры сказалась позиция федеральной власти, демонстрирующей с начала 2000-х годов устранение этнического фактора из сферы политики. Практически отсутствует контроль федеральных органов власти за соблюдением законодательства на региональном уровне, направленного на защиту языков и культуры национальных меньшинств. Последние события на Манежной площади показали, что формирование идеологии предстоящей модернизации этнонациональной политики в стране должно проходить при публичном обсуждении и при участии экспертов и широкой общественности, представляющих интересы как этнического большинства, так и национальных меньшинств.

ИСТОЧНИКИ

1. Ведомости Съезда народных депутатов СССР и ВС СССР. 1990. № 19. Ст. 331.
2. Ведомости Верховного Совета. 1992. № 2 (14). Ст. 256, 257.
3. Ведомости Верховного Совета. 1992. № 5 (17). Ст. 319.
4. Вепсы: модели этнической мобилизации. Сборник материалов и документов. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2007. 337 с.
5. Документ ООН CCPR/c/84/Add.2.22. February, 1995.
6. Закон РК «О муниципальных районах в Республике Карелия» (в ред. Закона РК от 29.04.2005. № 872-ЗРК) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gov.karelia.ru/gov/Regions/index.html>
7. Закон РК от 29.04.2005. № 874-ЗРК [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gov.karelia.ru/Legislation/lawbase.html?lid=1230>
8. Закон РК «О внесении изменений в Закон Республики Карелия «О культуре» от 19.03.2009 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gov.karelia.ru/gov/Legislation/docs/2009/03/1279zrk_1.doc
9. Закон РК «О государственной поддержке карельского, вепсского и финского языков в Республике Карелия» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gov.karelia.ru/gov/Power/Committee/National/Lang/index.html>
10. Ингерманландские финны: модели этнической мобилизации. Сборник материалов и документов. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2006. 258 с.
11. Карельский государственный архив новейшей истории. Ф. 3. Оп. 45. Д. 120. Л. 155–161.
12. Карельское национальное движение. Часть 1. От съезда к съезду: Сборник материалов и документов. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2009. 248 с.
13. Конституция Республики Карелия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gov.karelia.ru/gov/Constitution/index.html>
14. Карелы: модели языковой мобилизации: Сборник материалов и документов. Петрозаводск: КарНЦ, 2005. 281 с.
15. Постановление Правительства Республики Карелия № 175-П от 27 декабря 1999 года.
16. Постановление Правительства Республики Карелия от 22 июня 2001 года № 154 «О Совете представителей карелов, вепсов и финнов Республики Карелия при Председателе Правительства Республики Карелия» [Электронный ресурс]. Режим доступа: kareliazakon.ru/2001/postanovlenie-ot-22-iyunya-2001-g.-n-154.html
17. Постановление Правительства Республики Карелия № 88-П от 30 июня 2002 года.

18. Постановление Правительства Республики Карелия «Об утверждении алфавитов карельского и вепсского языков», № 37-П от 16 марта 2007 года.
19. Распоряжение Главы Правительства Республики Карелия об утверждении программы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gov.karelia.ru/gov/Legislation/lawbase.html?id=668>
20. Собрание законодательства РК. 1995. № 3. Ст. 110.
21. Собрание законодательства РК. 2001. № 6. Ст. 712, 762.
22. Собрание законодательства Республики Карелия. 1997. № 6. Ст. 640.
23. Собрание законодательства Республики Карелия. 1995. № 2 (5). Ст. 294.
24. Указ Главы Республики Карелия № 130 от 21.09.2007 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gov.karelia.ru/gov/Legislation/docs/2007/09/130_1.doc
25. Устав Олонецкого национального муниципального района [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.olon-rayon.ru/sites/default/files/Ustav.pdf>
26. Устав Пряжинского национального муниципального района [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://pryazha.karelia.info/official.html>
27. Четвертая сессия Верховного Совета Карельской АССР (двенадцатый созыв). Стенографический отчет. 1991.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

28. Д р о б и ж е в а Л. М. Этничность в современном обществе. Этнополитика и социальные практики в Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.socio.ru/wr/2-01/Drobizheva.htm>
29. Карелия. 1994. № 38. 12–15 июля.
30. К л е м е н т ь е в Е. И. В поисках правовой защиты культурно-языковых интересов карел, вепсов, финнов Республики Карелия // Права человека и законодательство о языках в субъектах Российской Федерации. М., 2003. С. 40–53.
31. К л е м е н т ь е в Е. И. Этничность и конституционализм // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. 2000. Ноябрь–Декабрь. С. 42–46.
32. Ленинская правда. 1990. 29 марта.
33. Ленинская правда. 1990. 11 августа.
34. Национальная политика партии в современных условиях (платформа КПСС) // Правда. 1989. 24 сентября.
35. Программа обновления и развития национальной школы в КАСР на 1991–1995 годы. Петрозаводск, 1991. 36 с.
36. Родные языки в школе. Вып. 3. Петрозаводск, 2002.
37. С т р о г а л ь ш и к о в а З. И. Вепсы на рубеже XX–XXI вв.: задачи и итоги возрождения // Историко-культурное наследие вепсов и роль музея в жизни местного сообщества: Сб. науч. тр. по итогам науч.-практ. конф., посвящ. 40-летию Шелтозерского вепсского этнографического музея. 30–31 октября 2007 г. Петрозаводск, 2008. С. 5–47.
38. Что нужно знать о народах России: Справочник для государственных служащих. М., 1999. 624 с.
39. Этническая мобилизация и межэтническая интеграция / Сост. и ред. М. Н. Губогло. М., 1999. 404 с.

УДК 94 (47) «1917–1991» + 94 (470.22)

СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ ВЕРИГИН

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории до-
революционной России, декан исторического факультета,
Петрозаводский государственный университет
verigin@psu.karelia.ru

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА ФИНСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ СОВЕТСКОЙ КАРЕЛИИ В 1941–1944 ГОДАХ

Статья посвящена анализу основных направлений деятельности финской администрации на оккупированной территории Советской (Восточной) Карелии в 1941–1944 годах в сфере этнокультурных отношений.

Ключевые слова: этнокультурная политика, финские власти, оккупированная территория, Советская Карелия, Вторая мировая война

Результаты Советско-финляндской (Зимней) войны 1939–1940 годов, потеря Карельского перешейка и Приладожской Карелии расценивались в Финляндии как несправедливые и ущемляющие национальные интересы страны. В обществе зрели реваншистские настроения, желание вернуть потерянные земли, как только для этого сложатся подходящие условия. Уже с весны 1940 года в правительственных и военных кругах Финляндии стал обсуждаться вопрос о поиске союзников в решении этих проблем.

Руководство Финляндии в конце весны – начале лета 1940 года склоняется к необходимости тесного сотрудничества с нацистской Германией, тем более что становятся более ясны планы Гитлера напасть на Советский Союз. На протяжении лета 1940 – весны 1941 года проходили немецко-финляндские переговоры на различных уровнях. На них Финляндия стремилась определить свою собственную роль в будущей войне: отвечать за участок фронта от Финского залива до Ухты. К северу от нее ответственность за состояние фронта должна была лежать на Германии.

По мере приближения войны между Германией и Советским Союзом у правящих кругов Финляндии возрастает интерес и к Восточной Карелии*. Они надеялись в будущей войне не только вернуть утраченные по Московскому мирному договору 12 марта 1940 года земли Финляндии, но и расширить территорию за счет Восточной Карелии. Вновь воскресли планы о Великой Финляндии: о возможности включить родственные финнам народы Карелии (карелов, вепсов, ингерманландцев и др.) в число финляндских жителей, осуществить то, что не удалось сделать Финляндии на рубеже 1920-х годов в период так называемых «племенных войн».

Еще до начала войны против СССР в апреле 1941 года президент Финляндской Республики Ристо Рюти дал задание активистам – членам

национальных организаций подготовить научные исследования о будущем Восточной Карелии, на основании которых можно было бы доказать Германии, что данный регион исторически, национально и культурно принадлежит Финляндии [15; 98–99]. Был выполнен ряд таких исследований. За несколько недель до начала военных действий заместитель председателя Академического карельского общества доктор Рейно Кастрен представил план устройства будущей администрации Восточной Карелии, который предусматривал постепенное включение этой территории в состав Финляндии [12; 42].

Финляндский правительственный орган – газета «Uusi Suomi» заявляла: «Карелия является неразрывной частью Финляндии. Финляндия не может сложить оружия, пока не будет освобождена вся Карелия». Другая финская газета «Karjala» писала, что «Финляндия имеет неоспоримое право на большую часть Советской России, не говоря уже о Карелии, до Свири, Онежского озера и Белого моря» [13; 75].

Главные идеи плана включения Карелии в состав Финляндии нашли свое воплощение в политике Военного управления Восточной Карелии (ВУВК), созданного по приказу главнокомандующего финской армией К. Маннергейма от 15 июля 1941 года, на оккупированной финскими войсками территории Советской Карелии в 1941–1944 годах.

В основе оккупационной политики лежала идея о том, что коренными жителями Карелии являются только карелы и другие финно-угорские народы. Русские, проживавшие на этой территории, по мнению военного и политического руководства Финляндии, были переселены сюда насильно. Вследствие этого присоединенную к Финляндии Восточную Карелию планировалось превратить в территорию, заселенную только финно-угорскими народами, а русских и представителей других этнических групп, считавшихся мигран-

тами, предполагали выселить из Карелии в захваченные немецкими войсками другие регионы Советского Союза.

В начальный период войны финским войскам удалось оккупировать две трети территории Советской Карелии. Однако гражданское население, оказавшееся на ней, было значительно меньшим, чем ожидали финны.

Регистрация оставшегося населения осуществлялась по мере продвижения финских войск вглубь территории республики и была закончена только в конце 1942 года. Но уже к концу 1941 года картина с оставшимися в регионе жителями стала достаточно ясна. На 21 декабря 1941 года, по данным финских исследователей, были зарегистрированы 86 119 человек, из которых родственных финнам – 35 919 [15; 100]. В большинстве своем это были женщины, старики и дети. В дальнейшем численность колебалась незначительно – в пределах нескольких тысяч за весь период оккупации. По оценке финского историка Х. Сеппяля, к концу оккупации в 1944 году численность населения составляла 83 385 человек, из них 47 % русских, 39 % карел [15; 103].

С самого начала оккупации ВУВК, исходя из утвержденных основ национальной политики на оккупированной территории, начинает собирать все русское население в определенных местах с задачей выселить его за пределы Карелии. С этой целью для русского населения стали создаваться концентрационные лагеря.

Составленная бюро по народонаселению статистика свидетельствует, что уже к концу 1941 года в концлагерях было около 20 тыс. человек, в подавляющем большинстве русских. Больше всего их было в апреле 1942 года (около 24 тыс. человек, или около 27 % всего населения, находившегося в зоне оккупации). Это довольно высокий процент с точки зрения международного права. К концу 1942 года численность заметно уменьшилась как из-за большой смертности в лагерях, так и из-за того, что часть людей освободили или отправили в трудовые лагеря. После этого на протяжении всех оставшихся месяцев оккупации численность колебалась между 15 000 и 18 000 человек, или составляла около 20 % всего попавшего в оккупацию населения [10; 101], [11; 43], [12; 100–101], [14; 288], [15; 103].

Все оставшееся на свободе население ВУВК разделило по национальному принципу на две основные группы: коренное, или привилегированное, население (карелы и другие финно-угорские народы) и некоренное, или непривилегированное, население (русские и другие не финно-угорские народы).

Местное финно-угорское население рассматривалось в качестве будущих граждан Великой Финляндии. Для реализации этой цели была развернута мощная этнокультурная просвети-

тельная работа. Как отмечает финский историк А. Лайне, оккупационный режим стремился пробудить карельский народ к феннофильству, сформировать в нем «знание об исторической задаче финского племени в его противодействии вековому стремлению России захватить Финляндию» [12; 102–103].

С первых дней оккупации финское военное командование специально выделило офицеров по культурной деятельности, чья задача состояла в просветительной и пропагандистской деятельности среди карельского и вепсского населения. В специальной инструкции им предписывалось: «1. Пробудить сочувствие к карельскому народу среди финских солдат, которые должны относиться к карелам не как к своим врагам, а как к своему родственному братскому народу. Убедить карелов, что финские войска пришли освободить находящийся под гнетом русских карельский народ. 2. Доказать карельскому населению, что русские на карельской земле не в силах были построить крепкое устойчивое хозяйство. Разъяснить, что русские использовали средства не для развития карельского народного хозяйства, а для мировой революции. 3. Объяснить, что карельское население должно спокойно продолжать работу на прежних местах...» [1; 159–160].

В структуре ВУВК был создан 2-й отдел – Просвещения (Валистустоймисто), который ведал вопросами организации школьной сети, пропаганды и агитации, печати и религиозного культа [3; 34–36]. В проводимых отделом мероприятиях следовало отмечать незначительность деятельности Советского Союза, направленной на карел, подчеркивать национальное и естественное единство Финляндии и Карелии. Как пишут финские исследователи, в просветительской работе проглядывала идеология Академического карельского общества, исходившая из противостояния финского и славянского начал, финно-угорских и русского народов [12; 103], [15; 115].

Важное значение в проводимой финской оккупационной администрацией этнокультурной политике отводилось школьному образованию. 5 января 1942 года ВУВК обнародовало постановление об основах народной школы в Восточной Карелии, согласно которому языком обучения во всех школах становился финский. По этой причине русские дети оставались за бортом народной школы вплоть до конца 1943 года. К концу 1941 года были основаны 53 народные школы, в которых насчитывалось 4700 учеников. В 1944 году количество школ возросло до 112, в них работал 331 преподаватель и обучалось 8393 ученика, то есть около четверти всего родственного финнам населения посещало школу [12; 103].

Особенно большое внимание в учебных планах и программах народных школ уделялось ми-

ровоззренческим предметам: истории, географии, финскому языку и религии. В 1942 году был издан учебник «Моя страна – Великая Финляндия». На уроках истории пытались показать, что советская государственная система ничего не сделала для карельского населения, что русские были и остаются извечными врагами финнам и родственным им народам. Преподавание географии хорошо укладывалось в два слова – Великая Финляндия, на этих уроках старались доказать, что Восточная Карелия должна стать составной частью этого государства.

По мнению финских исследователей, повышению популярности народных школ среди местного финно-угорского населения способствовало то обстоятельство, что при них стали открываться столовые, где учеников бесплатно кормили. Первые школьные столовые были открыты в январе 1942 года, в феврале этого же года их насчитывалось 54, а в марте – 64 [9]. Кроме того, в период войны в различные школы и народные училища, а также на курсы в Финляндию была отправлена большая группа карельской молодежи.

Учителя в народных школах для коренного населения на оккупированной территории Карелии в основном были из Финляндии. Осенью 1941 года в Финляндии был проведен набор учителей для работы в Восточной Карелии. Из 630 претендентов были отобраны 128 человек. С 3 по 9 ноября 1941 года для них были организованы курсы при Хельсинкском университете [5; 207].

Особую группу составляли учителя, работавшие в школах в советское время. Их направляли для обучения в Финляндию, полагая, что путем краткосрочных курсов удастся вытравить из них коммунистическое мировоззрение. Так, в конце 1941 года со всей оккупированной территории Карелии финские власти стали собирать в Петрозаводске бывших советских учителей, в большинстве своем карелов и вепсов. В декабре 1941 года они были направлены в Финляндию в учительский лагерь Миеслахти. Всего прибыло 59 женщин и 13 мужчин. Преподавателями этого учительского лагеря стали откомандированные Военным управлением Восточной Карелии офицеры, которые являлись педагогами по специальности. Кроме того, в качестве преподавателей выступали учителя г. Каяни и Сортавальской семинарии, эвакуированной в Каяни. После окончания курсов бывшие советские учителя вернулись обратно на оккупированную территорию Карелии для работы в народных школах [2; 292].

Большое внимание в этнокультурной политике финской администрации отводилось религии, которую считали одним из действенных средств антикоммунистического воздействия на местную молодежь. Лютеранские круги Финляндии хотели обратить карел и вепсов в свою веру.

Однако, учитывая протесты карельского населения против обращения в лютеранство, главнокомандующий финскими войсками К. Маннергейм 24 апреля 1942 года издал приказ, согласно которому запрещалась пропаганда смены конфессий, и жители Карелии получили право свободно выбирать православную или лютеранскую веру [15; 118]. К концу 1943 года из находившегося на свободе населения Восточной Карелии к церкви приобщилось 48 %, из них 66 % коренного и 24 % некоренного. Православную церковь посещало 45 % населения, лютеранскую – 3 % [15; 118], [12; 105]. Эти цифры показывают, что традиционная православная вера оставалась для карел и вепсов определяющей в годы оккупации, как и в довоенный период. Финские исследователи признают, что религиозное воспитание на протяжении трех лет не в силах было истребить веру местного населения в правоту советского строя, религиозная работа не дала заметных результатов [15; 118], [12; 105].

С первых недель оккупации сотрудники ВУВК стали обращать внимание на имена, даваемые детям при крещении. Из регистраций крещений было видно, что осенью 1941 года детям карельской и вепсской национальности давали русские имена. Олонецкий штаб Военного управления потребовал от священнослужителей разъяснить населению, что подобные имена абсолютно неуместны для Финляндии. Они должны были убеждать родителей давать своим детям финские имена. В качестве приложения имелся список одобренных православной церковью финских имен. Но лишь немногие жители Карелии в период оккупации сменили свои фамилии и имена на финские. За 1941–1944 годы таких оказалось 2263 человека [15; 119].

Важнейшими средствами этнокультурного воздействия на местное финно-угорское население были газеты и радио. Печатным органом ВУВК была газета «*Vapaa Karjala*» («Свободная Карелия»), издававшаяся на финском языке один раз в неделю на протяжении всех лет оккупации. Первый номер вышел в августе 1941 года тиражом в 5000 экземпляров. К концу года тираж достиг 10 000 экземпляров, а в 1943 году составлял уже 11 700 экземпляров. Главное направление газеты заключалось в принижении русского народа и возвеличивании идеи Великой Финляндии. С 1942 года Военное управление стало выпускать газету «*Paatenan Viesti*» («Паданские вести») на финском языке тиражом 1400 экземпляров. Все эти газеты оставляли вне внимания русского населения.

Газета «*Vapaa Karjala*» регулярно под рубрикой «Дневник войны» давала информацию «об успехах» германской армии и ее союзников, под рубрикой «В освобожденных областях» рекламировала «успехи» немецкой оккупационной администрации. Даже в рубриках «В часы досуга»

и «Юмор» публикуемые кроссворды, ребусы, загадки были пропагандистскими.

Что касается русских жителей, то в издававшейся для военнопленных газете «Северное слово» в 1943 и 1944 годах выпускали приложения для гражданского населения. Эти материалы также носили чисто пропагандистский характер, подчеркивали роль финнов в Восточной Карелии. Так, газета «Северное слово» в начале 1943 года писала: «Прошедший 1942 год имел большое значение в развитии и подъеме Восточной Карелии. Финское Военное управление освобожденной Карелии продолжило работу по освобождению населения от большевистского рабства. Многое было сделано в области улучшения материального положения, а также дано хорошее начало для поднятия экономического положения населения до уровня остальной Финляндии. Со стороны Финского Военного командования и Красного Креста особое внимание было уделено санитарной деятельности. К концу года в Восточной Карелии функционировали 2 больших финских больницы, 3 меньших размеров, 2 родильных дома, 11 амбулаторий и 7 санитарных пунктов... Все это свидетельствует о стремлении коренных финнов помочь своим братьям по крови и создать им достойную человека свободную жизнь в освобожденной Карелии» [8].

Радио Олонца («Aunuksen radio») проводило в жизнь те же идеи, что и оккупационные газеты. Оно было основано военным командованием, но уже в августе 1941 года отдел просвещения ВУВК счел необходимым подчеркнуть, что программы, предназначенные для гражданского населения, должны быть в его руках. В октябре 1941 года Радио Олонца переехало в Петрозаводск в находящийся там радиоцентр. Сначала в программах радио наряду с финским использовался и русский язык, но от него отказались уже в апреле 1942 года, зато увеличили количество программ на карельском языке.

Военное управление позаботилось и о том, чтобы у пропагандистских радиопередач была по возможности большая аудитория. В марте 1942 года на оккупированной территории было 84 радиоточки, власти организовали 900 коллективных прослушиваний, в которых приняли участие 16 тыс. человек. К весне 1944 года только в Петрозаводске насчитывалось уже более тысячи радиоточек [15; 119].

Определенное место в этнокультурной политике ВУВК отводилось библиотечному делу. Эта деятельность началась с изъятия у местных жителей, а также из библиотек советской литературы. Опись книг, подлежащих уничтожению, составляла 157 листов [4; 1–157]. Для искоренения «нежелательной литературы» в народных школах было организовано соревнование по сбору «коммунистической литературы» на русском и финском языках [9; 4–5]. Вместо изъятой со-

ветской литературы была привезена финская. К концу 1941 года на оккупированной территории Советской Карелии были открыты 3 библиотеки. В отчете ВУВК за декабрь 1941 года говорилось, что «библиотеки использовались удовлетворительно, главным читателем является молодежь».

Финские власти организовывали также просмотр кинофильмов. В конце 1941 года ВУВК был получен киноаппарат, который возили на санях [5; 197]. Первые кинотеатры были открыты в начале 1942 года. Билет стоил 5 марок, но практиковался и бесплатный просмотр кинолент, которые носили ярко выраженный пропагандистский характер [9; 4–5].

Важную роль в этнокультурной деятельности оккупационные власти отводили национальным праздникам. В Петрозаводске для их проведения часто использовалась центральная площадь – площадь Кирова. Главной темой праздников была пропаганда «финских традиций и национального духа».

Первым крупным мероприятием такого рода стало празднование Дня независимости Финляндии 6 декабря 1941 года, которое проводилось на всей оккупированной финнами территории. Также проводились такие праздники, как дни Калевалы, матери, Финского флага, день рождения маршала Маннергейма, праздник урожая, освобождения деревень и др. [5; 415]. Очень часто праздники устраивались в народных школах. В отчете ВУВК за декабрь 1941 года указывалось, что «в смысле обработки настроения населения праздники сыграли значительную роль» [5; 167].

Попытка культурной финнизации местного финно-угорского населения ярко проявилась и в топонимике. 1 октября 1941 года Петрозаводск был переименован в Янислинна (Крепость на Онего), а Олонец – в Аунуслинна (Крепость Олонии). ВУВК дало новые названия 90 улиц Петрозаводска: улица Ленина была переименована в Карельскую, ул. Герцена – в Олонецкую, Кирова – в Калевальскую, Дзержинского – в Вяйнямейнена, Комсомольская – в Сампо, Анохина – в Егерскую, Горького – в Воина-соплеменника и др. В других городах и селах на оккупированной территории также проходило переименование улиц в честь героев так называемых «племенных войн» и происходящей войны, а также героев национального эпоса «Калевала».

Цель была прежней – усилить финское влияние в Восточной Карелии, вбить клин между финно-угорским и русским населением. Газета оккупационной администрации «Vараа Kačjala» 12 февраля 1943 года по поводу переименования улиц в Петрозаводске писала: «У каждого карела есть основание радоваться исчезновению следов большевизма, позднее это будет сделано и в других городах Восточной Карелии. Появившиеся в названиях улиц национальные мотивы возвещают,

что Восточная Карелия освободилась от оков рюссей» [7].

Результаты этнокультурной политики финских властей на оккупированной территории Советской Карелии в военный период, отношение к ней местного населения ярко проявились на заключительном этапе военных действий на Севере. Уже осенью 1943 года штабом ВУВК был разработан план эвакуации с оккупированной территории. Эвакуации подлежало только родственное население (по предварительным оценкам, около 43 тыс. человек). Русскоязычное население предполагалось оставить по месту жительства или в концлагерях.

Летом 1944 года, когда началось наступление советских войск по всему советско-финляндскому участку советско-германского фронта, в планы эвакуации из Восточной Карелии были внесены изменения. В приказе финского военного командования местное население уже не подлежало обязательной эвакуации. В случае, если жители будут двигаться в Финляндию по собственной инициативе, им следовало оказать помощь.

По данным финских источников, на оккупированной территории Карелии к лету 1944 года оставалось 83 540 местных жителей. С оккупированной территории Карелии в Финляндию эвакуировалось незначительное количество – 2799 человек, или только 3,35 % от всего населения зоны оккупации [15; 126].

В целом можно отметить, что этнокультурная политика финского оккупационного режима в Карелии в период Великой Отечественной войны, направленная на разделение населения по национальному признаку (на финно-угорское и русское), не принесла желаемых результатов. Ему не удалось привлечь на свою сторону советских карел, вепсов и финнов.

Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Совместный проект РГНФ и Академии наук Финляндии «Народ, разделенный границей. Карелы в истории России и Финляндии в 1809–2009 гг.: эволюция идентичности, религии и языка» № 10-01-00631 а/Ф.

ПРИМЕЧАНИЕ

* Восточной Карелией в Финляндии считается территория, определенная Тартуским мирным договором 1920 года между Финляндией и Советской Россией к востоку от Финляндии: по р. Свирь, побережьям Онежского озера и Белого моря. Эта территория примерно в границах нынешней Республики Карелии.

ИСТОЧНИКИ

1. Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Республике Карелия (Архив УФСБ РФ по РК). Ф. 35. П./ф. 20. Оп. 1. Д. 82.
2. Архив УФСБ РФ по РК. Фтдм. Оп. 2. Д. 8303. Л. 292.
3. Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. 8. Оп. 1. Д. 1127.
4. НА РК. Ф. 805. Оп. 1. Д. 17.
5. По обе стороны Карельского фронта, 1941–1944: Документы и материалы / Сост. А. В. Климова, В. Г. Макуров. Петрозаводск: Карелия, 1995. 636 с.
6. Северное слово. 1942–1944 гг. // НА РК.
7. Vараа Karjala. 1943. 12 февраля.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

8. В единении со свободной Финляндией – будущее Восточной Карелии // Северное слово. 1943. 30 января.
9. Кул о м а а Ю. Город на Онего // Набат Северо-Запада. 1991. 3–31 мая.
10. Л а й н е А. Национальный вопрос в финской оккупационной политике в Советской Карелии во время Второй мировой войны // Европейский Север: история и современность. Петрозаводск, 1990. С. 98–104.
11. Л а й н е А. Гражданское население Восточной Карелии под финляндской оккупацией во Второй мировой войне // Карелия, Финляндия и Заполярье во Второй мировой войне. Петрозаводск, 1994. С. 41–43.
12. Л а й н е А. Национальная политика финских оккупационных властей в Карелии (1941–1944 гг.) // Вопросы истории Европейского Севера (проблемы социальной экономики и политики: 60-е годы XIX–XX вв.): Сб. науч. ст. Петрозаводск, 1995. С. 99–106.
13. М о р о з о в К. А. Карелия в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Петрозаводск: Карелия, 1983. 239 с.
14. Н е в а л а й н е н П. Карелия после 1917 года // История карельского народа. Петрозаводск: Барс, 1998. 322 с.
15. С е п я л я Х. Финляндия как оккупант в 1941–1944 годах // Север. 1995. № 4–5. С. 106–128.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА ИЛЮХА

кандидат исторических наук, заместитель директора по научной работе Института языка, литературы и истории, Карельский научный центр РАН
iljuha@krc.karelia.ru

ШКОЛА И ПЕРЕМЕНЫ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ДЕТЕЙ В КАРЕЛИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

В статье обобщены результаты исследований автора по теме повседневной жизни карельских детей в конце XIX – начале XX века. Сделаны выводы о социокультурных эффектах распространения школьного образования, воздействия школы на различные стороны жизни крестьянского ребенка.

Ключевые слова: история детства, история образования, история крестьянства, Карелия

Развитие социальной истории и успехи смежных областей науки подготовили почву для появления в российской гуманитаристике 1990-х годов исследований по истории детства, восприятия достижений западной историографии этого направления, получившей быстрое развитие после выхода в свет знаменитой книги Ф. Арьеса¹. Французский историк и демограф обратил внимание, в частности, на влияние социальных институтов (прежде всего школы) на изменение статуса детей в семье, отношение взрослых к детям и детству, изменение характера эмоциональных связей между родителями и ребенком («как будто сам институт семьи появился одновременно со школой или, по крайней мере, с практикой всеобщего начального обучения» [14; 368–370]). Исследователь отмечал также, что процесс перехода был длительным (охватил в Европе XV–XVIII века и даже начало XIX века), неравномерным для семей с разным материальным достатком, запаздывающим для девочек, которых значительно дольше предпочитали учить на практике.

И Арьес, и его российские последователи обратились к истории детства состоятельных, образованных кругов, оставивших гораздо больше «следов в истории», чем крестьянство. Особенностью новейшей российской историографии о школе (тех работ, где она рассматривается в контексте мира детства) является также повышенное внимание к городским учебным заведениям и советскому периоду, что отнюдь не мешало авторам внести ощутимую лепту в выработку общих подходов к изучению повседневной жизни школьников².

Источники информации о повседневности детей «безмолвного большинства», несомненно, более скудны. К тому же, как справедливо отметили составители антологии текстов о детях, «одна из наибольших проблем для исследователя детства – разбросанность нужного ему материала» [17; 9]. Требуется рассмотрение широкого круга разнородных источников, которые отражают,

с одной стороны, деятельность школы – официального учреждения, с другой – народную жизнь. Важен также нетривиальный взгляд на материалы, уже введенные в научный оборот и хорошо известные исследователям, но еще не осмысленные в полной мере и имеющие скрытый потенциал для решения конкретных исследовательских задач³.

Обращение к истории крестьянского детства России периода капиталистической модернизации конца XIX – начала XX века представляет интерес по той причине, что в условиях быстрого развития школьной сети, когда в российской глубинке элементарная школа становилась массовой, доступной для широкого круга детей, наметились важные перемены в содержании традиционного крестьянского детства, его характере и внутренней периодизации. Многие из новаций, привнесенных в конкретный социум школой, осваивались в рамках повседневной жизни, иногда перерабатывались ею, формируя в итоге те «точки роста», которые в дальнейшем приводили к изменениям в системе ценностей и представлений. Цель данной статьи – изложить в обобщенном виде результаты исследований автора по этой теме [21], [22], имеющей большое значение для понимания социальных эффектов развития системы образования в целом.

Характерное для всей страны конца XIX – начала XX века быстрое расширение школьной сети («школьная экспансия») в полной мере проявилось в Олонецкой губернии, включая территории, населенные карелами и вепсами. К 1910 году школьным обучением здесь было охвачено более 2/3 детей (69%), в Беломорской Карелии (Кемском уезде Архангельской губернии) этот показатель составлял 43%⁴.

Ценность детских рабочих рук в крестьянской семье была одним из препятствий в школьном деле. Семи-восьмилетний возраст, синхронный началу официально принятого школьного возраста, выделяется и в народной культуре как рубеж в физиологическом, психическом и социаль-

ном развитии человека. Считалось, что дети «входят в разум», приобретают более или менее устойчивый характер. Семилетние дети допускались церковью к исповеди, восьмой год жизни ребенка считался оптимальным для начала обучения в школе. Этот официально установленный возраст и соответствующее ему начало «школьного детства» были адекватны народным представлениям о стадиях взросления ребенка. Детей с этого времени начинали активно привлекать к отдельным видам крестьянских работ. Характерно, что в документах официальной статистики, учитывающих численность крестьян-промысловиков, в качестве нижнего порога значился восьмилетний возраст [5; 22].

В жизни карельских детей условным рубежом был также десятилетний возраст (термин «lapsesuskymmen» означает первое десятилетие в жизни ребенка), после чего начинался подростковый период (keskenkazvuine). На подростков смотрели уже как на экономически полезных членов семьи, считалось нормой использование их труда за пределами дома. Размытый диапазон от 7–8 до 10 лет⁵, когда крестьянский мальчик «вступил в разум», но физически недостаточно окреп (то есть отдача от него в трудовой сфере была невелика), создавал тот временной зазор, когда школа могла относительно легко «вписаться» в сценарий крестьянского детства, не нарушая родительских представлений о судьбах своих чад. Это в меньшей мере относилось к девочкам, от которых в домашнем хозяйстве ждали разнообразной помощи, не требовавшей большой физической силы, и которым, по убеждениям крестьян, «грамота» не требовалась.

Учеба в школе не расценивалась крестьянином как труд, а потеря семьей рабочих рук ребенка заставляла считать учебу в школе своего рода привилегией. Подавляющее число сельских учебных заведений Карелии, как и России в целом, были смешанными по составу учеников, в них совместно учились мальчики и девочки. В результате школа формировала принципиально новую модель гендерных отношений, выводя на общее состязательное поле мальчиков и девочек, которым в родительских семьях были отведены строго предначертанные роли. На протяжении всего исследуемого периода абсолютное и относительное количество школьников постепенно росло, но проблема привлечения девочек к учебе сохранялась.

С началом учебы жизнь ребенка протекала не только в семейной, естественной среде, но и в «сконструированном» социальном пространстве школы. Организация школьного быта, повседневных занятий детей в разных регионах России строилась на основе общих принципов. Однако в процессе контактирования с окружающим сельским миром, с крестьянской культурой школа была вынуждена так или иначе адаптироваться

к внешним условиям, в результате чего в различных местностях этнически пестрой Российской империи школьная повседневность и содержание «школьного детства» приобретали черты своеобразия.

В первую очередь, местная специфика отражалась на регламентации времени школьных занятий. Попытки ввести единые для всех школ сроки начала и завершения учебного года в пределах Олонецкой губернии не увенчались успехом⁶, учебные заведения по этой причине недосчитались учеников. В результате учителя были вынуждены корректировать сроки учебного года в зависимости от местных особенностей хозяйственной жизни. Материалы 1890-х годов и начала XX века свидетельствуют, что начинался учебный год в довольно широком временном диапазоне – с августа по ноябрь, а заканчивался в марте – июне (во многих случаях сроки определяло сельское общество). Уроки не проводились и в дни местных престольных праздников, а также на первой неделе Великого поста, при сильном морозе и в дни весенней распутицы [6; 12]. В результате формировался местный школьный календарь.

Начало школьных уроков не определялось жестко: допускались его небольшие отклонения в зависимости от местных условий и времени года. Приступать к занятиям рекомендовалось в 8.30 – 9.30 утра, а заканчивать их – в 14.30 – 15.30 пополудни. За это время полагалось провести 5 уроков, каждый по 50 минут, с десятиминутными переменами. Большая перемена устраивалась после третьего урока и длилась час с четвертью [1]. Однако протяженность уроков до конца XIX века еще нередко оставалась условной: на съезде земских учителей Олонецкой губернии в августе 1873 года выяснилось, что во многих школах отсутствуют часы. Приобретение этого принципиально важного для школы механизма впредь значилось в одном ряду с задачей обеспечения школ учебниками. К началу 1890-х годов часы стали обязательной деталью школьного быта. Судя по фотографиям учительниц рубежа веков, персональные часы (ручные или в виде кулона) становятся модным аксессуаром, дополнявшим их строгий костюм.

Школа в период своего становления должна была создать привлекательные условия, способные заинтересовать крестьян: и детей, и их родителей. При этом серьезную конкуренцию школе в Карелии создавала растущая отправка подростков в город (прежде всего Петербург) в обучение к мелким ремесленникам и торговцам, а в приграничных районах была притягательной более благоустроенная в бытовом отношении финская школа. Борьба за посещаемость требовала решения целого комплекса социальных проблем: обеспечения детей питанием, одеждой, охраны их здоровья. С помощью средств государства,

земства и церкви школа в лице учителя пыталась найти адекватные ответы на эти «вызовы действительности».

В школе, где ребенок проводил значительную часть времени, формировалась особая социально-культурная среда. Известный в Олонецкой губернии педагог К. И. Дмитриев писал, что при поступлении в школу карельский ребенок испытывает удивление, страх и стеснение, вызванные сменой обстановки [18; 171]. Учителю рекомендовалось учитывать такое состояние ребенка и приступать к занятиям «слегка, ласково, поинтереснее», чтобы ребенок *полюбил* школу. Для облегчения коммуникации русского учителя с карельскими детьми в 1902 году был опубликован перевод наиболее распространенных карельских имен на русский язык [9; 8]. Русифицированное имя, использовавшееся в школе, было первым шагом ребенка на пути к новой идентичности.

Непоследовательность государственной политики по отношению к «инородческой» школе находила отражение в повседневной жизни учебных заведений в виде двух ситуаций: 1) разрешение использования родного языка при обучении русской речи (система Н. И. Ильминского, предполагавшая применение «переводного» метода); 2) запрет на использование родной речи (так называемый «натуральный» или «естественный» метод), когда учителя и ученики должны были общаться исключительно по-русски. В условиях обострившегося в годы первой русской революции «карельского вопроса» школа оказалась в центре противоборства «финнизаторов» и «обрусителей». В этот период активизировалась работа по созданию карельской письменности, а карельский язык и единичные карелоязычные издания на кириллице были допущены в стены учебных заведений в качестве защитного средства от влияния лютеранской культуры. Наиболее опытные и талантливые учителя искали пути эффективного обучения детей русскому языку, создавали методы обучения с учетом этнокультурной специфики. Практическая реализация языковой политики в сельской школе, удаленной от административных центров, существенно зависела от позиции учителя⁷.

Знания, дававшиеся в «инородческих» и русских школах, мало отличались по своему объему. Различия касались в основном распределения материала между отделениями, включая и уроки Закона Божьего. С целью формирования религиозного чувства учеников большое внимание уделялось церковному пению, созданию школьных хоров, что соответствовало идеалам карелов и способствовало завоеванию школой симпатий населения. Вместе с тем пение детей в школьном хоре и в церкви вело к модификации песенной традиции, усвоению новых образцов и исполнительских стилей.

В условиях борьбы с «панфиннизмом» повышенное внимание уделялось государственной сим-волике: государственный флаг, портрет императора становятся обязательными атрибутами школ, расположенных на границе с Великим княжеством Финляндским. В преддверии Первой мировой войны в школах страны началось обучение военному строю, стали создаваться детские дружины, в Карелии – флотилии. Воинская символика и «взрослая» атрибутика усиливали интерес мальчиков к этим занятиям, выводящим их за пределы привычной повседневности. Жизнь школы в Карелии начала XX века демонстрировала, что дети национальных окраин все более становились объектом политической социализации: целенаправленного, систематического идеологического воздействия, конструировавшего личность в интересах государства.

Школа в силу своего предназначения формировала свой особый пространственно-предметный мир. Крестьянские избы, нанимаемые под школы, в большинстве своем не соответствовали официально принятым стандартам как по площади, так и по освещению. Эти недостатки устранялись по мере строительства специальных зданий. В начале XX века все школьные помещения Олонецкой губернии освещались керосиновыми лампами, отапливались печами – русскими и голландками. К этому времени отсутствовали вентиляционные (форточек или фрамуг) стало уже довольно редким явлением. В новых, специально построенных зданиях вместо школьных столов, предназначенных для 3–4 человек, стали устанавливать двухместные, созданные по системе Эрисмана⁸.

Важным фактором успеха всей школьной работы в Карелии в связи с разбросанностью и малонаселенностью деревень были общежития (приюты). В результате их создания существенно снижались расходы родителей, а также уменьшались те риски, которым подвергался подросток, отправляющийся в далекую школу. В 1913/14 учебном году в карельских уездах Олонецкой губернии насчитывалось 74 ночлежных приюта, основная часть которых обеспечивала детей питанием, а также 73 общежития интернатского типа, в Беломорской Карелии – более 30 общежитий [13; 60–63]. Жизнь в общежитии влекла за собой неоднозначные социокультурные перемены в жизни ребенка: менялась организация пространства, отчасти – языкового окружения; корректировались ритм жизни и занятий, нормы бытового поведения, гигиены, культуры питания. В целом система школы-интерната, ставившая детей в четко определенные рамки новой общественной структуры, включенной в то же время в жизнь деревни, создавала щадящие условия для адаптации к русской культуре. Появление интернатов уменьшало возраст выхода ребенка за пределы семьи, дома, привычной для них среды и спо-

собствовало отчуждению между родителями и детьми, ослабляло прежние семейные связи и усиливало разрыв поколений. С другой стороны, дистанция между родителями и детьми, создаваемая интернатом, не была столь глубока, как дистанция, появлявшаяся в результате отправки детей «в ученики» в город.

Скопление большого количества детей порождало особые медицинские проблемы: учебные заведения нередко становились главными очагами распространения эпидемических заболеваний. Вместе с тем именно учащиеся первыми получали медицинскую помощь, школа обеспечивала организацию и проведение прививок. В начале XX века обязанностью земских врачей и фельдшеров становится посещение школ с целью проведения медицинского осмотра учащихся [12; 1–4]. В конце XIX – начале XX века сельская школа в Карелии при поддержке земства все более берет на себя заботу об обеспечении детей питанием и одеждой, элементарной медицинской помощью, становясь таким образом первым государственным институтом социальной защиты ребенка на селе.

Существовал целый ряд причин психологического, ментального порядка, влиявших на отношение детей и их родителей к школе. Одной из проблем, заставивших матерей вступать в непосредственные контакты с учителем, был вопрос школьной дисциплины. Он довольно часто поднимался в конце XIX века, но по мере отказа школы от физических методов наказания терял свою остроту. С точки зрения карелов, школьные наказания были излишне строгими. Публичная порка воспринималась ими как недопустимая мера. Не случайно местные волостные суды практически не использовали в своей практике наказания розгами [26; 91]. Приступая к работе в карельской местности, русские учителя недоумевали, почему даже по их просьбе крестьяне не наказывают детей, провинившихся в школе.

Деспотизм преподавателей вызывал у детей страх перед школой, неприязнь к ней и ретесы родителей. Напротив, учителя, отличавшиеся «кроткими дисциплинарными мерами», привлекали в школу большое количество детей. На рубеже XIX–XX веков вопрос о наказаниях в школе становится предметом внимания как церковного ведомства, так и Министерства народного просвещения. Циркуляром Синода от 25 февраля 1891 года было запрещено применение в школе грубых, жестоких и унижительных мер наказания. Судя по отчетам церковно-приходских школ Олонецкой епархии за 1890-е годы, постановления в угоду, на колени, земные поклоны таковыми не считались и находили применение в учебных заведениях края. Но в карельской местности во избежание оттока учеников опасались их использовать [7; 31], [29; 41–42]. Более мягкими были наказания в виде задержания учеников на не-

которое время в школе после занятий (за пропуски уроков без уважительной причины, порчу классной мебели или книг и другие проступки). В этом плане отличалась демократизмом земская школа, где формировались товарищеские отношения между педагогом и детьми.

Исключение из школы как способ наказания фиксировалось в документах конца XIX – начала XX века крайне редко. В случае неуспеваемости дети не переводились на следующий уровень обучения, а оставались «на второй год». Средствами поощрения учащихся служили похвала и одобрение учителя; иногда отличившиеся ученики получали в подарок письменные принадлежности, книги или брошюры. В праздничные дни учителя устраивали чаепития для детей, раздавали сладости. Ученикам, отличившимся в учебе, торжественно вручались похвальные листы и подарки, по окончании школы – свидетельство и Евангелие. Официальные публичные церемонии награждения школьников были принципиально новым явлением в деревне. Новым был сам факт награждения детей, их поощрения со стороны властей, что фиксировало статус ученика и подчеркивало его отношения с государством.

В процессе освоения нового культурного пространства дети сформулировали «школьные» приметы: «Нельзя оставлять книгу раскрытой – все забудешь»; «Хорошо класть раскрытую книгу на ночь под голову – тверже будешь помнить» и др. Особые детские страхи были связаны с экзаменами. Устрашающая обстановка экзаменов приводила к тому, что в весеннее время в России по этой причине нередко отмечались случаи детских суицидов, инспекторы подчас фиксировали крайне низкую явку учеников на экзамены. Признав вред экзаменов в начальной школе с педагогической и медицинской точки зрения, I Всероссийский съезд по вопросам народного образования принял резолюцию о необходимости их отмены [10; 3].

Учителя настойчиво искореняли детские суеверия. Важнейшим средством борьбы с ними было посещение церкви. Это правило строго соблюдалось в церковно-приходских школах, но в земских и министерских далеко не всегда, в зависимости от убеждений учителя. Религиозная обрядность, церемониал церковной службы, ее зрелищность вызывали интерес детей, способствовали их приобщению к православной вере.

Примером того, как новшества, привнесенные школой, осваивались в рамках привычных моделей поведения и вплетались в ткань культурной традиции, является организация в школе новогодних елок. В конце XIX века организация этого праздника становится широко распространенной традицией в земских и министерских школах Карелии (в церковно-приходских школах обычай, пришедший в Россию из лютеранской Германии и вызывавший неприязнь Православ-

ной церкви, приживался с запозданием). Проведение елки было своего рода общественным смотром школы, «народным экзаменом» и требовало серьезной подготовки. «Елочные» мероприятия строились по специальной программе, учителя готовили сценарий литературно-музыкального вечера. Почтение ели, уважительное отношение к ней в день новогоднего праздника в некоторой мере созвучно карельской языческой традиции создания «карсикко» (памятных деревьев) путем оставления на них приметных знаков, в том числе разного рода украшений. Зрелищные и содержательные мероприятия нередко привлекали крестьян широкой округи. Многочисленные «гости», приезжавшие на «елку» из соседних деревень, размещались в семьях родственников, как это бывало в дни больших церковных праздников.

Русская сельская школа конца XIX – начала XX века вне зависимости от ее ведомственной принадлежности была сориентирована не только на обучение, но имела своей целью воспитательные задачи: нравственные, религиозные, патриотические. В рассматриваемый период работа учителей с детьми все шире начинает выходить за рамки обычной практики обучения. Кроме уже упоминавшихся школьных хоров, посещения церкви, устройства елок организовывались другие внеурочные занятия. Школы проводили празднования собственных юбилеев, торжественные церемонии по случаю переезда в новое здание, что давало детям представление о культуре корпоративного праздника и корпоративной традиции. В отдельных школах учителя пытались организовать подобие школьного театра [3; 5]. Проведение школьных праздников, устройство спектаклей, ярких церемоний за пределами школьного здания было действенным способом «вербовки» будущих учеников [2; 18]. Большое воспитательное значение имели проводившиеся школами благотворительные акции. Их число резко возросло в годы Первой мировой войны. В 1913/14 учебном году из 466 школ Олонецкой губернии ведомства Министерства народного просвещения не менее чем в 300 были организованы те или иные воспитательные мероприятия: елки, спектакли или литературные вечера, паломничество, экскурсии или учебные прогулки и т. п. В своих ежегодных отчетах учителя отмечали, что организация школьного отдыха и развлечений придавала школе семей-

ный характер, создавала атмосферу, благоприятную для успешной учебной работы [4; 76–77], [30; 141].

Становясь привычным явлением сельской действительности, школа вместе с тем формировала новую повседневность крестьянских детей, подчиненную строгой регламентации, когда значительная часть жизни ребенка измерялась по часам, протекала «от звонка до звонка». Учителя в своей повседневной деятельности были вынуждены учитывать местные традиционные ценности (в том числе педагогические) и этнопсихологические особенности местного населения. Исследование истории школы в Карелии обнаруживает влияние этнической культурной традиции на становление государственных учреждений в крае. Диалог двух педагогических систем – семьи и школы, народной и официальной педагогики – шел непростым, а его результатом была, в частности, постепенная выработка адаптированных к местным условиям практик организации детской повседневности. Школа приспособлялась к крестьянскому трудовому циклу, учитывая деревенские традиции и потребности семей в рабочих руках подростков, в результате чего формировался местный школьный календарь. Кроме того, организуя по-новому жизнь ребенка, систему питания тех, кто жил в школьном общежитии, школа воздействовала на общий процесс модернизации культуры потребления в деревне.

В связи с развитием системы школьного образования менялась содержательная сторона детства. Учеба в школе создавала предпосылки для отсрочки начала трудовой деятельности, дети осваивали здесь принципиально новые роли – школьника, переводчика, учителя младших детей, чтеца и писаря в семейном кругу, певца в церковном хоре и помощника во время церковной службы. Семья и община теряли прежнюю монополию в воспитании молодежи, чья жизнь с расширением сети учебных заведений все более подвергалась «социальному конструированию». Обучение в школе обусловило стандартизацию периодов детства, в результате чего был сделан шаг к стандартизации крестьянских биографий. Нивелировались локальные традиции восприятия этапов взросления детей, поскольку с появлением школы детство стало превращаться в череду четко обозначенных ступеней, по которым начало синхронно подниматься каждое новое поколение.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Оригинальное издание вышло в свет в 1960 году, а его перевод на русский язык был опубликован спустя почти 40 лет [14], [31].

² Заметный вклад в историографию внесли авторы монографических работ о советском школьном детстве: Е. М. Балашов, С. В. Борисов, К. Келли, Л.-А. Киршенбаум, С. Г. Леонтьева, А. Ю. Рожков, А. А. Сальникова. Особенностью новейших исследований о школьном детстве конца XIX – начала XX века является повышенное внимание к городской школьной повседневности [15], [16], [19], [20], [25], [27], тогда как сельская школа пока не удостоена столь пристального интереса.

³ Источниковедческие аспекты проблемы рассмотрены подробно в статье [23].

- ⁴ На основе отчетов директора народных училищ и епархиального наблюдателя церковных школ Олонецкой губернии за 1895–1914 годы.
- ⁵ Границы периодов детства в крестьянской культуре размыты, здесь отсутствуют пограничные столбы, что отражает непрерывность детства, а также половую дифференциацию, разные предписания и ожидания, предъявляемые к мальчикам и девочкам одного возраста. Как подчеркивает И. С. Кон, «неопределенность, условность хронологически вы-ражаемых возрастных границ – общее свойство любой развитой культуры» [24; 424].
- ⁶ В начале 1870-х годов были установлены единые для всех земских школ Олонецкой губернии временные пределы учебного года: он начинался 1 сентября и продолжался до 15 июня.
- ⁷ О языковой среде сельской школы в Карелии см. подробнее: [21], [28].
- ⁸ Врач-офтальмолог, профессор Ф. Ф. Эрисман в 1870-х годах определил основные требования к конструкции парты и ее размерам (соответствие росту ребенка), разработал модель рациональной парты.

ИСТОЧНИКИ

1. НА РК. Ф. 78. Оп. 1. Д. 56.
2. НА РК. Ф. 411. Оп. 1. Д. 2/23.
3. НА РК. Ф. 335. Д. 8/128.
4. НА РК. Ф. 335. Оп. 1. Д. 9/145.
5. Кустарные промыслы и ремесленные заработки крестьян Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1905. VI, 109, 161, 27, 3 с.
6. Отчет о занятиях съезда учителей и учительниц сельских земских училищ Олонецкой губернии с 26 августа по 3 сентября 1873 г. // Олонецкие губернские ведомости. 1873. 5 декабря. С. 12.
7. Отчет о состоянии церковно-приходских школ Олонецкой епархии за 1891–1892 учебный год. Петрозаводск, 1893. 64 с.
8. Отчет о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Олонецкой губернии за 1895–96 учебный год. Петрозаводск: Губ. типография, 1887. 118 с.
9. Отчет о съезде инспекторов народных училищ Олонецкой губернии (организованном на средства Олонецкого губернского земства) с 1 по 15 июля 1902 г. Приложение 1. Петрозаводск, 1902. 73 с.
10. Резолюция I Всероссийского съезда по вопросам народного образования (22 декабря 1913 г. – 3 января 1914 г.). СПб., 1914. 14 с.
11. Суеверия школьников // Олонецкие губернские ведомости. 1900. 5 сентября. С. 3–4.
12. ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 9858. Л. 1–4.
13. Школьная статистика. Очерк о состоянии народного образования в Олонецкой губернии за 1913–14 учебный год. Вып. 2. Петрозаводск, 1913. V, 103, 93 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

14. А р ъ е с Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. 416 с.
15. Бу ш м а к о в А. В. Повседневность провинциального гимназиста в начале XX века // Человек. Сообщество. Управление. 2006. № 3. С. 20–29.
16. Го н ч а р о в Ю. М. Повседневная жизнь женской гимназии в Сибири начала XX в. глазами учителя (по материалам дневника Н. Ф. Шубкина) // Сибиряки: региональное сообщество в историческом и образовательном пространстве: Сб. науч. тр. Новосибирск: НГПУ, 2009. С. 155–162.
17. Городок в табакерке. Детство в России от Николая II до Бориса Ельцина (1890–1990): Антология текстов «Взрослые о детях и дети о себе» / Сост. В. Безрогов, К. Келли, А. Пиир, С. Сиротинина. Ч. 1: 1890–1940. М.; Тверь, 2008. 392 с.
18. Д м и т р и е в К. И. О преподавании русского языка в корельских школах // Труды третьего съезда инспекторов народных училищ Олонецкой губернии. 3–8 июня 1908 г. Петрозаводск, 1908. С. 150–174.
19. Е г о р о в а М. В. Повседневная жизнь учащихся и учителей Урала в XIX – начале XX в. М.: Памятники исторической мысли, 2008. 216 с.
20. Жу р а в л е в а Н. Н. Повседневная жизнь женской школы Западной Сибири на рубеже XIX–XX вв. // Города Сибири XVII – начала XX в. Вып. 2. История повседневности. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 178–194.
21. И л ю х а О. П. Школа и детство в карельской деревне в конце XIX – начале XX века. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. 304 с.
22. И л ю х а О. П. Повседневная жизнь сельских учителей и школьников Карелии в конце XIX – начале XX века. Очерки, документы. Материалы. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2010. 145 с.
23. И л ю х а О. П. Историко-этнографические источники для изучения детской повседневности в Карелии конца XIX – начала XX веков // Rajalla halkaistu kansa. Yoensuu; Петрозаводск, 2011. С. 116–130.
24. Ко н И. С. Социологическая психология. Избранные психологические труды. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: МОДЭК, 1999. 560 с.
25. Л я р с к и й А. Б. Самоубийства учащихся как феномен системы социализации в России на рубеже XIX–XX веков. СПб.: МИЭП, 2010. 384 с.
26. О л е н е в И. В. Карельский край и его будущее в связи с постройкою Мурманской железной дороги. Гельсингфорс: Финское литературное общество, 1917. 134 с.
27. П а ш к о в а Е. Смерть гимназиста Кольшикина // Родина. 2008. № 5. С. 126–129.
28. Пу л ь к и н М. В. Начальное образование для «инородцев» на Европейском Севере России (конец XIX – начало XX в.) // Антропологический форум. 2006. № 4. С. 163–176.
29. Т а р н о в с к и й А. Об обязанностях учителя начального народного училища: Опыт краткого руководства. Для воспитанников учительских семинарий и учителей начальных училищ. М., 1896.
30. У с п е н с к и й М. И. По учебным заведениям Олонецкой губернии. II. В Петрозаводском, Олонецком и Лодейнопольском уездах // Известия по народному образованию. 1917. Ч. 52. Февраль. С. 130–167.
31. A r i e s Ph. L'enfant et la vie familiale sous l'Ancien regime. Paris, 1960. 503 p.

ЮЛИЯ ВАЛЕРЬЕВНА ЛИТВИН

аспирант сектора этнологии Института языка, литературы
и истории, Карельский научный центр РАН
litvinjulia@yandex.ru**КАРЕЛЬСКАЯ КРЕСТЬЯНКА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА:
ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ ГЕНДЕРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

В статье представлены основные тематические группы опубликованных и архивных источников второй половины XIX – начала XX века, позволяющие проанализировать правовое положение и социокультурный статус карельской крестьянки в семье и сельской общине.

Ключевые слова: история Карелии, гендерная история, источниковедческий анализ, правовое положение женщины, обычное право, семейно-брачные отношения, женская идентичность

Положение женщины в социуме, в конкретной этнокультурной среде привлекает внимание специалистов широкого круга. Одними из первых проявили интерес к этой теме этнографы [3; 76]. При анализе гендерных отношений они опираются в большей степени на полевые материалы, а также публикации современников событий, в меньшей степени обращаясь к архивным документам. Историки, напротив, видят ценность исследования во введении в научный оборот неопубликованных данных. Среди них следует назвать Н. Л. Пушкареву, Г. А. Тишкина, И. И. Юкину, А. В. Белову, Л. П. Репину (см., например, [29], [31], [39], [43], [44], [45]). Выпускаются тематические сборники, посвященные гендерным аспектам истории, проводятся всероссийские и международные конференции, свидетельствующие как о расширении круга исследователей, так и о многогранности гендерной проблематики (см. [31]).

Историографическая ситуация в Карелии говорит о заинтересованности ученых в разработке гендерного подхода. Опубликованы работы, затрагивающие отдельные стороны жизни представительниц «слабого пола». Например, роль женщины в старообрядчестве рассматривает И. Н. Ружинская; демографические аспекты изучает И. А. Чернякова; материнство в пореформенной Карелии в культурно-антропологическом ракурсе анализируют М.-Л. Keinänen, О. П. Илюха; в контексте народной культуры карельская женщина представлена в работах этнографического характера (Е. И. Клементьев, А. М. Линецкий, Ю. Ю. Сурхаско, Р. Ф. Тарова, К. Хейкинени и др.). Однако положение карельской женщины в крестьянском сообществе, ее социокультурный статус пока еще не стали предметом пристального рассмотрения.

Прежде чем непосредственно обратиться к анализу источников, необходимо пояснить, что мы понимаем под «историческим источником». Понятие «исторический источник» в научной литера-

туре имеет множество толкований. Современное отечественное источниковедение, восходящее к традиции А. С. Лаппо-Данилевского, ориентирует исследователей на понимание источника как продукта целенаправленной, осознанной деятельности человека [32; 76]. Данное определение формирует исследовательское поле историка в широком смысле слова, подчеркивая многообразие видов и способов фиксации исторических сведений. Он же предложил систематизировать исторические источники в зависимости от целей исследования [32; 86]. В частности, предлагал делить источники по степени ценности для изучения конкретных исторических событий и подразделял их на источники с фактическим содержанием (то, что было) и источники с нормативным содержанием (то, что признавалось должным) [41; 252–253].

Предпринятый нами источниковедческий обзор не претендует на всеобщий охват источников, относящихся к гендерной проблематике. Его цель – в выделении основных тематических групп, в которых имеются сведения о карельской женщине, отражающие ее положение в семье и общине. Статья основана на опубликованных источниках и архивных материалах Национального архива Республики Карелия.

Неопубликованные источники (прежде всего материалы делопроизводства) содержат в значительной мере формализованную и обобщенную информацию о женщине-крестьянке, позволяющую выявить общие и локальные тенденции демографических процессов, степень вовлеченности женщин в ремесленное и кустарное производство, участие в промышленном отходе, дают представление об отношениях женской части сельского сообщества с церковью и школой, с формировавшейся системой медицинского обслуживания, показывают характер женской преступности. Эта информация может быть существенно дополнена в результате обращения к мате-

риалам неофициального характера, среди которых особую ценность для реконструкции жизни и быта карельской женщины представляют публикации дореволюционных авторов второй половины XIX века – путешественников и исследователей, представителей разных социальных кругов и профессий – Н. Березина, М. Д. Георгиевского, И. К. Инхи, М. А. Круковского, Н. Лескова, В. Н. Майнова, И. В. Оленева, С. Паулахарью. Статьи и очерки этих авторов содержат как исследовательский компонент, являющийся предметом изучения историографии, так и многочисленные фиксации событий и явлений, личных впечатлений авторов, что позволяет рассматривать их в качестве исторического источника.

Информацию о семейном и общественном статусе женщины можно также почерпнуть из визуальных источников. Фотографии и зарисовки повседневной жизни, сделанные во время путешествий по Карелии, содержатся в очерках Н. И. Березина, М. А. Круковского, И. К. Инхи.

Законодательные нормы и предписания определялись и санкционировались государством. В «Своде законов гражданских» изложены статьи о родительских правах по отношению к дочерям, обязанностях детей, личных и имущественных правах женщин, включая сведения о приданом, порядке наследования и т. д. [27]. С эпохи Петра I в Российской империи провозглашается принцип приоритета права над обычаем, но в реальности большинство вопросов повседневной жизни крестьянства регулировались нормами обычного права. Для реконструкции норм обычного права карел большое значение имеют статьи А. Я. Ефименко [6] и А. Я. Колясникова [9]. Публикации других дореволюционных авторов (М. Д. Георгиевского, Н. Камкина, В. Никольского, И. В. Оленева) также затрагивают отдельные вопросы правового положения крестьянской женщины [3], [4], [8], [22], [25].

Информацию о повседневных жизненных практиках, о реальном применении законодательной регламентации можно почерпнуть из документов местных органов управления. Прежде всего это дела волостных правлений (Ф. 107, 151, 176, 604, 665–669 и др.), уездных судов (Ф. 170, 187, 234), земских начальников (Ф. 53–55). В них сохранились приговоры сельских обществ о семейных разделах, прошения на рассмотрение дел от крестьянок об оскорблениях со стороны односельчан. Нередко встречаются прошения вдовых крестьянок с просьбой защитить принадлежащую им часть имущества от родственников по линии мужа (Ф. 53, 54, 55, 151). Особенностью указанных фондов является их различная степень наполненности и информативности.

Материалы школьной статистики, отчеты учителей, хранящиеся в фонде директора народных училищ (Ф. 17), отчеты губернских и районных инспекторов народных училищ (Ф. 79, 335, 240),

отчеты уездных училищных советов (Ф. 428) позволяют судить о росте внимания как светских, так и церковных властей к образованию крестьянских детей в целом и девочек в частности [17], [21]. И все же в отчетах по народному образованию констатировалась низкая посещаемость девочками школ и незаинтересованность крестьян в их образовании [28; 3].

Правовое положение женщин также отражено в источниках о правоприменительной практике. Данные о количестве осужденных и составе преступлений выявляют степень соответствия между правовой нормой и действительностью. Информация об уровне преступности содержится в «Памятных книжках» Олонецкой и Архангельской губерний, статьях Б. Гурвича [5], А. Я. Ефименко [6], В. Копяткевича [10]. Неопубликованные материалы по этому вопросу отложились в фонде Олонецкого уголовного и гражданского судов (Ф. 9). Однако при анализе статистических материалов мы можем выявить лишь тенденции, характерные для губернии в целом, поскольку национальная принадлежность преступников обычно не указывалась. В большинстве опубликованных очерков отмечался низкий уровень преступности карел, а число «женских» преступлений было ничтожно мало [15].

Развернутые сведения о внутрисемейном положении женщины – ее домашних обязанностях, взаимоотношениях с членами семьи и других аспектах повседневной жизни – содержатся в очерках дореволюционных авторов. Многие из них отмечали высокий статус карельской женщины в семье как в Олонецкой губернии, так и в Карельском Поморье [8; 665], [24; 254], [25; 92].

Внесемейную повседневность карельской крестьянки условно можно разделить на трудовую, будничную, и досуговую, праздничную. Следует отметить, что с середины XIX века трудовая деятельность женщины вне дома начинает привлекать внимание официальных органов, что является косвенным показателем вовлечения женщин в сферу наемного труда. Согласно законодательству Российской империи, незамужняя женщина могла получить паспорт только с письменного разрешения родителей или опекунов, замужняя – с письменного согласия мужа. Ходатайства на имя земских начальников и волостных старшин свидетельствуют о частых обращениях женщин на получение паспорта без согласия супруга.

Информацию о составе занятых в промышленности и сельском хозяйстве края, в ремесленном и кустарном производстве можно проследить по делам фондов Олонецкого губернского статистического комитета (Ф. 27), Канцелярии олонеккого губернатора (Ф. 1), Олонецкого губернского правления (Ф. 2). Однако не все источники отражают половозрастную специфику. Например, в ведомостях Олонецкого губернского статкомитета о заработках населения губер-

нии год от года очерчивалась лишь общая картина развития ремесел [18]. В отчетах же олонеккого губернатора имеются сведения об оплате труда в сельскохозяйственном производстве отдельно для мужчин и женщин [19]. Эти и другие данные свидетельствуют, что оплата женского труда была почти в два раза ниже мужской при одинаковой занятости. В издании начала XX века отмечалось, что женские заработки в лучшем случае доходили до 50–90 руб., но в среднем составляли 10–25 руб. в год при постоянном занятии ремеслом и 1–15 руб. – при временном [12; 88]. Несколько раньше было опубликовано исследование, посвященное кустарным промыслам Олонецкой губернии [11; 98–102]. Обе работы затрагивали вопрос о состоянии женских промысловых занятий и ставили целью не простое их описание, а привлечение внимания властей к данной проблеме для улучшения условий сбыта, повышения конкурентоспособности местных товаров на внешних рынках, в частности, через освоение новых технических приемов изготовления продукта. Однако эти попытки не увенчались успехом, поскольку в большинстве случаев главным «рынком сбыта» изделий, произведенных женщинами, так и оставалась семья.

Праздник для крестьянской женщины был временем отдыха, хотя в воскресные и праздничные дни она не освобождалась от повседневной домашней работы: приготовление пищи, кормление скота, уход за детьми, то есть типично женские виды работ, считались непроизводительными и потому разрешались. Информация о досуге карельской женщины практически не отложилась в документах официального делопроизводства (переписка, отчеты и другие материалы). Архивные документы официального характера обычно очерчивали лишь общую канву событий праздника (Ф. 1, 25, 151). В то же время в очерках можно встретить отдельные свидетельства участия женщины в семейных праздниках, различного рода развлечениях и торжествах. Чаще всего это описание предсвадебных приготовлений и свадебных церемоний. Женщина также обязательно присутствует в описаниях ритуально-обрядовых действий в связи с рождением или крещением ребенка, а также в связи с похоронами. Достаточно часто авторы обращались к теме молодежных бесед и посиделок [2], [3], [4], [7], [14].

Анализ опубликованных и архивных материалов позволяет взглянуть на документ с точки зрения отражения и конструирования гендера в различных национальных традициях, а также ввести в оборот новые источники и по-иному истолковать уже известные материалы. Реалии Олонецкой губернии указывают на то, что упоминание о жизни крестьянки в официальных источниках было связано с экономическими интересами государства прежде всего в сфере сельского хозяйства, кустарного производства и различного рода промыслов. Статистические данные, в которых присутствуют сведения относительно женщин, зачастую ограничиваются информацией в целом по губернии или уездам, что лишает исследователя возможности конкретизировать цифры отдельно для карельского и русского населения. Исключениями являются протоколы съездов земских врачей, отчеты которых касались различий в состоянии врачебно-санитарного положения в волостях с русским и карельским населением, а также отчеты по народному образованию, демонстрировавшие низкую посещаемость девочками-карелками школ. За время деятельности волостных правлений, земских начальников, уездных управ, контактировавших в большинстве случаев с крестьянским населением, отложились дела, которые дают возможность проанализировать частоту «женских» и «мужских» обращений, состав прошений и ходатайств. Но за границами интересов государства остались такие стороны жизни женщины, как домашняя работа, взаимоотношения между членами семьи и общины, участие в праздничных мероприятиях, вопросы социализации и т. д. Данный информационный пробел восполняют источники этнографического характера. Итак, благодаря официальным данным мы имеем возможность выявить место крестьянской женщины в сфере интересов государства, роль в крестьянском сообществе, а материалы этнографического характера вырисовывают те местные реалии, которые придавали неповторимый колорит региональным и локальным социальным трансформациям.

Работа выполнена при поддержке программы фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «Исторический опыт социальных трансформаций и конфликтов».

ИСТОЧНИКИ

1. А.-в. Галаша // Олонецкие губернские ведомости. 1905. № 63. С. 2 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ogv.karelia.ru/magview.shtml?id=1450&page=2>
2. Благовещенский И. Посиделки в окрестностях города Олонца // Олонецкие губернские ведомости. 1878. № 94. С. 1135 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ogv.karelia.ru/magpage.shtml?id=4172&page=9>
3. Георгиевский М. Этнографические заметки. Святозеро // Олонецкие губернские ведомости. 1888. № 18. С. 163 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ogv.karelia.ru/magpage.shtml?id=772&page=5>
4. Георгиевский М. Д. Карелы // Вестник Олонецкого губернского земства. 1908. № 14. С. 3–5; № 15. С. 4–6; № 16. С. 8–10; № 20. С. 3–6.

5. Гурвич Б. Очерки преступности и порочности в Олонецком уезде // Олонецкие губернские ведомости. 1903. № 46. С. 3; № 47. С. 3 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ogv.karelia.ru/magpage.shtml?id=1698&page=3>
6. Ефименко А. Я. Юридические обычаи лопарей, корелов и самоедов Архангельской губернии // Записки Русского географического общества по отделению этнографии. Т. VIII. СПб., 1878. С. 1–233.
7. Из быта и верований карел Олонецкой губернии. Праздники у карел // Олонецкие губернские ведомости. 1894. № 85. С. 9–10.
8. Камкин Н. Архангельские карелы (этнографический очерк) // Древняя и новая Россия. 1880. Т. XVI. № 4. С. 651–673.
9. Колясников А. Я. Материалы для изучения народных юридических обычаев. Народные юридические обычаи карел, живущих в Олонецком уезде // Олонецкий сборник. Вып. 2. Петрозаводск, 1886. С. 43–54.
10. Копяткевич В. Преступность в Олонецкой губернии за пятнадцатилетие с 1897–1911 гг. // Известия Общества Изучения Олонецкой губернии. Т. 2. № 5–8. С. 97–111.
11. Кустарная промышленность в Олонецкой губернии / Сост. И. И. Благовещенский, А. Л. Гарязин. Петрозаводск: Губернская типография, 1895. 125 с.
12. Кустарные промыслы и ремесленные заработки крестьян Олонецкой губернии / Сост. Н. Г. Простнев, Н. Ф. Меледин. Петрозаводск: Северная скоропечатня Р. Г. Кац, 1905. 331 с.
13. Лесков Н. Карельская свадьба // Живая старина. 1894. Вып. III–IV. С. 499–511.
14. Минорский П. Олонецкие карелы и Ильинский приход Олонецкого уезда // Олонецкие губернские ведомости. 1879. № 61. С. 731–732 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ogv.karelia.ru/magpage.shtml?id=3223&page=9>
15. Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. 9. Оп. 1. Д. 9/72, 10/91.
16. НА РК. Ф. 17. Оп. 1. Д. 27/282, 42/472. 202.
17. НА РК. Ф. 17. Оп. 1. Д. 46/561, 46/570.
18. НА РК. Ф. 27. Оп. 1. Д. 35/1, 37/3, 37/7, 42/2.
19. НА РК. Ф. 27. Оп. 6. Д. 1/1, 1/8.
20. НА РК. Ф. 53. Оп. 3. Д. 4/44.
21. НА РК. Ф. 180. Оп. 1. Д. 7, 12, 14.
22. Никольский В. Обычаи, приметы и причитания карельской свадьбы (из записок и дневников) // Олонецкая неделя. 1916. № 30. С. 9–13.
23. Никольский В. В. Быт и промыслы населения западного побережья Белого моря (Сороки – Кандалакша). По материалам исследования летом 1921 г. // Труды Института по Изучению Севера. Вып. 36. М.: Издание научно-технического управления В. С. Н. Х., 1927. 235 с.
24. О Карелии // ИАОИРС. 1913. № 6. С. 253–262.
25. Оленев И. В. Карельский край и его будущее в связи с постройкой Мурманской железной дороги. Гельсингфорс, 1917. 172 с.
26. Протоколы заседаний Второго съезда земских врачей Олонецкой губернии и сообщения врачей делегатов о состоянии медицинской части в уездах губернии 1896 года / Изд. Олонец. Губ. Земской Управы. Петрозаводск: Губ. тип., 1897. 147 с.
27. Свод законов Российской империи. Т. X. Ч. I. Свод законов гражданских. СПб.: Государственная типография, 1887. 415 с.
28. Состояние начальных народных училищ Повенецкого уезда за 1907–1908 г. // Вестник Олонецкого губернского земства. 1909. № 6. С. 3–4.
29. С. Мученики нужды и невежества // Вестник Олонецкого губернского земства. 1912. № 5. С. 16–19.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

30. Белова А. В. Женская повседневность как предмет истории повседневности // Этнографическое обозрение. 2006. № 4. С. 85–97.
31. Женская и гендерная история Отечества X–XXI вв.: новые проблемы и перспективы. М.: ИЭА РАН, 2009. 68 с.
32. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцев. М.: РГГУ, 1998. 702 с.
33. Кабанов В. В. Источниковедение истории советского общества: Курс лекций. М.: РГГУ, 1997. 385 с.
34. Пушкарев Л. Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975. 281 с.
35. Пушкарева Н. Л. Женщины Древней Руси. М.: Мысль, 1989. 286 с.
36. Пушкарева Н. Л. Гендерные исследования: рождение, становление, методы и перспективы // Вопросы истории. 1998. № 6. С. 76–86.
37. Пушкарева Н. Л. Гендерные исследования в исторической науке // Гендерные исследования. 1999. № 3. С. 166–186.
38. Пчелов Е. В. К вопросу о принципах классификации исторических источников // Архивоведение и источниковедение отечественной истории. Проблемы взаимодействия на современном этапе. Доклады и тезисы выступлений на второй Всероссийской конференции, 12–13 марта 1996 г. М., 1997. Вып. 1. С. 198–200.
39. Репина Л. П. Гендерная история: проблемы и методы исследования // Новая и новейшая история. 1997. № 6. С. 41–58.
40. Румянцев М. Ф. Источниковедение в системе актуального гуманитарного знания // Вестник РГГУ. Сер. «Исторические науки». 2008. № 4. С. 31–46.
41. Русина Ю. А. Научное наследие А. С. Лаппо-Данилевского (к вопросу о теории и методологии источниковедения) // Документ. Архив. История. Современность: Сб. науч. тр. Вып. 2. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2002 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.hist.usu.ru/dais/vols/vol2.htm>
42. Сурхаско Ю. Семейные обряды и верования карел. Конец XIX – начало XX в. Л., 1985. 172 с.
43. Тишкин Г. А. Женский вопрос в России в 50–60-е годы XIX в. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 239 с.
44. Частная жизнь женщины в доиндустриальной России. X – начало XIX в.: невеста, жена, любовница. М.: Ладомир, 1997. 366 с.
45. Юкина И. И. История женщин России: женское движение и феминизм в 1850–1920-е годы: материалы к библиографии. СПб.: Алетейя, 2003. 232 с.

УДК 39

ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНА ДАНИЛКО

доктор исторических наук, заведующий этнографическим научно-образовательным центром, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (г. Москва)
danja9@yandex.ru

ГРАНИЦЫ ДЛЯ ВЕРЫ: СТАРООБРЯДЧЕСКИЕ ОБЩИНЫ РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

В статье представлены предварительные результаты полевых исследований среди старообрядческих групп российско-белорусского пограничья в контексте проблемы культурных границ.

Ключевые слова: старообрядчество, этноконфессиональные группы, пограничье, культурные границы, групповые маркеры

Исследование процессов межкультурного взаимодействия на этноконтактных территориях – проблема, с одной стороны, очевидная хотя бы в силу отсутствия в современном мире территорий монокультурных, с другой – неисчерпаемая из-за множества возможных вариантов таких взаимодействий. Об актуальности же проблемы пограничья, пограничных областей, этнокультурных границ свидетельствуют непрекращающиеся еще с 20-х годов прошлого столетия научные дискуссии. За это время сформировалось множество подходов, возможных ракурсов рассмотрения границ, от абсолютизации географического фактора (Ф. Ратцель) [3] до сведения их к системе культурных маркеров (Б. Барт) [5]. В последние десятилетия с образованием новых государственных границ и складыванием иных очертаний российского государства у этнологов появились дополнительные мотивации к обращению исследовательского интереса к пограничным регионам, теме границ даже был посвящен последний этнологический конгресс [6].

Изучение российско-белорусского пограничья, проводившееся в течение трех лет в рамках специального исследовательского проекта, также в значительной мере было обусловлено стремлением охарактеризовать современные трансформационные процессы после появления на карте некогда единой страны молодых суверенных государств. Однако основной посыл, определивший изучение конкретных областей – Брянщины и Гомельщины, был совсем не политическим: если образование здесь политического рубежа – явление относительно новое, то состояние культурной переходности или маргинальности в этом регионе насчитывает несколько столетий. На наш взгляд, можно выделить несколько детерминирующих факторов. Во-первых, политико-административный фактор. Эта территория уже с раннего Средневековья и до наших дней поочередно входила в состав нескольких последовательно сменявшихся государств (Княжества Литовского, Польши, России), затем

российских губерний и областей и снова разных государств. Во-вторых, демографический фактор. Постоянные миграции, связанные с периодическими изменениями административного статуса, способствовали нестабильности в составе населения. В-третьих, историко-культурный фактор. Здесь много лет происходило взаимодействие различных этнических (русские, украинцы, белорусы, поляки, евреи) и конфессиональных (православие, старообрядчество, католицизм, иудаизм) традиций. Все это вместе способствовало формированию совершенно специфического регионального пласта культуры.

Существенное место в составе местного населения всегда занимал старообрядческий компонент, в этой связи исследование старообрядческих групп стало одной из важных задач проекта. Кроме того, известный традиционализм старообрядцев и ориентация на ограничение контактов с окружающим миром, как представляется, может служить наиболее эффективным показателем направлений этнокультурных взаимодействий и трансформаций в регионе, позволяя выявить их масштаб и характер.

Полевые этнографические исследования проводились среди старообрядцев разных согласий в г. Новозыбкове Брянской области РФ и г. Гомеле одноименной области Белоруссии, расположенных в непосредственной близости от государственной российско-белорусской границы и друг от друга, расстояние между ними составляет всего 70 км. Вся эта местность с населенными пунктами – селами и небольшими городками (Клинцы, Унеча, Стародуб и др.) – издавна составляли очень важные в истории всего старообрядчества регионы, консолидирующие общины поповского направления и широко известные как Ветка и Стародубье. Слобода Ветка, определившая впоследствии название местности, была основана непосредственно после раскола православной церкви в 1685 году, она находилась за литовским рубежом и представляла собой надежное убежище для гонимых старообрядцев.

В самое короткое время здесь выросли 14 больших слобод, появились монастыри и церкви. Первые старообрядческие поселения в Стародубье появились несколько позднее, в 1669 году. При царевне Софье с ужесточением мер по борьбе с «раскольниками» поселившиеся в Стародубье старообрядцы вынуждены были бежать за границу, на Ветку, и российский центр опустел на 20 лет. Затем он вновь восстановился, и два этих духовных центра практически сравнялись по численности, обросли новыми слободами и храмами. Российскими властями предпринималось несколько «выгонок» Ветки, несмотря на то что эти территории административно относились к Польше. При Екатерине II значительная часть старообрядцев была переселена на российские земли, выходцами с Ветки были образованы компактные поселения в Заволжье и Оренбургском крае, также преимущественно из них сформировалась группа семейских в Забайкалье [4; 62–63, 271]. Таким образом, на исследуемой территории в течение нескольких веков существовали два крупных старообрядческих центра, разделенные государственной границей, но по существу единые, со множеством внутренних связей – от церковных и культурных до экономических и семейно-родственных, а в самом старообрядческом сообществе Ветка и Стародубье всегда воспринимались как нечто нераздельное. При этом сложились определенные адаптационные механизмы, позволяющие использовать «заграничное положение» Ветки как убежища в периоды ужесточения гонений на российские старообрядческие общины, прежде всего стародубские. Подобные ситуации рассматривались исследователями старообрядчества и на примере других регионов, например Бессарабии [2].

Новозыбков был основан на российской стороне, в Стародубье. Официальной датой считается 1701 год, хотя к этому времени уже существовала слобода Зыбка, заселенная беглыми старообрядцами, по архивным документам, в 1868 году. Впоследствии при активном участии старообрядцев Зыбка вырастает в известный торгово-промышленный центр, объединивший другие поселения, и в 1809 году получает статус уездного города. Таким образом, старообрядцы всегда составляли значительную часть городского населения. Например, в 1861 году здесь значилось 476 православных, 480 единоверцев (то есть духовно близких к старообрядчеству людей) и 6362 старообрядца. Последние играли также значительную роль в развитии инфраструктуры Новозыбкова, определяя его социально-культурный и экономический облик. Большую часть развитых в городе предприятий – кожевенных, парусиновых, свечных и салотопенных, а также торговых, содержали богатые старообрядцы [1; 51–57]. До сих пор в религиозном отношении

Новозыбков остается одним из известных старообрядческих центров, так как из четырех действующих сегодня храмов два являются старообрядческими. В настоящее время восстанавливаются еще два храма РПЦ. Исследования в рамках проекта производились главным образом в двух старообрядческих группах. Обе общины относятся к поповскому направлению, но принадлежат к разным соглашениям и, соответственно, в административно-структурном отношении подчиняются разным церковным структурам. Неофициальные названия соглашений – «беглопоповское» и «белокриницкое»¹. В связи с тем что в Новозыбкове долгое время находился центр «беглопоповского» соглашения, исторически именно это направление играло здесь более важную роль, чем белокриницкое. В советский атеистический период не прекращал функционировать приходской храм, работал издательский отдел, в перестроечное время появилась семинария, в которой получают духовное образование будущие священнослужители из всех регионов России и сопредельных стран. Несмотря на все это, современная община не отличается многочисленностью, ее основной костяк составляют 20–30 человек преимущественно пожилого возраста, семинаристов ежегодно набирается не более десятка. Молодежь и люди среднего трудоспособного возраста, определяющие свою конфессиональную принадлежность как старообрядческую, совершают основные таинства (венчание, крещение детей, причастие), но участвуют в церковных службах лишь во время больших религиозных праздников. Это показатель состояния старообрядчества в целом, которое подверглось в советское время более жесткому прессингу, чем остальные конфессии, и практически не пользуется государственной поддержкой.

Приход белокриницкой общины сформировался относительно недавно, только в постперестроечный период у них появился храм и постоянный священник, наладилась связь с небольшими сельскими группами и приходом в Гомеле, где также проводились исследования.

Первоначально в Новозыбкове существовала и своеобразная территориально-этническая и социальная стратификация. Как было сказано выше, город был основан и заселен преимущественно старообрядцами, основными занятиями которых были собственное производство и торговля. Затем сюда стало прибывать еврейское население, так как город имел удобное географическое положение – за чертой оседлости и одновременно в непосредственной близости от социально-экономических центров. Евреи селились компактно в большом районе недалеко от центра города, называемом Молостовкой. Здесь располагались постоянные дома, имелись две синагоги, здания которых сохранились до сих пор.

Крестьянское заселение города началось только в начале XX века, когда наиболее выгодные участки уже были заняты, поэтому переселенцам оставались окраинные, заболоченные земли. Этот район получил название Оторвиловка. По местной этимологии, там поселились люди, «оторвавшиеся» от села, но не вошедшие в городскую жизнь. Собственно, с этого времени там начинается складываться особая полиэтничная культура, происходит активное включение украинского и белорусского компонентов.

Вообще из анализа интервью с местными жителями, как старообрядцами, так и представителями РПЦ, следует, что главным отличительным признаком городской среды является смешанность, некоторая культурная маргинальность, пограничность: «Хоть и пишемся русскими, но традиция другая, это на уровне традиций ощущается, на уровне даже произношения русских слов, если, вот, человек говорит по-русски, но с мягким очень произношением, ясно, что это украинское население, грубоватый мужицкий говор – это белорусское влияние. У нас вот свой регион, Стародубье называется»; «Здесь местность – то особая, это же бывшая Черниговская губерния, все перемешано здесь уже веками»² и т. д.

Новозыбковцы подчеркивают существование более тесных связей с соседним Гомелем, нежели с областным Брянском, приводятся различные аргументы, такие как территориальная близость и удобное транспортное сообщение (маршрутные такси, автобусы отходят от автовокзала через каждые полчаса-час, существует также частный извоз, практически не отличающийся по цене), экономическая выгода (дешевые товары повседневного спроса, продукты), культурно-психологическая близость жителей этих двух городов: «Вот по духу, по менталитету они (гомельцы. – Е. Д.) нам более близкие, характеры у нас похожие, они более открытые, чем брянские. Там все по-другому, и говорят, и одеваются, все по-другому». Образование на территории некогда единой страны суверенных государств, с одной стороны, могло стать дистанционным фактором и внести внешний вектор в эти взаимоотношения, с другой стороны, способствовать большему тяготению населения к своему «российскому» административному центру – Брянску. Однако ни того, ни другого фактически не произошло. Наличие политической границы не представляется жителям региона серьезным препятствием для взаимодействий, оно приводит к появлению несложных формальностей при переездах, тогда как исторически сложившаяся культурная целостность остается нетронутой, по крайней мере, в настоящее время. Именно эта граница, не совпадающая с реальными административными делениями, более четко артикулируется в интервью, очерчиваясь набором определенных культурных маркеров (язык, традиции,

менталитет): «Вот едешь в сторону Брянска, все меняется, и говорят по-другому, и постройка там другая, и люди совсем не такие, вот, ни с какого боку они нам не подходят, а в Гомель едешь, вроде все одинаковое, все, как у нас». Следует отметить, что первым признаком, определяющим уникальность брянского приграничья, практически во всех интервью называется язык, особый говор, непохожий на говор других областей: «У нас вот разговор совсем другой, язык, все намешано, и украинские слова, и белорусские, нас сразу определяют, и мы своих хоть где узнаем». Отмечается также, что понимание украинского и белорусского языков на слух не представляет проблемы, скорее является нормой для местных жителей: «Вот смотрим телевизор, новости какие-то показывают, так странно даже видеть, что с украинского или с белорусского дается перевод, все же и так понятно, глупость какая-то. Мы все понимаем, говорим похуже, но понимаем все».

Вместе с тем культурная специфика российско-белорусского приграничья, как любого поликультурного региона, складывается из множества неоднородных составляющих и внутренних групповых границ, взаимно выстраиваемых различными этнокультурными сообществами. Для старообрядцев главным групповым признаком является конфессиональная принадлежность и приверженность старине. Традиционно используется известный прием мифологизации, удревления истории старообрядчества для обоснования уникальности и отличности от других: «Наша вера она самая старая, еще от апостолов идет». О наличии выраженной региональной идентичности у старообрядцев свидетельствует проникновение в подобные исторические предания местной топики: «Ной плыл на ковчеге, решили узнать, далеко ли земля. Господи, что за чудо? Земли не видно, только небо и вода, и вдруг – прутик, ветка плывет. И вот на этом месте образовалась наша Ветка и вера наша [То есть с Ноева ковчега?]. Да. Оттуда название и пошло».

Как было сказано выше, политический рубеж не является для новозыбковских старообрядцев значимым: «А какие сложности? Так ведь церкви они не по национальностям, не по границам, это храм и там храм. Все храмы старообрядческие – это одна семья. Для веры границы нету». Отсутствие этой границы распространяется и на восприятие этнической принадлежности соседей: «А хоть кто, у нас не различают, если своей веры. Вот написано “Нет ни еллина, ни иудей”». В то же время все информанты отмечают, что старообрядцы большей частью русские, что также отличает их от окружающего населения – этнически смешанного, украинского или белорусского. Это проявлялось и в местных прозвищах, имевших негативный оттенок: «Вот они русскими себя называют, а они обрусевшие украинцы

или белорусы. И поэтому наши бабушки их иначе как “хохлами” и “мазепами” не называли. Вот бывает же, что старообрядцев там по-разному называют, “кержаками” или “кулугурами” где-то. Вот, а они нас звали “москалями” и “кацапами”. Москали потому, что мы русские, и кацапами они вообще всех русских зовут». Подобные определения распространялись и на обозначение нестарообрядческих храмов (обычно называемых в старообрядческой среде «никонианскими» или «мирскими»), ритуальных предметов – икон, книг, бытовых явлений: «А мы их церкви иначе как мазепскими и не называли. Говорили “в мазепскую церковь пошла”, “мазепские иконы”, “мазепские книги” или “хохлацкие”, одежда тоже хохлацкая». Соответственно, отождествление этнических и конфессиональных границ (старообрядцы – русские, православные – украинцы или белорусы) отражалось на отношении к смешанным бракам, которых старались не допускать, что актуализировалось в бытовых конфликтах: «Если там, на улице, сцепились, поссорились из-за чего, первым делом припомнят, кто есть кто, кто мазепа, кто кацап».

В настоящее время смешанные браки давно не редкость, о них упоминают применительно к себе или своим родственникам практически все информаторы, взаимосвязь этнической и религиозной принадлежности также утратила однозначность. В качестве декларируемой, но не всегда практикуемой нормы выступает обязательный переход в старообрядчество партнера иноверца. Рассказов о таких случаях множество: «У меня муж от чистый украинец, а нашу веру принял»; «У моей дочки муж в Москве вообще татарин, перекрестился тоже» и т. д.; впрочем, как и о случаях, когда супруги оставались каждый в своей церкви. В целом конфессионально-смешанные браки расцениваются не слишком позитивно, как свидетельство угасания старообрядческой традиции.

Непосредственным продолжением конкретных положений религиозного учения и, соответственно, выраженным групповым маркером наряду с догматическими особенностями и «крепостью веры» для старообрядцев пограничья служит целый ряд бытовых правил и запретов: «своя посуда», разделение посуды на «чистую» и «поганую», ношение бороды, запрет на курение и употребление спиртного и т. д. Выявляется совершенно определенный набор ценностно окрашенных этноконфессиональных маркеров, позволяющих им отделить свое сообщество от других и воспринимаемых как единственно правильные, что характерно практически для всех старообрядческих региональных групп.

В комплексе семейной обрядности наименее устойчивым к инокультурным влияниям оказался свадебный обряд, информанты затрудняются при определении его специфики: «Да все так же,

похоже, и песни такие же, вот только венчают в другой церкви». В крещенье же и похоронно-поминальном комплексе определенно выявляется набор элементов, который обозначается как «старообрядческие» (погружательное крещение, наречение именем по святцам, пеленание, наличие савана и т. д.). Последний представляется старообрядцам наиболее тесно связанным с вероучением. Вообще тема похорон, и шире – смерти, посмертного наказания, пожалуй, одна из самых важных в современной старообрядческой среде, без нее не обходится ни один разговор о вере.

Существование территориальной изоляции этнических групп в прошлом было характерной особенностью многих смешанных поселений пограничья, об этом было сказано выше и касательно Новозыбкова, хотя в последнее время такое разделение, сохраняясь в памяти информаторов, все меньше отражает реальную картину расселения. Кроме того, обособленность этнических групп поддерживалась созданием своего обрядово-религиозного пространства с культовыми местами и кладбищами. В Новозыбкове несколько кладбищ; сохраняется их разделение по конфессиональному признаку, хотя формально они значатся как общины. В районе, называемом Людково, расположено православное кладбище, там же на своей стороне хоронят и мусульмане. Недалеко находится иудейское кладбище, оно единственное имеет внешний различительный признак – надпись на иврите у входа. Кладбище на улице Некрасова считается старообрядческим. Старообрядческие семьи стараются хоронить именно на своем кладбище, хотя отмечают, что в последнее время эта традиция нарушается из-за участившихся смешанных браков.

Старообрядцы отмечают особенность своих обрядов, их несхожесть с «мирскими»: «Мирские не так хоронят, и молитвы, и все. Мы вот пеленаем, они нет, и савана нету у них». Основные различия, о которых в первую очередь говорят и старообрядцы, и «мирские», – несовпадение дней посещения кладбищ после Пасхи и отсутствие у старообрядцев поминальных трапез на кладбище. Старообрядцы рассматривают такую традицию как языческую, проводя групповую границу по «чистоте веры»: «Вот Радунца после Пасхи, у нас на кладбище не ходят. Этот поминальный день нигде фактически не фиксирован в книгах, если вот Дмитровская родительская суббота, великопостная, троицкая, она фиксирована в книгах, а эта не фиксирована, эта служится от обычая. У нас на кладбище ходили на Пасху и ходят только на Пасху, а мирские ходят на Радунцу. А все эти тризны на могилах это у новообрядцев, у нас на кладбище не едят, это все язычество». Все составляющие похоронно-поминального комплекса старообрядцев, очередность их выполнения строго регламентировались уставами согласий, в то время как некоторые архаиче-

ские элементы вытеснялись и заменялись христианской символикой, соответственно, нередко народные обычаи расцениваются старообрядцами как проявления язычества: «У них похороны, как свадьба, шум, гвалт, чисто язычники, а у нас тихо и чинно, все с молитвой. У нас кутия – пшеница с медом, а у них колево называется, булка такая тоже с медом»; «Вот я была на Украине на похоронах. Так там еще что-то в гроб кладут, вот покойник что любил. Одной даже чекушечку положили, выпить любила при жизни, совсем уж язычество». Обычай есть на могилках при посещении кладбища также не одобряется старообрядцами, иногда в таком ключе высказываются о «первой встрече» (узелок с разными предметами и едой, подающийся первому встреченному прохожему на пути похоронной процессии) и т. д.

В целом, как показало исследование, старообрядческие группы российско-белорусского пограничья, вопреки декларируемому стремлению к культурно-бытовой замкнутости, оказались включенными в трансформационные процессы и стали участниками различных взаимодействий с окружающим населением, отличающимся как этнической, так и конфессиональной принадлежностью. В этой связи на основе полевых материалов выделяются следующие направления трансформации их культуры:

1. Языковой: включение в лексикон русских старообрядцев украинских и белорусских слов, изменения в говоре (более мягкое (украинское) или, напротив, более жесткое (белорусское) произношение), понимание украинского и белорусского языков на слух и на уровне чтения.

2. Культурно-бытовой: взаимопроникновение элементов материальной и духовной культуры, синтез в обрядовой культуре (особенно свадеб-

ной) и фольклоре, высокий уровень межкультурной компетентности.

3. Социальный: распространение смешанных браков, отношений родства и свойства между старообрядцами и представителями официальной православной церкви (русскими и белорусами).

Несмотря на постепенное размывание традиционного пласта старообрядческой культуры, а также повышение степени открытости для различных взаимодействий и большей коммуникативности (рост числа смешанных браков, разнообразие производственно-хозяйственных контактов, общая социальная сфера и т. д.), способствующих размыванию групповых границ, основные культурные маркеры продолжают сохраняться. Кроме того, старообрядческая культура, обладающая собственной спецификой, органично включена в региональный культурный слой. Историко-культурная целостность приграничного региона России, частью которой являются исследуемые старообрядческие группы, выстраивается на основе определенного набора культурных параметров (язык, традиции, менталитет), которые оказываются значимыми и при поддержании групповой границы собственно старообрядческого сообщества. Однако изменяется их ценностная окрашенность, а различие актуализируется по линии «принадлежность к истинной вере» и «соблюдение древней традиции»: для старообрядцев принцип отбора групповых маркеров полностью определяется степенью соответствия традиции, и именно она выступает если не как единственный, то как единственно правильный и предпочитаемый способ отбора и упорядочивания социокультурного опыта.

Статья написана в рамках проекта РГНФ № 11-21-02004 а/Укр.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Белокриницкое, или австрийское, согласие образовалось в 1846 году в селе Белая Криница (территория бывшей Австрийской империи) с присоединением к старообрядчеству босно-сараевского митрополита Амвросия. В 1988 году решением Освященного собора была учреждена митрополия в г. Москве (Рогожский поселок) и утверждено официальное название – Русская православная старообрядческая церковь (РПСЦ), во главе которой в настоящее время находится митрополит Корнилий (Титов). Беглопоповцами первоначально называли всех старообрядцев, приемлющих священство (бегствующее) от официальной церкви, в этом смысле оно равнозначно названию «поповцы», с 1846 года название закрепилось за старообрядцами, не признавшими Амвросия. Беглопоповцы восстановили собственную иерархию в 1923 году, приняв архиепископа Николу (Позднева) от обновленческой церкви. Современное официальное название – Древлеправославная церковь (ДПЦ). Первосвятительская кафедра с 1963 по 2002 год находилась в г. Новозыбкове, сейчас – в Москве. Во главе – патриарх Александр (Калинин).

² Здесь и далее используются полевые материалы автора, собранные в 2008–2009 годах в г. Новозыбкове, Брянская область, и г. Гомеле, Республика Белоруссия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Новозыбков: Историко-краеведческий очерк. Брянск: Изд-во Брянского гос. ун-та, 2001. 484 с.
2. Пригарин А. А. Русские старообрядцы на Дунае: формирование этноконфессиональной общности в конце XVIII – первой половине XIX в. Одесса; Измаил; М.: «СМИЛ» – Археодоксия, 2010. 528 с.
3. Ратцель Ф. Человечество как жизненное явление на земле. М.: Либроком, 2011. 58 с.
4. Старообрядчество. Лица, предметы, события и символы. Опыт энциклопедического словаря. М.: Церковь, 1996.
5. Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий: Сб. ст. / Под. ред. Ф. Барта; Пер. с англ. И. Пильщикова. М.: Новое издательство, 2006. 200 с.
6. VIII Конгресс этнографов и антропологов России: тез. докл. Оренбург, 1–5 июля 2009 г. / Редкол.: В. А. Тишков [и др.]. Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2009. 600 с.

ЕЛЕНА АНАТОЛЬЕВНА ПИВНЕВА

кандидат исторических наук, ученый секретарь, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (г. Москва)
pivnel@mail.ru

ЭТНИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА В УСЛОВИЯХ УРБАНИЗАЦИИ (по материалам обских угров)

В статье, основанной на материалах полевых исследований автора 2008–2010 годов в Ханты-Мансийском автономном округе, освещаются формы и факторы бытования культуры обских угров (ханты и манси) в городских условиях. Показаны области проявления этнической специфики, выявлены инновационные этнокультурные процессы.

Ключевые слова: обские угры, этническая культура, урбанизация, традиции, инновации

Городская культура – относительно новое явление в образе жизни хантов и манси, которое не получило пока должного освещения в отечественном угроведении. Отчасти это объясняется научными предпочтениями классической этнографии, в поле зрения которой находилась прежде всего традиционная культура сибирских коренных народов – самобытные черты в хозяйственно-бытовом укладе, материальной культуре, мировоззрении и обрядовой практике, сложившиеся на основе традиционных форм хозяйства (у обских угров это рыболовство, охота, оленеводство) [6; 7–8]. Изучению «сельских» форм культуры благоприятствовала относительная их сохранность вплоть до последней четверти XX века.

Сегодня все большего внимания и научного осмысления требует городская жизнь обских угров, ставшая объективной реальностью последних десятилетий. Согласно данным последних переписей населения, доля горожан в общей численности у хантов составляла: в 1979 году – 22,6 %, в 1989-м – 29,8 %, в 2002-м – 34,6 %; у манси в те же годы – 35,3 %, 45,6 и 51,8 % соответственно. Таким образом, уже к началу 1990-х годов почти каждый третий из числа хантов и каждый второй манси жили в городе, где условия труда и быта далеки от считающегося для них традиционным образа жизни.

Концентрация коренного населения в крупных городах – наиболее выразительное свидетельство изменений всей прежней этнокультурной среды жизнедеятельности людей, базировавшейся ранее на рутинных способах хозяйствования и видах труда. «Она есть показатель коренного изменения всей структуры общения людей, способов жизнеобеспечения и удовлетворения насущных потребностей, характера подготовки к деятельности и общению в разных сферах жизни, одним словом – всего традиционного бытового уклада человека» [6; 196].

Многие исследователи расценивают современные сдвиги в образе жизни северных сообществ как исключительно негативные, полагая, что они ускоряют распад системы традиционных ценностей этих народов: «В городах и поселках Севера, где численно преобладает приезжее население, происходит тотальная деэтнизация аборигенов, выражающаяся в потере национальных традиций и языка в течение жизни уже одного поколения. И это не удивительно: языки, одежда, обувь, традиции коренных северян рождены в среде кочующих оленеводов, охотников и рыбаков и в современной оседлой, тем более урбанизированной, среде они не находят применения» [24; 9–10].

Действительно, этнокультурной (этнической) специфики, под которой чаще всего понимается совокупность явлений материальной и духовной культуры и языковых особенностей, отличающих один народ от другого [6; 195], в современной жизнедеятельности северных (и не только) народов становится все меньше. Поэтому так важно наряду с фиксацией и изучением этой специфики выявление и осмысление ее новых, рождающихся сейчас и вызванных к жизни современной действительностью форм.

Какие изменения происходят в этнической культуре «традиционных» сообществ? Какую роль она играет в современных стратегиях адаптации аборигенных народов? Есть ли ей вообще место в городе? Настоящая статья, основанная на материалах полевых исследований автора 2008–2010 годов в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре (далее ХМАО), является попыткой частичного ответа на эти вопросы. В качестве предварительных замечаний хотелось бы остановиться на следующих моментах.

Необходимо различать два понятия: *этническая культура* (именно ей посвящена статья) и *культура коренных народов*. Последняя включа-

ет в себя три уровня, которые уже прочно вошли в современную жизнь. «Это собственно этнокультура... того или иного народа... общероссийская культура на основе русского языка и общероссийских историко-культурных ценностей и правовых норм, а также общегражданских установок. Это современная материальная и духовная культура, которая проистекает из общецивилизационных достижений, а также от некоторых воздействий западной массовой культуры. Разные возрастные и социальные группы аборигенного населения в разной степени используют эти три культурных потока и по-разному формируют свое отношение к ним» [19; 739].

Для современной социокультурной ситуации характерно несовпадение этнических и культурно-символических границ (подробнее см. [12]). Важно и понимание того, что не следует отождествлять традиционные черты в культуре и этническую культуру в целом. Определенные потери в традиционном слое культуры компенсируются как развитием ее более современных элементов, так и общим ростом разнообразия культурно-бытовых и иных характеристик. Как верно заметил В. В. Пименов, культуру нельзя уничтожить, она не пропадает, не исчезает бесследно, хотя и меняет меру своей актуальности. «Актуальная культура – та, которая находится в более или менее постоянном обороте в данное время и в данной социальной (и этнической) среде. Ее состав и объем, характер и направленность меняются в процессе функционирования и развития, подчиняясь закону традиции и обновления» [13; 138].

**«СКАЖИ ЮГРА – И ЭХОМ ОТЗОВЕТСЯ:
ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ СЕРДЦЕ РОССИИ»:
СПЕЦИФИКА ЭТНИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ**

Современная специфика этнической ситуации в ХМАО связана с открытием в этом регионе богатейших нефтяных и газовых месторождений. Округ является основным нефтегазоносным районом России и одним из крупнейших нефтедобывающих регионов мира. Нефть и малочисленные народы Севера считаются «фирменными отличиями» ХМАО, неотъемлемой частью богатства округа. Противоречивость этого «единства» состоит в том, что залежи углеводородного сырья находятся как раз в местах традиционного проживания и хозяйственной деятельности коренного населения. Промышленное освоение приводит к загрязнению природной среды и отторжению огромных площадей традиционного природопользования коренных народов, сокращению традиционных занятий и промыслов, отмеченной выше миграции в города и поселки. Лишь малая часть нынешних представителей коренного народа продолжает вести традиционное хозяйство. По данным уполномоченных органов по вопросам малочисленных народов

Севера муниципальных образований автономного округа, по состоянию на конец 2008 года численность коренных малочисленных народов Севера в ХМАО составляет 30 450 человек (в том числе ханты – 17 955 человек, манси – 10 630 человек). В сельской местности (сельских поселениях) проживают 16 980 человек (55,7 %), из них 2 440 человек ведут традиционный образ жизни в границах территорий традиционного природопользования, что составляет всего 8,0 % в общей численности коренных малочисленных народов Севера. Это 827 семей, 556 из которых занимаются оленеводством. Больше всего оленеводов в Сургутском (382 семьи), в Березовском (80 семей) и Нижневартовском (67 семей) районах. Таким образом, 13 625 человек (44,7 %) – это жители городских округов и городских поселений [11].

**АБОРИГЕННАЯ КУЛЬТУРА КАК БРЕНД ОКРУГА.
ФЕНОМЕН ЮГРЫ**

С начала 2000-х годов в массовое сознание жителей ХМАО прочно вошел термин «Югра», впоследствии широко распространившийся за пределы округа. Возведенное в ранг официальной идеологии, это емкое понятие призвано было сгладить имеющиеся противоречия между коренным и пришлым населением, объединив в одну региональную общность представителей более 120 населяющих округ этнических групп. «Югорчанами сегодня справедливо называют себя и ханты, и манси, и потомки русских пионеров-первопроходцев, и внуки перемещенных в сталинское время калмыков, и осевших после войны эвакуированных блокадников из Ленинграда, и дети строителей, приехавших сюда по комсомольским путевкам в 70-е годы из всех уголков Советского Союза – от Украины до Узбекистана» [23; 38].

В создании образа Югры этническая культура обских угров призвана была играть ключевую роль в силу ряда причин. «Сегодня уже никому не придет в голову сомневаться, что коренные народы Севера, имеющие многовековой опыт экообразной жизни, сохранившие свои обычаи и традиции, являются одним из главных достояний древней Югры», – декларируют СМИ. Отдают должное природосберегающей этике этих народов: «Если бы не было традиций, сводящих к минимуму экологический урон, человек лишил бы природу возможности воспроизводить себя» [23; 7]. Обсуждается моральный императив особого внимания и социальной заботы государственной власти о коренных народах, сильнее всех пострадавших от форсированного развития нефтепромышленного и лесопромышленного комплекса [20; 199]. Наконец, в общественном мнении (в том числе в среде самих малочисленных народов Севера) существует понимание того, что Ханты-Мансийский автономный округ уже

своим статусом и названием предопределен значительную часть своей политики посвящать мерам по сохранению культурного своеобразия хантов и манси [16], которые, несмотря на существующую динамику увеличения численности, занимают в этнической структуре населения ХМАО всего около 2 %.

Презентация обско-угорской культуры осуществляется в широком спектре – от артефактов до продуктов профессионального творчества. Уже в городском ландшафте Ханты-Мансийска находят отражение орнаментальные сюжеты, формы построек и пр., которые создают визуальный образ этнической культуры. Например, около здания аэровокзала установлена скульптурная композиция «Семья хантов на привале», где люди и олени отлиты из бронзы в натуральную величину. В интерьерах аэропорта и некоторых магазинов можно увидеть скульптурные изображения северных народов в традиционном жилище-чуме. В виде огромного 45-метрового стеклянного чума построен бизнес-центр «Гостинный двор» – доминирующее здание на Центральной площади города. (Образ Чума вообще широко распространен как символ народов Севера.) В мае – июне в Ханты-Мансийске регулярно проводится фестиваль ремесел финно-угорских народов, призванный познакомить широкую общественность с образцами народного творчества хантов и манси.

Этнокультурный потенциал коренных народов Севера активно используется в туристическом бизнесе, например в организации лицензионной трофейной и спортивной охоты. Желающие могут поселиться в тайге в охотничьем домике, получить необходимое снаряжение, поохотиться и обработать с помощью специалистов свои трофеи. В этом задействованы местные национальные общины, включающие представителей коренных народов Севера. Рекламные буклеты позиционируют хантов и манси как «потомков легендарных богатырей», которые в прошлом охотились с луками и «могли нанизать на одну стрелу несколько летящих уток», а сегодня приглашают любителей экзотики на охотничьи туры в северную глубинку [23; 10]. Уникальный многовековой опыт народов Севера, накопленный в рыболовном промысле, в настоящее время находит применение при организации рыболовных туров.

Программа теплоходного круиза Ханты-Мансийск – Березово в числе прочих услуг включает посещение этнооздоровительного центра Шеркалы, где туристам предлагается «познакомиться с национальными традициями и бытом народов ханты и манси, увидеть чумы, лабазы, печи, жертвенные места (!), отведать национальную кухню» [23; 35]. В условиях, «приближенных к традиционному быту хантов», можно провести на турбазе «Назымский привал». В программе –

широкий спектр услуг с этнической окраской: «...рыболовный тур на обласах, посещение хантыйских стойбищ, прогулка в оленье стадо, знакомство с укладом жизни хантов, дегустация национальной кухни, участие в национальных спортивных соревнованиях по стрельбе из лука, прыжкам через нарты, метанию тынзяна на хорей» [23; 64–65].

Художественные традиции обских угров служат источником вдохновения при создании самых разных образцов сувенирной продукции, где наряду с аутентичными распространены новые формы и сюжеты на северные мотивы: чехлы для телефонов, магнитные наклейки для холодильников, брелоки для ключей, зажигалки и пр.

«Знаковые» формы и образы этнической культуры зачастую транслируются в существенно трансформированном виде. Например, орнаментированные стилизованным изображением медведя рукавицы, которые использовались только во время Медвежьих игр, на одном из фестивалей мне было предложено купить как банные. Священный с точки зрения традиционного мировоззрения обских угров Медвежий праздник в условиях города приобрел лишь развлекательное значение, танцы и сценки по его мотивам широко используются в художественной самодеятельности. «Дух огня», который и по сей день является объектом почитания многих представителей обских угров (в том числе городских), в то же время стал наименованием международного фестиваля кинематографических дебютов. «Золотым бубном» назван проводимый в Ханты-Мансийске международный фестиваль телевизионных программ и телефильмов.

Существуют различные примеры трансформации и десакрализации элементов обско-угорской культуры, которые у «настоящих» («посвященных») создают ощущение игры: «Мы – кукольники ханты. <...> Настоящего хантыйского вообще ничего нет. Тут сплошь показуха идет. <...> В городе Ханты-Мансийске мы профессиональные ханты. Надо показать хантов, мы показываем. <...> Вот конференция идет, мероприятие, юбилей, фестиваль финно-угорский, ханты встают, в бубен бьют, песни поют. Они в тот момент ханты... а на охоте они даже не знают, к какой стороне к дичи подходить! Они не умеют оленя запрячь, даже на нарте просто усидеть не могут, сваливаются. Вот это – профессиональные ханты. Да, язык они знают. Некоторые обряды, может быть, знают, могут показать. А когда хантов вообще нету, могут и шаманами стать. Публике что надо, то и покажут» [4].

Справедливости ради следует отметить, что и в условиях города определенные элементы древних верований все еще сохраняются. У хантов и манси гораздо больше связывающего их с древней религией, обрядами, чем может показаться на первый взгляд. Они по-прежнему обращают-

ся к своим духам-покровителям в важные жизненные моменты и совершают обряды для своих божеств (см. [1], [3], [4], [7], [8], [22]).

ОЧАГИ «ЖИВОЙ КУЛЬТУРЫ»

В среде обских угров сохранились навыки работы с мехом, с ровдугой (замша из оленьей шкуры). На территории проживания восточных и северных хантов, северных манси еще бытует традиция изготовления из кости резных накладок и пряжек для мужских поясов и деталей оленьей упряжи. Один из наиболее распространенных народных промыслов – художественная обработка дерева. Не утрачены навыки работы с берестой, являвшейся в прошлом материалом для изготовления огромного числа предметов утвари. Сегодня народные умельцы продолжают делать из бересты заплечные кузова, набирušки для ягод, коробки для хранения швейных принадлежностей, детские колыбели, чаши для хранения мелких предметов, табакерки и пр. У северных и восточных хантов по-прежнему практикуется плетение корневатиков (коробки различной формы и размера из корней кедра), изготовление циновок из высушенной осоки. Из других народных ремесел сохраняются бисероплетение, работа с тканью (апликация, лоскутное шитье), вязание. Из лоскутков цветной ткани делают кукол (*акань*), которые сегодня активно используются в качестве сувениров.

Для сохранения и возрождения народных традиций в Ханты-Мансийске создан Центр культуры и искусства народов Севера, имеющих 10 филиалов. Сегодня более 20 мастеров народов Севера носят звание «Народный мастер России», изделия многих из них включены в представительские экспозиции правительства ХМАО. В округе существует Союз мастеров традиционных промыслов «Сорниеш». Если раньше изготовление одежды, промыслового снаряжения, транспортных средств, предметов обихода и другого входило в число обязательных для всех мужчин и женщин занятий, то теперь это прерогатива лишь узкого круга умельцев, которые создают свою продукцию в основном «на заказ» – для музеев, сувенирных магазинов, фольклорных коллективов. У местного населения она не пользуется широким спросом и ценится за свою экзотичность в основном у зарубежных гостей округа, а также у жителей других регионов России.

В области духовной культуры особой живучестью отличается комплекс представлений, связанный с почитанием медведя, но Медвежки игрища проводятся лишь на некоторых территориях традиционного проживания обских угров, где живы еще старики – исполнители священных песен и танцев. В последнее время возрос интерес к календарным (сезонным) праздникам и обрядам, в округе отмечают Вороний день, Праздник обласа, День оленевода. Поскольку мно-

гое в этой сфере уже утрачено, большое значение придается реконструкции традиционных элементов на основе имеющихся этнографических публикаций и материалов новых исследований [13], [14], [15].

Как уже отмечалось, городская среда меняет само содержание обрядности. Календарные праздники, изначально связанные преимущественно с промысловыми культурами, для современного городского населения выполняют совсем иные функции. Как правило, они инициируются «сверху» и привлекают широкие массы зрителей. Одна из задач таких мероприятий – приобщить молодое поколение к культурному и духовному наследию, «напомнить им о корнях».

Исследователи же пишут о достаточно глубоко зашедшем процессе разрушения духовной культуры коренных народов региона, об утрате связи между поколениями, которая некогда выражалась в передаче знаний, умений и навыков [2; 12]. Как верно заметил В. С. Малахов, «культурная традиция, развивать которую пытаются этнические активисты, носит, как правило, исключительно фольклористический характер. Это законсервированный образ культуры, понятный этнографам, но чуждый подавляющему большинству индивидов, статистически принадлежащих к соответствующей этнической группе» [12]. Приведенное высказывание подтверждается и полевыми материалами: «Для моих внуков все это уже не доходит до глубины души – для чего, зачем? Они как бы совершенно чужие в этом деле».

Устное народное творчество хантов и манси развивается сегодня в рамках фольклорных коллективов: «*Аранг Мосьэ*» ('Народная сказительница'), «*Мойтыр Як*» ('Медвежья пляска'), «*Увас Хурмат*» ('Красивые узоры'), «*Мисс-нэ*» ('Лесная фея'). Популярностью пользуются театр обско-угорских народов «Солнце», семейный театр М. К. Волдиной «*Ёшак най*», этномузикальный коллектив «*Ямра*».

Живая этническая культура пытается приспособиться к миру современных технологий. Однако многие ее составляющие сохраняются лишь в музеях, которых в округе более сорока.

«ТОЧКИ РОСТА»: ОПЫТ СОХРАНЕНИЯ И ПЕРЕДАЧИ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

В деле сохранения этнокультурного наследия обских угров большая роль принадлежит обществу движению, оформившемуся в 1989 году в окружную ассоциацию «Спасение Югры». По инициативе лидеров этого движения проведено множество мероприятий в защиту языка и культуры хантов и манси [9].

Важным фактором общественного развития ХМАО стала активизация научной деятельности представителей народов Севера. В самом начале 1990-х годов в округе был создан Инсти-

тут социально-экономического и национального возрождения обско-угорских народов (ныне – Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок). Исследователи-северяне взяли на себя задачу публикации трудов, освещающих собственную этническую культуру и жизненно важные проблемы адаптации коренных народов к новым социально-экономическим и политическим условиям. Итоги этой деятельности вылились в «мощный информационный поток» [10]. Появились серийные издания («Народы Северо-Западной Сибири», «Вестник угроведения», «Материалы Югорских чтений»), представляющие «взгляд изнутри» этнической культуры.

Несмотря на то что «возрождение» традиционной культуры в новых условиях зачастую сводится лишь к внедрению в широкие массы определенного объема сведений об этой культуре [21; 68], инициативные начинания этнической интеллектуальной элиты имеют большое социально-политическое значение. Одним из значимых результатов предпринятых усилий стала переоценка отношения аборигенных народов к собственному этнокультурному наследию, избавление от стереотипов советского «ущемленного» самосознания.

Будущее этнических традиций во многом зависит от позиций молодого поколения в этом вопросе. Работе с детьми и молодежью в округе придается большое значение на самых разных уровнях. В 1995 году в Ханты-Мансийске была создана молодежная организация обско-угорских народов (МООУН). При помощи Комитета по молодежной политике проведены семинары молодых художников, молодых поэтов, писателей и фольклористов, семинар по декоративно-прикладному искусству, окружная смена детского этнографического лагеря «Аран-тур», первый окружной форум финно-угорской молодежи. Особо значимы для округа, как и для России в целом, вопросы воспитания и образования детей с учетом этнических особенностей. В 2010 году из более чем 350 общеобразовательных школ округа только 32 содержали этнокультурный компонент образования. В настоящее время обучение ведется, как правило, по общегосударственным школьным программам, не адаптированным к этническим запросам северян. При участии Ассамблеи коренных малочисленных народов Севера в ХМАО уже несколько лет идет работа над законопроектом «О стойбищных школах». Однако эта проблема все еще далека от разрешения. Преподавание хантыйского и мансийского языков ведется в Ханты-Мансийском технологического педагогического колледже – преемнике традиций созданного еще в 1930-е годы Ханты-Мансийского педагогического колледжа, а также в образованном в 2001 году Югорском государственном университете. В округе издаются газеты

«Ханты ясанг» (на хантыйском языке) и «Луима сэрипос» (на мансийском языке), развита система кружковой работы, клубных заседаний по языку и культуре обских угров. Однако, в связи с тем что этнические языки почти не востребованы в современной социальной среде, сегодня они все больше рассматриваются лишь как средство фиксации и хранения накопленных народом достижений традиционной культуры. Творческие навыки, приобретенные когда-то в семье от родителей, народные мастера передают молодому поколению в основном в рамках этноориентированных учреждений, различных программ и мероприятий. Дети и молодежь приобщаются к культурному наследию своих предков в ходе конкурсов и фестивалей, посвященных родному языку, культуре и фольклору. Новым способом получения этноинформации стали детские и молодежные экспедиции: этнографические, диалектологические, фольклорные, а также языковые курсы в этнической среде. Своеобразной формой приобщения подрастающего поколения к этнической культуре стали так называемые «Этнические стойбища», совмещающие летний отдых детей с познавательной деятельностью. Первый такой центр «Мань Ускве» («Маленький городок») был организован в 1994 году на территории Березовского района для «укоренения детей в родной культуре и знакомства с культурами родственных финно-угорских народов». Опыт его работы был принят за основу при создании других аналогичных центров*, в числе которых – этнокультурное стойбище «Нумсанг ёх» («Мыслящие люди»), что в 12 км от с. Казым Белоярского района. По традиции утро там начинается с проверки сетей, а завершает день костер, названный «легендарным» (вокруг него рассказывают легенды, мифы, сказки). Своими знаниями и практическим опытом с детьми делятся мастера традиционных промыслов, а также приглашенные этнографы, фольклористы, искусствоведы. В городе Ханты-Мансийске одной из «точек роста» стала детская творческая студия «Лыльынг союм» («Живой ручеек»). Появились уже и «Виртуальные стойбища». В 2005 году при поддержке гранта губернатора Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в основном усилиями самих представителей коренных народов Севера создан интернет-проект «Etnic.ru». Он, в частности, знакомит широкую аудиторию с особенностями культуры аборигенных народов округа, предлагает программы виртуальных этнопутешествий, проводит направленные на популяризацию этнической культуры конкурсы. Есть в ХМАО и «Мобильное стойбище», которое может развернуть четыре модуля (чума) – «фольклорный», «игровой», «мастерской» и «северная кухня» – на различных фестивальных площадках. В каждом из этих чумов посетителям предлагаются выставки и демонстрация элементов традицион-

ной культуры. Такое «стойбище» – частый гость ВВЦ в Москве, а летом 2006 года оно «кочевало» в Пермском крае в рамках фестиваля «Камва» (этнофутуристическое движение, облекающее традиционную культуру в современные формы).

Таким образом, этническая культура обских угров в современных условиях становится открытой, приобретает новые формы и наполняется иным содержанием. Вопрос о том, уходит ли

этническая культура в прошлое или обретает новую жизнь, остается открытым.

Работа выполнена в рамках проекта «Современный российский город в единстве и многообразии культурных ценностей» по Программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России».

ПРИМЕЧАНИЕ

* Сегодня в округе существуют 14 детских этнооздоровительных центров и 7 этнооздоровительных площадок. Работа, которая предусматривает совмещение отдыха и оздоровительных процедур с приобретением знаний в области этнической культуры народов Севера, осуществляется в рамках реализации различных окружных программ (они адресованы в основном детям и подросткам из малообеспеченных, многодетных, неполных семей, детям-сиротам).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бардина Р. К. Дух-покровитель Тоя-павыл-эка // Этнокультурное наследие народов Севера России. К юбилею доктора исторических наук, проф. З. П. Соколовой. М.: ООО «Август Борг», 2010. С. 152–155.
2. Бауло А. В. Иранские и среднеазиатские сосуды в обрядах обских угров // Проблемы межэтнического взаимодействия народов Сибири. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. С. 12–37.
3. Иванова В. С. Обрядность северных манси в конце XIX – начале XX века: локальные особенности: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2009. 25 с.
4. Карапетова И. А., Соловьева К. Ю. Образ хозяина Югана «Явун-ики» как символ культуры юганских хантов // Этнография народов Западной Сибири. К юбилею доктора исторических наук, проф. З. П. Соколовой. М.: ИЭА РАН, 2000. С. 199–211.
5. Карлов В. В. Народы северо-восточной Евразии в XIX и XX вв. М., 2010.
6. Карелов А. В. Традиции и инновации в культуре городских и сельских хантов // Этнокультурное наследие народов Севера России. К юбилею доктора исторических наук, проф. З. П. Соколовой. М.: ООО «Август Борг», 2010. С. 121–132.
7. Кошелева Е. Ю. Этнические движения коренных малочисленных народов Севера на рубеже XX–XXI веков (западносибирский регион): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Томск, 2003. 22 с.
8. Лукина Н. В. Наука как форма общественного развития северных этносов. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2002. 348 с.
9. Малахов В. С. Этничность в Большом городе // Неприкосновенный запас. 2007. № 1(51).
10. Молданов Т. А. Картина мира в песнопениях медвежьих игрищ северных хантов. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1999. 141 с.
11. Официальный сайт государственной власти Ханты-Мансийского автономного округа – Югры [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://admhmao.ru>
12. Перевалова Е. В. Вежакарский культовый комплекс (трансформация традиций и перспективы сохранения) // Этнокультурное наследие народов Севера России. К юбилею доктора исторических наук, проф. З. П. Соколовой. М.: ООО «Август Борг», 2010. С. 141–151.
13. Пименов В. В. Удмурты. Опыт компонентного анализа этноса. Л., 1977.
14. Попова С. А. Обряды перехода в традиционной культуре манси. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2003. 180 с.
15. Попова С. А. Мансийские календарные праздники и обряды. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2008. 138 с.
16. Противоречивая задача «Спасения Югры» // Регион-86. Журнал государственного муниципального управления Югры. 2010. № 3(13).
17. Рянский Ф. Н., Михайловский В. Л. Возможные изменения структуры хозяйства и расселения в Ханты-Мансийском автономном округе в связи с вызовами нового века // Западная Сибирь: прошлое, настоящее и будущее. Сургут: Диорит, 2004. С. 277–283.
18. Соколова З. П. Ханты и манси: взгляд из XXI в. М.: Наука, 2009.
19. Соколова З. П., Тишков В. А. Народы Западной Сибири в XX – начале XXI в. // Народы Западной Сибири: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Эңцы. Нганасаны. Кеты. М.: Наука, 2006.
20. Тюгашев Е. А., Выдрин Г. А., Попков Ю. В. Этноконфессиональные процессы в современной Югре. Новосибирск: Нонпарель, 2004. 224 с.
21. Федорова Е. Г. Традиционная культура народов Сибири на рубеже тысячелетий // Этнические взаимодействия и социокультурная адаптация народов Севера России. М.: ИД «Стратегия», 2006. С. 63–74.
22. Федорова Е. Г. Погребальный обряд: от настоящего к прошлому (несколько сюжетов из этнографии обских угров) // Миф, обряд и ритуальный предмет в древности. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2007. С. 76–87.
23. Ханты-Мансийский автономный округ – Югра. Туристический путеводитель. Екатеринбург, 2008. 126 с.
24. Южаков А. А., Мухачев А. Д. Этническое оленеводство Западной Сибири: ненецкий тип. Новосибирск, 2001. 112 с.

ЛЮБОВЬ НИКОЛАЕВНА ЩАНКИНА

кандидат исторических наук, докторант, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (г. Москва)
*schanckina@yandex.ru***НАРОДНАЯ ПИЩА МОРДВЫ СИБИРИ:
ТРАДИЦИИ, ЗАИМСТВОВАНИЯ, ИННОВАЦИИ**

В статье впервые рассматривается традиционная пища мордвы Сибири. Основу статьи составляет полевой материал, собранный в 2003–2009 годах в населенных пунктах Сибири, где проживает мордовское население. Несмотря на то что в пище мордовского населения наиболее стойко сохраняются традиционные черты, заметно влияние и национальной кухни других народов (русской, украинской, татарской и др.).

Ключевые слова: Сибирь, система жизнеобеспечения, материальная культура, традиционная пища, напитки

Исследованиями антропологов и этнографов доказано, что наиболее специфической и консервативной оказывается та часть культуры жизнеобеспечения различных народов, которая составляет традиционное питание [16; 148]. Пища мордвы Сибири пока еще не была объектом специального изучения.

Мордва на территорию Сибири переселялась главным образом из Большеберезниковского, Дубенского, Зубово-Полянского, Инсарского, Старошайговского, Ковылкинского, Чамзинского и других районов современной Республики Мордовии, Самарской, Пензенской и других областей. В ходе миграций осуществлялось освоение новой природной среды и одновременно устанавливались культурно-бытовые контакты как с коренным населением региона, так и с пришлым, а это находило отражение в изменении традиционного для мордвы питания.

Ведущими отраслями хозяйства мордвы, проживающей в Сибири, как и на родине, являются земледелие и животноводство, которые обеспечивают население основными продуктами питания. Важным дополнением являются продукты собирательства, охоты и рыбной ловли.

Растительная пища издавна занимает ведущее место в питании мордвы. Она представлена мукой, крупой, различными овощами (лук, морковь, капуста, картофель и др.), а также некоторыми видами дикорастущих трав, ягод, плодов и грибов. Основными зерновыми культурами являлись пшеница, рожь, овес, просо и др.

Главное место в питании мордовских переселенцев занимает хлеб (мокш., эрз. *киши*), который выпекали из ржаной и пшеничной муки. В неурожайные годы или весной, когда подходили к концу запасы, в муку добавляли картофель, свеклу, отруби, примеси из высушенных и истолченных растений (кора осины и дуба, желуди, лебеда, крапива и др.). По словам А. И. Солдатова из с. Нижние Сирь Таштыпского района

Республики Хакасии, «для печения хлеба использовали жмых (из подсолнечника и конопли). Такой хлеб ели в будничные дни с молоком, и то не всегда» [13]. В с. Краснополье Алтайского района Республики Хакасии, по словам Е. И. Грызиной, «при недостатке муки выпекали деруны. Их готовили из тертого картофеля с добавлением небольшого количества муки и ели горячими» [2]. В настоящее время хлеб в домашних условиях выпекают значительно реже, чаще всего на большие праздники.

Повсеместно широкое распространение получила разнообразная выпечка – пироги, лепешки, блины. Обычно для их приготовления использовали пшеничную муку. Любимым кушаньем мордвы были пироги (мокш. *пяркат*, эрз. *пяркат*), разнообразные по размерам, начинке и способам приготовления. Для их приготовления используются овощные, мясные, рыбные, грибные, крупяные, творожные, смешанные начинки. В сладкие пироги кладут варенье, повидло, ягоды, фрукты. К примеру, в с. Новороссийке Нововаршавского района Омской области в качестве начинки использовали вареную капусту, пшено и жареное сало [3]; в Калиновке Сорокинского района Тюменской области – картофель, смешанный со жмыхом из конопли [8]; в г. Стрежевом Томской области и с. Мишутино Зырянского района Томской области – картофельное пюре с творогом [6], [7]. Наряду с традиционными изделиями мордвой употребляются заимствованные от тюркских народов (беляши). Под влиянием городских традиций в сельской среде распространяется изготовление всевозможных тортов и других мучных изделий.

Одним из популярных кушаний народа были блины (мокш. *пачат*, эрз. *пачалксетъ*) из ржаной, пшеничной, пшенной, гороховой муки. Среди мордвы-мокши оказались стойкими традиции приготовления пшенных блинов – из размолотого пшена или на жидко сваренной пшенной ка-

ше. Кроме традиционных блинов широкое распространение получили блинчики (мокш., эрз. *блинцят*) и олады.

Готовили также лапшу, преимущественно из ржаной муки, позднее из пшеничной и картофельного крахмала. Для мордовского населения характерно также употребление такого блюда, как лапшевник. Для его приготовления свежее молоко добавляли в крахмал, затем клали яйца, соль и жарили тоненькие блинчики. Блинчики складывали в чугуны и сверху заливали. В качестве заливки использовали тщательно перемешанную сметану, яйца, молоко и соль. Эта лапша являлась поминальной пищей, она наиболее характерна для мордвы, проживающей в д. Листвянка Куйтунского района Иркутской области, с. Сарагаш Богградского района, Краснозерное и Солнечное Алтайского района Республики Хакасии. В последних двух селах такую лапшу называли *модамарень лакшат*.

Повсеместно мордовское население как в Сибири, так и в Мордовии готовило салму (мокш., эрз. *салмат*) – бульон с кусочками теста. Куски пресного теста в форме шариков бросали в кипящую воду. Готовое кушанье заправляли жиром, молоком или яйцами, сбитыми с молоком. В с. Новороссийке Нововаршавского района Омской области их называли затирками [3]. Аналогично готовили галушки из густого теста, которое раскатывали, разрезали на кусочки и варили в кипящем бульоне.

У мордвы Сибири большое распространение получили пельмени и вареники. В качестве начинки употребляли рубленое мясо, ливер, картофель, творог и ягоды. Например, в с. Калиновке Сорокинского района Тюменской области вареники готовят из соленой селедки. Для этого берут филе рыбы, добавляют кусочек сливочного масла, а некоторые еще кладут перец. Также в качестве начинки используют небольшие кусочки сала [8].

Важное место в питании мордвы занимали каши. Кашу готовили из пшена, полбы, гороха, чечевицы. Наиболее древней и традиционной была пшенная каша, входившая в праздничную и обрядовую пищу. Кроме крутых и рассыпчатых каш мордва готовила кашицы (мокш. *шонгарям*, эрз. *вецаям*), которые считались праздничным блюдом. Из зерна нового урожая мокшане Красноярского края варили кашу (мокш. *почам*). Зерно размалывали, бросали в кипящую воду и варили до густоты, после чего сдабривали конопляным маслом и подавали к столу [18; 190].

Распространенным кушаньем были кисели (мокш. *ксяль*, эрз. *кснавонь кусят*). Их готовили из ржи, гороха и особенно овса. Например, в с. Калиновке Сорокинского района Тюменской области овсяный кисель является обрядовым блюдом [8]. В пос. Кузедеево Новокузнецкого района Кемеровской области варили кисель с черемухой,

заимствованный от соседних, проживающих с мордвой народов Сибири. Для его приготовления ржаную муку размешивали в воде и кипятили, постепенно добавляя черемуховую муку, которую предварительно толкли в ступе, затем добавляли сахар [11]. Заимствованным блюдом для мордвы являются также клюквенный и облепиховый кисели, популярные среди народов Сибири.

Питание мордовских переселенцев существенно обогащалось за счет овощных блюд и различных добавок к блюдам, приготовленных из круп и мяса. Для большей части населения повседневной пищей служила растительная. Огурцы, помидоры, капуста, чеснок и другие овощи употреблялись в большом количестве как сырыми, так и в виде различных солений, маринадов.

Картофель стал «вторым хлебом» для всех земледельцев России. Блюда из картофеля готовятся практически ежедневно. Повсеместно картофель варят, запекают, тушат, жарят, используют для приготовления супов, пюре и запеканок, начинок для пирогов и вареников. Любимым блюдом у мордвы Красноярского края, Тюменской области, Республики Хакасии были *модамарень ишенянт*. Для их приготовления натирали на мелкой терке картофель, добавляли немного муки, яйца (на 1 кг картофеля 4–5 яиц), солили. Из этой массы жарили блины, остужали, резали на небольшие кусочки. Затем складывали их в чугуны, добавляли сливочное масло и держали несколько часов в печи.

Для мордвы блюда, приготовленные из капусты, являются одними из самых любимых. Из свежей капусты не только варятся щи и готовятся вторые блюда, она используется для приготовления салатов и закусок, начинок для пирогов. В районном центре Кыштовка Кыштовского района Новосибирской области капусту солили вместе со свеклой и употребляли как салат [15]. Ранее это не было характерно для мордвы, проживающей в Мордовии. В настоящее время употребляют в питание и цветную капусту. Например, в с. Нововаршавке Нововаршавского района Омской области вареную капусту едят со специальным соусом, который называется белый. Для его приготовления лук обжаривают на сливочном масле, добавляют одну столовую ложку муки и обжаривают до золотистого цвета. Затем заливают один стакан кипятка, тщательно помещивают, добавляют полстакана сметаны, соль, перец по вкусу и еще немного кипятят [5].

Под влиянием украинского населения в рационе мордвы появился борщ. Как вспоминала А. А. Одышева из с. Покровка Сорокинского района Тюменской области, «рядом с нами проживает украинское население, и мы переняли у них рецепт приготовления украинского борща, который стал повседневным блюдом на нашем столе» [9]. По словам М. М. Бахмач из того же села,

«из-за того что муж украинец, старалась готовить ему их национальное блюдо – борщ» [1].

Обилие сочных трав в Сибири способствовало развитию животноводства, что отразилось на системе питания мордвы. Народы Сибири употребляли больше мясной пищи, чем жители других регионов России. Наиболее популярной была свинина, затем говядина и мясо домашней птицы. Определенное место занимают продукты, полученные в результате охотничьего промысла (мясо лося, оленя, зайца, боровой дичи). Из мяса готовили как первые (суп, щи), так и вторые (жареное, тушеное мясо) блюда. Мордва Сибири сохранила традицию приготовления селянки из парного мяса (из сердца, печени и грудинки) с добавлением картофеля и лука [18; 193].

Скотоводы Сибири умели делать блюда типа колбасок, начиненных кровью и вареной крупой. Для этого предварительно очищенные кишки животного начиняли крупой, мясом или субпродуктами, мешали с кровью, добавляли лук с чесноком, молотый перец и варили в большой кастрюле. Перед употреблением жарили на сковороде с добавлением масла. Приготовление домашней колбасы характерно для мордовского населения, проживающего в Новосибирской, Омской, Томской областях, Республике Хакасии. Такую колбасу мордва с Новороссийки Нововаршавского района Омской области готовит и в настоящее время. Согласно собранным от информаторов сведениям, существуют отличия в приготовлении такой колбасы, что зависит от входящих в ее состав продуктов. Кроме того, готовят еще и ливерную колбасу, в качестве начинки используют субпродукты домашних животных.

Повсеместно готовили холодец (студен). Для него в печи в чугуне варили мясо, содержащее много соединительных тканей, которое затем измельчали, добавляли к нему лук и чеснок, разводили бульоном до густоты сметаны, разливали в блюдо и ставили в холод.

В традиционном питании мордвы Сибири широко представлены молочные продукты. Молочная пища была разнообразна: молоко пили в сыром и кипяченом виде, использовали для приготовления различных каш, лапши, картофельного пюре. Разнообразием отличаются молочные и кисломолочные продукты и способы их переработки. Мордва всегда отдавала предпочтение кислому молоку (мокш. *шапамо лофца*, эрз. *чапамо ловцо*). Примечательно в этом отношении высказывание исследователя культуры мордовского народа В. Н. Майнова: «Мордвин не пьет обычно свежее молоко, так как очень любит кислое, он считает, что в таком виде оно не может повредить здоровью» [17; 130]. Мордовские женщины имели большой опыт в приготовлении кислого молока. Его обычно готовили из снятого кипяченого или топленого молока, которое охлаждали до температуры парного и смешивали с

закваской – старой простоквашей. Выдержав заквашенное молоко в теплом месте до загустения, выносили его в погреб, где хранили в кадушках. Его заготавливали в больших количествах. Летом, во время полевых работ, оно было единственной пищей, а в разбавленном виде его пили как освежающий напиток. Кислое молоко ели с хлебом, картофелем, кашами, подавали к блинам.

С целью увеличения сроков хранения молока его замораживали, что нехарактерно для мордвы, проживающей на территории Мордовии. Предварительно молоко разливали в чашки и выносили на холод, затем заледеневшие куски складывали в холщовые мешочки и хранили в холодном месте. Сохранились и традиционные способы переработки молока – изготовление творога (мокш. *мичке*, эрз. *топо*) и масла (мокш. *вай*, эрз. *ой*). Творог готовили из прокисшего молока, которое ставили в теплую печку, чтобы оно створожилось. Затем этой массой заполняли мешок из редкой ткани и подвешивали, чтобы стекла сыворотка. Для получения масла молоко оставляли в глиняных горшках, а затем деревянной ложкой снимали сливки. Сбивали масло в деревянных маслобойках. Оставшуюся после отделения масла пахту (мокш. *пифтем лофца*, эрз. *пивтезь ловцо*) также употребляли в пищу: на ней ставили тесто. Готовое масло промывали в холодной воде. Сливочное масло не выдерживало длительного хранения, поэтому его перетапливали [18; 194–195].

У мордвы Сибири, как и на родине, было развито домашнее птицеводство, благодаря которому пищевой рацион пополнялся мясом и яйцами. Сырыми яйцами сдабривали тесто и начинку к различной выпечке, использовали их в качестве приправы к супам. Ели также вареные, запеченные, реже сырые яйца.

В рационе питания мордвы Сибири особое место занимали продукты охоты и рыболовства. Одним из древнейших и любимых занятий мордвы, связанных с лесом, является охота. В народе бытовала поговорка: «Не охотник, не рыбак, какой же ты сибиряк». Промышляли крупных зверей, таких как лось и медведь, и пушных – зайцев, лис, куниц, белок. Любовь к мясу дичи объясняется древними традициями мордвы. В отличие от мордвы, проживающей в Поволжье, сибирская широко использовала в пищу медвежатину, лосятину [18; 195].

Благодаря обилию рек и озер рыбный промысел получил большое распространение у мордовского населения. Из речных и озерных рыб наиболее употребляемыми были караси, чебаки, лещи, окуни, щуки и др. В повседневном меню часто присутствовали уха и жареная рыба. Здесь применялись все известные способы обработки рыбы: варение, жарение, сушка, соление. Заимствованными являются квашение и приготовление рыбы с травами и ягодами, что было нехарактер-

но ранее для мордвы. На территории Сибири мордва стала заниматься и копчением рыбы (пос. Уян Куйтунского района Иркутской области, с. Чердаты Зырянского района Томской области). Копчением занимаются, как правило, сразу же после ловли рыбы недалеко от какой-либо реки, где располагаются коллективные коптильни. В некоторых хозяйствах имелись и индивидуальные. В качестве топлива использовали березовую, черемуховую гнилушки, а также гниль из дикой смородины и др. Со второй половины XX века с поступлением в продажу большого ассортимента морской рыбы и рыбных консервов рацион питания значительно расширился.

Мордва, проживающая в Сибири, сохранила любовь к пчеловодству. Данный промысел получил здесь широкое распространение. Переселенцы часто прибывали со своими пчелами и выбирали более удобное место для занятия пчеловодством. Мед содержит полезные природные вещества и обладает бактерицидным действием. Он был одновременно излюбленным лакомством и ритуальной пищей, его использовали при приготовлении обрядовых и необрядовых блюд и напитков.

Дополнением к повседневной пище были продукты собирательства. Окружающие леса были богаты брусникой, земляникой, малиной, облепихой, рябиной, смородиной и др. Ягоды ели свежими, сушили на зиму, использовали как начинку для пирогов. Широко в быту использовали калину, из нее готовили начинку для пирогов, клали в кашу, добавляли в квас, кулагу и кисель. Мордва Кемеровской области особенно много заготавливала клюквы, которую собирала в основном в конце августа – начале сентября, хранила в деревянных корзинах, коробках, в амбарах или на чердаках [14]. На зиму заготавливали много рябины, калины и ранеток, которые считали лакомством.

Важным элементом питания мордвы Сибири были грибы. Наиболее ценными считались белые грибы, рыжики, волжанки, грузди, опята, маслята и др. Грибы ели в жареном, соленом виде, их использовали в качестве начинки к пирогам, а сушеные – для щей и супов. Большую часть грибов заготавливали впрок посредством сушки, замораживания и засола. Их сушили на солнце, а также в печи, на противне или в чугуне. Сушили в основном трубчатые грибы – белые, маслята и др., из пластинчатых – лисички и опята. Для засола собирали грузди, рыжики, валуи, волнушки и сыроежки. По сведениям переселенца из пос. Уян Куйтунского района Иркутской области, белые грибы встречались очень редко, за ними ездили в Карымский лесхоз за 60 км от поселка Уян. Примерно в 1990-е годы мордва стала употреблять шампиньоны. Как говорят, они переняли это у армян, которые проживали в этой местности и работали в строительных

бригадах. Шампиньоны жарили на горячей плите, их клали верх плодоножкой, солили [4].

Из дикорастущих трав мордва часто употребляла щавель, крапиву, дикий лук и чеснок, черемшу (колбу), проростки папоротника-орляка и др., которые солили на зиму и использовали в качестве приправы к мясу и рыбе. Чаше их ели весной, когда подходили к концу зимние запасы и резко ощущалась нехватка витаминов, и в неурожайные годы.

Важную часть питания человека составляют напитки (мокш. *симомбяльхть*, эрз. *симеманельть*), в изготовлении и потреблении которых ярко отражены национальный колорит и исторически сложившиеся традиции народа. Из национальных безалкогольных напитков у мордвы Сибири бытовали кислое молоко, хлебный квас (мокш. *шапама ведь*, эрз. *чапама ведь, чепеведь*). Популярными хмельными напитками оставались *пуре* из меда и брага (мокш., эрз. *поза*) из ржаной муки или сахарной свеклы, которые играли важную роль в обрядовой жизни [18; 198].

Популярным напитком мордвы был чай, нередко заваренный на листьях смородины, малины, душицы, зверобоя, липовом цветке и других растениях. Как сообщает информант В. А. Резайкина, проживающая в г. Чите, «употребление чая в прошлом не было характерно, а с переселением в эту местность оно для нас стало новым» [12]. Следует отметить, что некоторые растения на территории Сибири не произрастают, поэтому для переселенцев их присылают родственники с исконных мест проживания. К примеру, переселенцам из с. Победа Нововаршавского района Омской области зверобой присылают из Самарской области [10]; в г. Стрежевой Томской области привозят с «Большой земли». Н. М. Марисова чай заваривает следующим образом: заливает кипятком зеленый чай, листья клубники и душицы; сначала в стакан наливает молоко и только потом заварку и кипяток. Такой способ приготовления чая она переняла у казанских татар, так как является переселенкой из с. Куакбаш Лениногорского района Республики Татарстан [7]. Летом используются плодово-ягодные морсы, соки и их концентраты, газированные напитки, минеральная вода. В весенний период заготавливается березовый сок (с. Верх-Тарка Кыштовского района Новосибирской области, с. Калиновка Сорокинского района Тюменской области). В с. Победа Нововаршавского района Омской области березовый сок мешают с вишневым, кипятят, наливают в бутылки и опускают в погреб с водой [10]. Все более широкое распространение получают такие напитки, как кофе, какао и др.

Сегодня система питания мордовского населения Сибири претерпела определенные изменения, важную роль в этом сыграли исторические, социально-экономические и другие факторы.

Изменился ассортимент повседневных и обрядовых блюд.

Ведущую роль в рационе питания продолжает играть продукция земледелия и животноводства. В пищу используются всевозможные овощи: капуста, свекла, лук, огурцы, помидоры. Из традиционных блюд сохраняются квашеная капуста, соленые грибы, свиное сало, холодец. Их дополняют соленые помидоры, маринованные грибы, разнообразные салаты, винегреты, сыр, колбасы и консервы.

Из горячих первых блюд популярны щи из квашеной и свежей капусты, а также борщ. Перед подачей на стол их обязательно заправляют сметаной или сливками. Из холодных супов в летний период повсеместно распространена окрошка на хлебном квасе, свекольном отваре, простокваше или просто подкисленной уксусом воде. В состав окрошки входят свежие огурцы, редис, зеленый лук, петрушка, вареные яйца, колбаса.

В качестве второго блюда готовят мясные и рыбные блюда с гарниром из овощей или каш. Популярны гуляш, котлеты, голубцы, плов. Свежее мясо на стол поступает из личного хозяйства. Этот источник сохраняется в сельской местности и до настоящего времени. В сельских районах держат домашний скот – в основном коров, свиней, телят, овец, запасая таким образом мясо для себя и для продажи.

Пельмени – одно из самых популярных блюд.

Одним из незаменимых продуктов питания мордовского населения остается молоко. В настоящее время наблюдается расширение ассортимента молочнокислых продуктов. Это ряженка, простокваша, кефир, бифидок, йогурт и др. В сельской местности молоко употребляют чаще в свежем виде, для приготовления различных блюд и выпечки. Путем переработки в домашних условиях делают творог, масло, сыр.

Охота и пчеловодство утратили первостепенное значение как источник питания. Сохраняются традиции, связанные с собирательством. В лесных районах собирают ягоды и грибы.

Таким образом, изучение пищи мордвы, проживающей в Сибири, свидетельствует о том, что ее состав зависел прежде всего от направленности хозяйственной деятельности этноса и этнокультурных связей. С интенсивным развитием средств массовой коммуникации, усилением миграции населения, увеличением числа межнациональных браков, ростом количества предприятий общественного питания особенно возрастает возможность обмена культурной информацией, в частности в сфере пищи. Со временем пищевой рацион мордвы значительно расширился за счет заимствования блюд контактирующих народов (пельмени, борщ, беляши и т. п.). Интенсивность замены традиционных блюд городскими также зависит от состава и типа семьи, от возраста и т. д.

ПОЛЕВОЙ МАТЕРИАЛ АВТОРА

1. Бахмач Мария Михайловна, 1938 г. р., с. Покровка Сорокинского района Тюменской области, записи 2009 г.
2. Грызина Елена Ивановна, 1934 г. р., с. Краснополье Алтайского района Республики Хакасии, записи 2008 г.
3. Ефимова Нина Филипповна, 1939 г. р., с. Новороссийка Нововаршавского района Омской области, записи 2009 г.
4. Кугушев Николай Павлович, 1948 г. р., пос. Уян Куйтунского района Иркутской области, записи 2008 г.
5. Магера Наталья Алексеевна, 1954 г. р., с. Нововаршавка Нововаршавского района Омской области, записи 2009 г.
6. Мальцева Мария Михайловна, 1920 г. р., с. Мишутино Зырянского района Томской области, записи 2009 г.
7. Марисова Нина Матвеевна, 1947 г. р., г. Стрежевой Томской области, записи 2009 г.
8. Мирошкина Вера Васильевна, 1948 г. р., с. Калиновка Сорокинского района Тюменской области, записи 2009 г.
9. Одышева Анна Алексеевна, 1931 г. р., с. Покровка Сорокинского района Тюменской области, записи 2009 г.
10. Осипов Александр Филиппович, 1941 г. р., с. Победа Нововаршавского района Омской области, записи 2009 г.
11. Посморова Ефимия Васильевна, 1927 г. р., пос. Кузедеево Новокузнецкого района Кемеровской области, записи 2003 г.
12. Резайкина Валентина Алексеевна, 1947 г. р., г. Чита Читинской области, записи 2008 г.
13. Солдатов Алексей Иванович, 1936 г. р., г. Абакан Республики Хакасии, записи 2008 г.
14. Суняйкина Мария Герасимовна, 1927 г. р., пос. Родниковый Ленинск-Кузнецкого района Кемеровской области, записи 2003 г.
15. Цыценко Тамара Алексеевна, 1947 г. р., районный центр Кыштовка Кыштовского района Новосибирской области, записи 2009 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

16. Григулевич Н. И. Питание как важнейший механизм этноэкологической адаптации // Традиционная пища как выражение этнического самосознания / Отв. ред. С. А. Арутюнов, Т. А. Воронина. М.: Наука, 2001. С. 147–194.
17. Майнов В. Н. Один день среди мокши // Древняя и новая Россия. 1878. Т. 3. № 10. С. 117–134.
18. Шанкина Л. Н., Якунчева И. Г. Пища и утварь // Мордва юга Сибири. Саранск: Красный октябрь, 2007. С. 188–208.

ЛЮДМИЛА МИХАЙЛОВНА ЛУЗИНА

доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики, Псковский государственный педагогический университет им. С. М. Кирова
psiped@mail.ru

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ КАК ОБЩИЙ ПОДХОД К ПОСТРОЕНИЮ И РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЦЕССА ВОСПИТАНИЯ

В статье поднимается проблема осмысления воспитания в парадигме, ориентированной на человека. Сделана попытка поиска ответа на вопрос, для чего нужна антропологическая интерпретация педагогики. Как один из примеров подобной интерпретации описан интегративно-антропологический подход к воспитанию.

Ключевые слова: антропологическая интерпретация педагогики, интегративно-антропологический подход к воспитанию, педагогическое человековедение, педагогическая антропология

Данная статья направлена на достижение следующих целей: 1) актуализировать роль и значение педагогического человековедения для построения процесса воспитания; 2) показать важность принципов антропологической интерпретации педагогики; 3) вызвать интерес к педагогической антропологии, предметом которой является человек, включенный в образовательный процесс.

«Педагогическое человековедение» связано с именем его создателя Германа Ноля, современника М. Шелера (см. [1]). Свою концепцию он изложил в работе «Педагогическое человековедение» (1928). Эта работа вышла в свет примерно в одно время с трудами М. Шелера («Положение человека в Космосе» [4]) и Г. Плеснера («Ступени органического и человек» [2]), а потому явилась самостоятельным исследованием, авторским видением проблемы человека и связанной с ней проблемы воспитания. Характерной особенностью этого взгляда явилось утверждение, что педагогика должна иметь свое собственное представление о человеке и развивать собственную форму антропологии, концентрируя в себе необходимые знания о человеке. Педагогическое человековедение пытается понять человека в интересах воспитания через призму психологии, анатомии, физиологии, художественной литературы, искусства вообще, экономики, политики и т. д. И эти знания оно не заимствует где-то на стороне, а концентрирует в своем арсенале средств. Принцип таков: человека можно понять, лишь идя к нему различными путями.

К сожалению, в свете утвердившегося у нас одностороннего взгляда на человека как существо производное от экономических процессов такой множественный, свободный подход понимался как эклектический, поверхностный, игнорирующий целостность, а потому бесплодный в научном отношении. Но перед нами действи-

тельно целостный подход, который в принципе отличается от так называемого личностного подхода тем, что в центре воспитательных усилий оказывается человек, а не только личность как частичная характеристика человека и не отдельные стороны, качества. Это не дифференцированный, а интегративный подход. Для русской классической педагогической мысли это не было открытием. Известная мысль К. Д. Ушинского – если педагогика хочет воспитать человека во всех отношениях, то она должна прежде узнать его тоже во всех отношениях – как раз и отражает идею философии множества путей. Еще задолго до появления антропологической проблематики в философии и педагогике на Западе он ввел само понятие «круга антропологических наук» и сам термин «педагогическая антропология» [3].

Вместе с тем следует признать недостаток, проходящий сквозь всю толщу русской педагогической культуры, – недооценку опыта религиозного освоения человека (и это несмотря на то, что русская философия дооктябрьского периода была в основном философией религиозной). Нельзя пройти мимо религиозных ценностей, многие из которых носят общечеловеческий характер, мимо религиозной практики воспитания, обучения, лечения духа и тела. Исключительно важно понять, что педагогическую антропологию интересует не религия, не вера, не таинства, а человек верующий. Это особый человек, который и заслуживает особого понимания и изучения.

В центр изучения педагогической антропологии Г. Ноль поставил проблему *способностей* и воздействия окружающей среды, то есть культуры, на становление индивидуального характера, изменчивости и устойчивости приобретаемых черт, качеств. Предметом воспитания является формирование воспитуемого согласно его возможностям, одаренности, глубинному содержанию личности. Человек рассматривается как

существо достаточно пластичное, подверженное воспитательному воздействию, но в рамках своих задатков готовое развернуть свои способности, совершенствовать заложенное природой. Как видно, проблема способностей, задатков выходит на первый план, при этом важно, что способности могут развернуться и реализоваться лишь при помощи воспитателя. Поэтому в концепции Г. Ноля уделяется большое внимание педагогическому инструментарию.

Одно из центральных положений концепции – это взгляд на воспитание как на особый тип «духовного планирования». Воспитатель видит человека не таким, каков он есть, а таким, каким он должен быть с учетом его способностей. В свете этого требования ученик должен проявить то, что в нем заложено. И наоборот, если учитель воспринимает ученика таким, каков он есть, то какое-либо формирование вообще невозможно. Это и есть особый тип «духовного планирования», когда воспитание осуществляется только потому, что в расчет принимается не сущее, а должное. Воспитатель должен верить в возможности, скрытые в ученике. Это определяет особую позицию воспитателя – «позицию надежды». Она позволяет увидеть воспитанника как «личностную индивидуальность». Подлинный человек, по мнению Ноля, открывается только идеальному пониманию, которое является условием всякого педагогического отношения. Эта позиция мобилизует ученика, который начинает доверять учителю, видя, что тот полностью учитывает его мечты, чего-то ожидает от него.

Ноль говорит о двойственной природе человека: о существовании «реального Я» и «идеального Я». Дистанция между ними и служит основой саморазвития. Эту дистанцию позволяет увидеть «духовное планирование». Оно формирует стремление воспитанника перейти из старого состояния в качественно новое. Воспитательные отношения (имеющие сугубо внутреннее значение) концентрируются внутри личности, которая в разорванности двух «Я» находит силы и стремление к *самосовершенствованию как самоосуществлению*. Это и есть *воля к самоосуществлению* – важнейшее условие воспитания, а для воспитателя это начальная точка отсчета в понимании личности воспитуемого и во всей последующей активности.

Необходимо подчеркнуть, что «воспитательное воздействие» и «духовное планирование» не имеют ничего общего с педагогикой насилия, со стремлением сделать из человека нечто новое, нужное воспитателю или обществу. Искусство воспитателя сводится к тому, чтобы увидеть, кем должен стать воспитанник в соответствии с его способностями помочь стать самим собой. Ядром же данного подхода к воспитанию является воля к самосовершенствованию, самоосуществлению. Таким образом, главное условие воспитания ви-

дится не в реальной действительности, а в идеальных возможностях. Это не означает, что исключаются внешние факторы, речь идет о приоритете условий. Важно понять, что педагогическая позиция, основанная на разделении реального на материальное и идеальное, одновременно является и антропологической позицией, так как она основана на духовной природе воспитуемого.

Не отрицая различные аспекты изучения человека, Ноль, видимо, первым понял, что *педагогическое видение человека*, то есть познание его как воспитуемого, является главным и определяет толкование законов и категорий человеческого бытия, ведь человека можно пытаться познать и понять в различных состояниях бытия, например в труде – как человека трудящегося, в любви – как человека любящего, страдающего и т. д. Поставив таким образом человека воспитывающегося (воспитываемого) в центр внимания, Ноль предпринял попытку сформулировать законы бытия такого человека.

Первый основной закон формирования человека исходит из понимания «уровней души» (Платон). Характер человека выражается в отношениях между различными уровнями души: волеизъявляющим, волеизъявляющим и духовным. Воспитательная задача, или идеал, определяется в зависимости от того, какой уровень преобладает у воспитанника. При этом воспитатель исходит из положения, что каждый уровень души нуждается в *особых условиях* для своей реализации, и от этих условий зависит гармония души, единство функционирования в структуре души. Данное единство обеспечивается наличием *принципа самостоятельности «Я»* – некоторой глубинной части личности, центром, который дает человеку уверенность в себе, то есть в том, что он есть, и именно такой, какой он есть.

Второй основной закон связан со структурой духовного процесса. Она формируется через связь жизненных впечатлений, их переработку, оценку и выражение в деятельности. В зависимости от того, как усваивается опыт пережитого, каким способом выявляется и в какой форме поведения выражается, происходит формирование различных типов духовной деятельности и используются разные модификации воспитательной работы.

Третий основной закон (его называют и принципом) – принцип резкого контраста между характером, который уже есть, и тем, который предстоит воспитать, между личностью, которая в реальном отношении считается сформированной, и тем, чем она субъективно мечтает стать. Этот раскол, конечно, обостряет вопрос о подлинности «Я», но он и принуждает человека совершенствоваться. То есть на контрасте между объективной реальностью и субъективной идеальностью характера личности основывается способ формирования человека в «педагогическом чело-

вековедении». Этот подход может быть использован и каждым человеком в самовоспитании.

Педагогическая антропология понимает воспитание как развитие индивидуальных способностей, присущих человеку от рождения. Это развитие осуществляется путем усвоения ценностей духовной культуры. Идеал личности побуждает к самоусовершенствованию, а *воспитание как внешнее условие лишь поддерживает стремление к самоформированию*, используя степень одаренности индивида.

Школа должна предъявлять к ребенку требования высокой духовности. Но при этом обязателен учет реальных способностей, которые не только благоприятствуют развитию, но и ограничивают его. Задача школы – определять эти способности и постоянно корректировать усилия с целью поддержания чувства удовлетворения от успехов и одушевленности. Не менее важно не допускать фактов разочарования ученика от бесплодных усилий. Это положение контрастирует с принципом «равных стартовых возможностей человека», безусловной готовности его от рождения к универсальному развитию всех форм психической деятельности.

Четвертый основной закон касается проблемы устойчивости характера во времени. Педагогическое человековедение исходит из очень важного факта: характер человека в значительной мере формируется через воспоминания и посредством воспоминаний сохраняет устойчивость своих форм в течение определенного времени. Воспоминания рассматриваются в качестве «органа» человека, который призван помнить, что человек сделал, кем он стал в жизни и кем хотел стать. Дело в том, что с возрастом воспоминания начинают играть все большую роль в поддержании стабильности и цельности духовных процессов, а значит, и в поддержании характера.

Воспитатель занимается не «технологией воспитания», а проникновением в жизненную ситуацию воспитанника, которая сложилась в данный момент и в данном месте. Это проникновение осуществляется через *понимание и описание* (но не объяснение), *сопереживание* жизни воспитанника. В данном случае герменевтический анализ опирается на способность воспитателя пережить психологическую ситуацию и через это понять воспитанника.

Предмет и содержание педагогической антропологии есть человек, изменяющийся под воздействием воспитания, человек, взрослеющий во всей цельности проявлений своей физической, душевной и духовной жизни. Материалом для исследования человека в интересах воспитания служит био-, психо- и социогенез этого человека. Таким образом, предмет педагогической антропологии – история индивидуального самоосуществления, «история индивидуальной совести», личностный генезис. Делается упор на то, что пе-

дагогическая антропология имеет смысл только лишь через понятие *самоосуществления* ребенка как индивидуальности. «Личностный генезис», самоосуществление понимаются как спонтанный процесс, в котором личность сама осмысливает свое становление, формирование, подвергает рефлексии процесс собственного генезиса.

Наряду с центральной проблемой *индивидуальной самореализации человека в воспитании* разрабатывается *проблема формирования и образования* посредством духовных форм культуры. Категория «формирование» определяется через фактор участия конкретных наук и искусства в создании внутреннего духовного мира человека. Человек становится подлинно духовным субъектом лишь в том случае, если в нем присутствует некое духовное содержание («духовный горизонт»), соединяющее его с духовной культурой, с обществом, со временем.

Одна из наиболее значительных попыток интегративного подхода в педагогике осуществлена философом и теоретиком воспитания Гельмутом Ротом в книге «Педагогическая антропология» (см. [1]). Автор придерживается представления о человеке как пластичном, способном к изменениям под воздействием самовоспитания, но в соответствии со своим предназначением, то есть способном к изменению, но и к некоторой определенности. Отметим, что предположение о наличии у каждого человека некоторого предназначения – одна из особенностей, присущих всем антропологическим школам. Здесь имеется в виду не только промысел Божий, как у Шелера, но главным образом наличие определенных, врожденных, наследственных и приобретенных, помимо специальных воспитательных усилий, предпосылок. Такое единодушие западных теоретиков и практиков воспитания обзывает нас внимательно прислушаться к этому выводу.

Уделяя в ряду других наук о человеке особое внимание психологии и даже выявляя определенное сходство ее проблем с педагогическими, Г. Рот в то же время утверждает существенное отличие этих наук. Психология для него – наука о человеке, каков он есть сам по себе, а педагогика – наука о том, что из человека следует и как этого достигнуть. Педагогика придает смысл психологии: данные психологии лишь в том случае имеют смысл, если они интересны педагогике, если они помогают понять человеческие поступки и возможности в аспекте обучения и воспитания. В связи с этим психология имеет смысл постольку, поскольку есть педагогика. Педагогическая антропология не осуществляет количественного обобщения данных наук о человеке, а пронизывает их педагогическим смыслом, подобно тому, как она это делает относительно психологии. В целом эта заявка на особую, антропологическую объединяющую роль педагогики относительно гуманитарных наук оправдана.

Она и сейчас актуальна, так как в действительности эти науки продолжают уходить в сторону от реальных человеческих проблем.

Подчеркивая постоянную связь и прямое родство педагогики с философией в разработке взглядов на человека, педагогическая антропология разъединяет их функции. Родство этих наук – в проверке философских взглядов на человека и обогащении самой философии выводами из педагогической практики. Человек представляется как сущность, «определяющая себя каждый раз поновому», которая есть не только то, «что он есть, но и то, что становится», что «из себя делает и что созидает». Человек – это то, что ему «задано и что определено», – разъясняет Рот в своем главном труде «Педагогическая антропология».

Из приведенной характеристики видно, что определение сущности человека не дано. И это не случайно, в этом принципиальная позиция автора. По его представлению, *педагогическая антропология не дает определений, а лишь фиксирует связи*. В этом есть определенный смысл: устанавливая лишь связи, взаимодействия различных сторон человека (например, природы и сущности, природы и воспитания), она разъясняет человека, предполагает постоянный пересмотр представлений о нем в соответствии с современными научными данными. Воспитание не замкнуто ни во времени, ни в круге каких-то проблем. Образец такого постулирования – утверждение Рота о том, что нельзя вопрошать о природе человека, не спрашивая, что он из себя может сделать сам, но и нельзя вопрошать, что человек может из себя сотворить, не возвращаясь к вопросу, из какого источника вырастают его силы и потребности, его культура. Справедливо будет представить это положение как гармонию теории и практического опыта. Из этого же положения следует, что и воспитанию не дается какого-то определения, а лишь фиксируется его связь с природой человека, с его внутренними силами. Осознание этой связи позволяет постоянно уточнять, совершенствовать представления о сущности воспитания и, соответственно, о его методах и формах. Вместе с тем вырисовывается общее представление о воспитании как о процессе духовного становления и самоусовершенствования человека. Следовательно, интегративно-антропологический подход к воспитанию сформировался и развивается в общем русле педагогической антропологии, акцентируя важную роль частных наук о человеке в процессе

обогащения представлений о сущности, методах и формах воспитания, а также диалектичность наших представлений о человеке и воспитании.

Итак, сделаем некоторые выводы.

1. Выдвинутые видными зарубежными мыслителями антропологические идеи были осмыслены русскими философами и педагогами еще в XIX веке. Однако эти идеи не были представлены в виде концепций из-за недостаточного уровня развития наук о человеке, а потому не были восприняты массовым учителем.

2. Возрождение в первой половине XX века антропологических идей и обогащение их представлениями о человеке как высшей ценности обусловило изменение представлений о сущности воспитания, о формах и методах воспитательной работы. Общей позицией антропологических школ в педагогике стало понимание воспитания как создания и поддержания условий, благоприятствующих самостановлению личности, самореализации всех сущностных сил человека.

3. В настоящее время целесообразно вести речь об изменении общей ориентации педагогического мышления в рамках российской культуры. На наш взгляд, основные ориентиры таковы.

- Необходимо принять антропологический принцип в педагогике, который ставит человека в центр всех воспитательных усилий. Специфическим преломлением антропологического принципа в педагогической науке должна стать задача приблизиться к пониманию возникновения человеческого в человеке.
- Нужно решительно отказаться от придумывания все новых форм воспитательной работы, обеспечив ребенку полноценную жизнь, в которой есть место действиям и поступкам.
- Учитель должен освободиться от иллюзии понятности человека – одной из самых тяжелых болезней нашей педагогики. Ученик должен стать основным источником знаний для учителя.
- Следует пополнить нашу педагогическую теорию и наши представления о человеке пониманием его как свободного существа, наделенного волей, внутренними силами и законами, перестав покушаться на его автономию и суверенитет.
- Важно изменить отношение к наукам о человеке: одни науки (например, психология) принимаются общественным и учительским сознанием, другие (психоанализ, феноменология, герменевтика) – отвергаются.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Куликов В. Б. Педагогическая антропология. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988.
2. Плесснер Г. Ступени органического и человек // Проблема человека в западной философии: переводы / Сост. и посл. П. С. Гуревича; Общ. ред. Ю. Н. Попова. М.: Прогресс, 1988. С. 525–526.
3. Ушинский К. Д. Предисловие к первому тому «Педагогической антропологии» // Антология педагогической мысли России второй половины XIX – начала XX в. М.: Педагогика, 1990. С. 3–36.
4. Шеллер М. Положение человека в Космосе // Проблема человека в западной философии: переводы / Сост. и посл. П. С. Гуревича; Общ. ред. Ю. Н. Попова. М.: Прогресс, 1988. С. 31–95.

МАРИНА ЮРЬЕВНА МАРТЫНОВА

доктор исторических наук, профессор, заместитель директора по науке, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (г. Москва)
martynova@iea.ras.ru

КАЛИНИНГРАДСКИЙ СОЦИУМ И РЕГИОНАЛЬНАЯ СУБКУЛЬТУРА

В статье рассматриваются различные аспекты социокультурного развития Калининградской области, анализируются миграционные процессы и этнодемографическая ситуация в условиях анклава. Особое внимание уделено проблеме идентичности местного населения и формирования региональной субкультуры. Факторы, обусловившие специфичность региона, исследуются с позиций социально-культурной антропологии.

Ключевые слова: Калининградская область, идентичность населения, локальные традиции, субкультуры, стереотипы, анклав, российская нация

Этнокультурная ситуация в Калининградской области вызывает интерес в силу особенностей формирования калининградского социума. С точки зрения социально-культурной антропологии его специфичность обусловлена как минимум тремя обстоятельствами. Во-первых, область – административно-правовое образование, население которого полностью сформировалось из послевоенных мигрантов. Во-вторых, после распада СССР Калининградская область стала анклавом Российской Федерации в Балтийском регионе, отделенной от основной части страны тремя государственными границами. Будучи нетипичным субъектом РФ, область строит отношения с федеральным центром по особым правилам. В-третьих, расположенная на крайнем западе, выдвинутая почти в центр Европы и окруженная со всех сторон другими государствами, эта область и ее жители имеют тесные контакты с соседями. Каждый из перечисленных факторов по-своему повлиял на этнокультурную ситуацию в регионе. При этом в истории области можно выделить два периода. Первый – советский, когда судьба региона претерпела коренные изменения и начал формироваться калининградский социум. Второй – постперестроечный, связанный со становлением российской государственности, новыми перспективами для развития области и притоком сюда новой волны мигрантов.

К ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ КАЛИНИНГРАДСКОГО СОЦИУМА

Точкой отсчета для возникновения калининградского социума стала Вторая мировая война, которая, как известно, резко изменила жизнь края. В 1945 году на Потсдамской конференции союзниками по антигитлеровскому блоку было принято решение о передаче Кёнигсберга и прилегающей к нему территории СССР. Седьмого апреля 1946 года на отошедшей СССР части

бывшей провинции Восточная Пруссия, входившей тогда в состав Германии, была образована новая область России – Калининградская. Впоследствии здесь сложилась уникальная этнодемографическая ситуация, поскольку практически все довоенные жители были вынуждены покинуть край и произошла полная смена населения. Немцы были в принудительном порядке депортированы в Германию в 1947–1948 годах.

Область заселялась демобилизованными воинами Советской армии и переселенцами из республик и областей СССР, среди которых были люди разных национальностей. В отличие от целого ряда других областей страны, на этой территории нет сколь-нибудь этнически однородного населения. Превалирует русская культура, что естественно, поскольку большинство населения составляют русские, доля которых по переписи 2002 года – 82,4 % [15; 6]. Но это переселенцы из разных регионов страны, имеющих свои локальные особенности обычаев и быта. Кроме того, этнический состав населения края повторяет всю этническую картину России и бывшего СССР, здесь живут представители 132 национальностей.

Приезд новых поселенцев во второй половине 1940-х годов происходил по так называемому оргнабору, который организовывали специальные государственные вербовщики. Как показывают архивные материалы, основу послевоенного населения области составили выходцы из России (74,6 %) и Белоруссии (12,4 %). Третье место среди регионов выезда занимала Украина (7 %), четвертое – прибалтийские республики (почти 6 %), в основном Литва. На остальные республики СССР приходилось лишь полпроцента. Жители Литвы и Украины предпочитали селиться в городах, а сельское население формировалось практически исключительно из россиян и белорусов.

Среди регионов России, из которых происходило переселение, лидировали Центральный,

Центрально-Черноземный, Волго-Вятский и Поволжский экономические районы. Архивные данные свидетельствуют, что в 1948–1950 годах плановая вербовка людей осуществлялась в 23 областях и автономиях РФ и 7 областях Белоруссии. В этническом составе преобладали русские, значительна была доля белорусов, украинцев, литовцев, мордвы, татар и чувашей [3].

В организации переселения государство придерживалось принципа компактного расселения жителей из одних областей. Наиболее последовательно этот принцип реализовывался в сельской местности. Население 6 районов Калининградской области из 13 сформировалось в основном за счет выходцев из одной области или республики. Согласно источникам, например, в поселки Черняховского района в 1946–1949 годах прибыло 14 326 человек: 7114 из Курской области, 4775 из Калужской области, 1392 человека из Белоруссии. Их удельный вес в сельском населении района составил 50, 33 и 10 %. Доля выходцев из остальных регионов страны была равна 7 % (1045 человек¹) [2], [10; 133–142].

По данным 1948 года, количество жителей области достигло 380 тыс. человек. В 1950 году был зафиксирован максимальный за всю историю области миграционный прирост – 45 тыс. человек. Можно констатировать, что в результате плановой массовой миграции к этому времени область была заселена. С 1950-х годов и вплоть до начала перестройки миграция перестала играть ведущую роль в приросте численности населения области. Основным источником увеличения количества жителей с 1948 по 1990 год был естественный прирост, который на данной территории оказался в 1,5–2 раза выше, чем в целом по России. Этому способствовал тот факт, что среди переселенцев было большое количество молодежи, только вступающей в семейную жизнь [10; 153]. Численность населения Калининградской области в 1989 году составила 871,3 тыс. человек² [21].

РОЖДЕНИЕ МЕСТНЫХ ТРАДИЦИЙ

Что произошло в результате столь массового переселения в регион новых жителей? Отметим некоторые особенности социокультурного плана, характерные для Калининградской области во второй половине XX века. Переселенцы принесли со старой родины разнообразные традиции и обычаи. Они должны были адаптироваться в новой социальной среде. В силу исторических причин на этой земле быстрее, чем в целом по стране, шел процесс нивелирования этнокультурных отличий. Этому способствовал не только тяжелый послевоенный быт на новом месте. Здесь ускоренными темпами происходило естественное смешение выходцев из разных областей и республик страны. Старшее поколение, которое обычно является носителем традиций, во

многих случаях находилось далеко, поэтому популярным был современный образ жизни. Новая историческая общность, которую в недалеком прошлом называли советским народом, на калининградской земле приобрела достаточно выраженный облик.

Что касается этнографической специфики традиций, то обычно наиболее ярко она проявляется в праздниках, свадьбах, похоронах, особенностях проведения досуга, в традиционной кухне. Калининградскую область в этом отношении смело можно назвать своеобразным «плавильным котлом». По воспоминаниям людей старшего поколения, в то время трудно было выполнять обряды по правилам какой-то одной традиции. Пели, например, «кто как умеет: и по-белорусски, и по-мордовски, зависит кто откуда»³. В 40–50-е годы прошлого века, когда началось заселение области, этнокультурные различия переселенцев из регионов России и из других республик были сведены к минимуму. Они не культивировались в условиях необходимости выживания на новом месте в тяжелые послевоенные годы. Быстро шел процесс нивелирования этнических и региональных особенностей. По свидетельствам первопоселенцев, на национальность тогда не обращали внимания, «все люди были одинаковые». Коллективно отмечались советские праздники, все ходило на демонстрации. На церковные праздники дома готовили праздничный обед без всяких обрядов. Об обрядах не вспоминали и на свадьбах. Их многие не справляли, просто расписывались в ЗАГСе и устраивали скромное застолье⁴. Вместе с тем преобладающее влияние на протяжении десятилетий оказывали русский уклад жизни, русская культура, русский язык.

Приданию региону российского характера способствовала наряду с другими факторами и повсеместная замена немецких географических названий, населенных пунктов и улиц на русские, которая в 1946 году была произведена новой властью. Город Кёнигсберг стал Калининградом, Раушен – Светлогорском, Кранск – Зеленоградском, Инстербург – Черняховском, Тильзит – Советском и т. д. На фоне балтийского пейзажа появились деревни Малиновка, Сосновка, Медведка и т. д. Те же немногие старые имена, которые были сохранены, адаптировались – переводились на русский или же претерпели фонетические изменения. Многие калининградцы, особенно старшего поколения, видят в этом акте топонимической русификации не только идеологическую подоплеку, но и стремление сделать чужое своим, культурно освоить пространство, на котором они поселились [4; 154–162].

Сохранилась ли преемственность в экономическом и культурном развитии на калининградской земле? И да и нет. На хозяйственном и административном управлении, на идеологии и других формах общественного сознания, на быте

и поведении населения, принесшего традиции из российской глубинки, не могло не отразиться то, что на смену немецкой культуре пришла российская, на смену рыночной экономике – плановая. В советский период довоенное прошлое края ушло в небытие: калининградская земля пестовала типично советские образы, символы и признаки. Ситуация стала меняться в конце 80-х годов XX века, когда жители края начали открыто показывать свой интерес к довоенной истории. Оказалось, что многие калининградцы и раньше были равнодушны к прошлому земли, ставшей их домом. Удивительно, но факт, что со временем забытые, в том числе прусские, традиции стали пробивать себе дорогу, культивироваться и постепенно все больше влиять на отличие этого региона от других субъектов Российской Федерации. Благоприятной почвой для этого была та материальная культура, предметы быта, архитектурные сооружения, хозяйственные объекты, которые застали здесь переселенцы.

В то же время современное население Калининградской области представляет собой особую территориальную общность. За период, прошедший после Второй мировой войны, выросли новые поколения, социализация которых происходила в специфических условиях: жизнь в регионе, население которого составляют исключительно мигранты, отсутствие границ с Россией, номинальная связь с малой родиной родителей. Все это создало специфическую социальную и этнокультурную ситуацию в области, наложило отпечаток на своеобразие стиля жизни и формирование своих социально-психологических черт.

НОВАЯ ВЕХА В ИСТОРИИ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

После распада СССР Калининградская область вступила в новый судьбоносный период. Она стала анклавом. Положение области на стыке Евросоюза и России, Центральной и Восточной Европы, Балтийского микрорегиона и СНГ предоставляет ей широкие возможности экономического, культурного и экологического сотрудничества. Особое геополитическое положение Калининградской области и целый комплекс политических факторов обуславливают ее важное стратегическое значение для российского государства. Радикальные изменения коснулись как геополитического, геоэкономического положения края, так и этнокультурной ситуации.

По данным на 1 января 2010 года, численность населения области составляет 937,9 тыс. человек [8; 6]. Калининградская область является одним из густонаселенных регионов России. Плотность ее населения – 62 человека на квадратный километр, что превышает среднероссийский показатель в 7,5 раза.

Согласно Всероссийской переписи 2002 года, из 132 этнических групп, представители которых

проживают в области, наиболее многочисленными, как уже отмечалось, являются русские. Они составляют 82,4 % населения, далее по количеству следуют белорусы – 5,3 %, украинцы – 4,9 %, литовцы – 1,5 %. В целом они составляют 94 % населения области. В период 1990–2002 годов из 97 756 детей, родившихся в Калининградской области, у 34 364 (35,2 %) мать и отец были разной национальности. Среди детей, рожденных русскими женщинами, этот показатель составил 25,6 %, украинками – 80,4 %, литовками – 83,0 %, белорусками – 83,3 %⁵.

Исследования показали, что в Калининградской области, по данным 2008 года, лишь две пятых населения являются уроженцами, остальные – иммигранты, прибывшие в разное время, причем почти четверть – с начала 1990-х годов [13; 16]. После распада СССР Калининградская область стала привлекать новых жителей. Этому способствуют не только благоприятные природные условия, особое географическое положение и соседство со странами ЕС, но и рост региональной экономики, наличие рабочих мест, активная миграционная политика. Кто-то приезжает сюда лишь с целью осуществления коммерческой деятельности. Другие граждане хотят обрести новую родину из-за неблагоприятной обстановки на прежних местах жительства. Они покинули бывшие советские республики Прибалтики, Средней Азии, Казахстана. Своеобразный этнокультурный мостик видит в Калининградской области часть российских немцев.

По данным ФМС, с 1992 года в область прибыло более 250 тыс. иммигрантов. В этот период миграция стала оказывать решающее воздействие на рост населения области. Причем если миграционная подвижность местного населения резко снизилась, то так же сильно возросло положительное сальдо прибывающих в область извне. Иммиграционный поток резко увеличился в 1990 году, в два раза превысив показатель 1989 года. В первой половине 1990-х годов миграционный прирост достигал 20–25 тыс. человек ежегодно. К концу века после стабилизации политических процессов в СНГ миграционная активность по всей Калининградской области стала несколько сокращаться, но осталась высокой.

В сравнении с 1991 годом (32 572 человек) в 2002 году количество переселенцев (20 686 человек) уменьшилось на 37 %. Минимальный миграционный прирост пришелся на 2003–2005 годы, затем вновь произошло некоторое увеличение миграционного сальдо. В 2009 году в область прибыли 13 125 человек (94,5 % от уровня 2008 года), выбыли 9738 человек (95,8 % от уровня 2008 года). Миграционный прирост в 2009 году по сравнению с 2008-м составил 3387 человек, или 91 %. В 1-м квартале 2010 года в район прибыли 49 человек, убыли 145 человек, миграционная убыль – 96 человек [23; 8], [16; 67].

С 2007 года Калининградская область активно участвует в Государственной программе по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом. Область входит в число 12 пилотных регионов, определенных Указом Президента РФ № 637 от 22.06.2006. По данным ФМС, на начало 2009 года из 8949 соотечественников, прибывших в Россию, Калининградская область приняла 4155 человек, то есть почти половину от общего числа прибывших в страну. Таким образом, регион оказался одним из самых привлекательных для переселенцев [5; 16].

Характер объемов и направлений миграций показывает, что максимальный миграционный динамизм в 1990–2000-е годы обеспечивали страны СНГ и Балтии. На долю этих стран приходится более четырех пятых всего миграционного прироста (80,3 %). Оценивая внешнюю миграцию в целом, можно констатировать, что прослеживаются два основных потока иностранных граждан, въезжающих на территорию Калининградской области: среднеазиатское направление и европейское направление. В 1992 году положительное сальдо миграций было со странами Балтии. Затем значимым стал приток мигрантов из Средней Азии. Среди прибывших преобладали русские жители бывших союзных республик, а также немцы из Средней Азии и Казахстана.

По данным Росстата, в 2009 году 37 % иммигрантов прибыли из Казахстана, 29,4 % – из государств Средней Азии, 12,6 % – из государств Закавказья. На европейские государства СНГ пришлось 15,4 % прибывших, среди которых больше всего на Украину (9,2 %), Белоруссию (3,9 %), Молдову (2,3 %). Три государства Балтии в 2009 году обеспечили 2,5 % иммигрантов [22; 16], [23; 16], [24; 16].

В целом же в последние два десятилетия этнический состав миграции при общем преобладании русских стал более пестрым. В результате активизации миграционных потоков в области в последние годы увеличилось число представителей коренных национальностей стран СНГ, значительной миграционной мобильностью обладали также немцы, татары, мордва. В списке народов, формирующих калининградский социум, увеличилась доля армян, корейцев, чеченцев, таджиков и азербайджанцев [15; 6–7]. Одним из самых динамичных миграционных потоков стала внешняя трудовая миграция.

Источниками иммигрантов из регионов России являются преимущественно Центральный, Дальневосточный, Сибирский и Южный федеральные округа.

Существенно за этот период (в 20 раз) снизилась миграция из области в страны дальнего зарубежья, чему во многом способствовала стабилизация экономического положения. Внутрирегиональная миграция направлена из восточных

районов области, которые все еще являются депрессивными, в западные; в результате население активно перемещается в областной центр и прилегающие к нему населенные пункты. Восточные районы, к сожалению, пока еще не рассматриваются мигрантами в качестве привлекательного места жительства, и им миграционное движение в 1990–2000-е годы не обеспечило прирост численности населения, преимущественно за счет отрицательного сальдо миграций.

Возрастные характеристики миграции показывают увеличение в потоках мигрантов в последние годы лиц трудоспособного возраста как из регионов России, так и из стран СНГ. По данным 2008 года, среди 13 125 мигрантов Калининградской области 9943, или 76,1 %, были в трудоспособном возрасте, в возрасте старше трудоспособного – 11,5 %, моложе трудоспособного – 12,4 %. При этом из прибывших лиц трудоспособного возраста почти 45 % мигрантов от 18 до 29 лет. Гендерные оценки позволяют говорить о дальнейшей феминизации миграционных процессов. В этот же период прибыли 6636 мужчин и 6489 женщин. Образовательный уровень мигрантов последней волны высок. Доля лиц, имеющих высшее образование, составила почти 40 %, среднее профессиональное – 35 %. Вместе с тем лишь немногим более 5 % составили лица с профессионально-техническим образованием, обладающие наиболее востребованными на рынке труда рабочими специальностями [23; 26–31, 44–45].

Как показали исследования, адаптация переселенцев новой волны происходит в Калининградской области достаточно успешно. По данным региональных социологов, иммигранты перестают ощущать себя в новой социальной среде «чужими» быстрее в сравнении с усредненными мировыми показателями, которые, по мнению психологов, в среднем составляют 10 лет. Социологические опросы, проведенные Социологическим центром РГУ им. И. Канта летом 2008 года, констатировали, что лишь 3,5 % от общего количества опрошенных, не являющихся уроженцами области, ощущают себя переселенцами. Поэтому, несмотря на высокую степень миграционной активности на протяжении всей истории Калининградской области, большинство населения чувствуют себя жителями региона и быстро вливаются в калининградский социум. Вероятно, этому способствует переселенческий и полиэтничный состав местного населения [7; 166].

КОНСТРУИРОВАНИЕ МИФОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА И РОЖДЕНИЕ НОВЫХ ГЕРОЕВ И ПРАЗДНИКОВ

На протяжении второй половины XX века на калининградской земле постепенно шла эволюция отношения к новой родине. Здесь вырастали новые поколения и новая локальная общность.

С 90-х годов XX века, как и по всей стране, возрос интерес к этнической специфике и традициям. Они стали привноситься в семейный и общественный быт населения. Вместе с тем формируются и местные традиции, по-своему осмысливается локальное культурное пространство. О существовании региональной субкультуры начали говорить с середины 90-х годов прошлого века, хотя она зародилась гораздо раньше. Но именно с этого времени стали обращать внимание на досоветское прошлое и вплетать его в настоящее. События и деятели разных исторических периодов дают богатый материал для возникновения региональной мифологии. Среди них прежде всего местный след в истории о «призвании варягов», прусский период жизни края, личность великого немецкого философа Иммануила Канта, военный подвиг в битве за Восточную Пруссию, история заселения области, ее современное эксклавное положение в центре Европы и особый путь развития.

Многовековая история области – богатый источник разнообразных мифологических сюжетов и легенд. Именно они делают ее образ столь неповторимым и привлекательным не только для местных жителей, но и для туристов. Довоенное историческое прошлое области и ее городов с 1990-х годов стало актуализироваться на разных уровнях. Об этом много говорят, пишут в местной прессе, издаются книги, проводят научные исследования. Изданы книги, посвященные многовековой истории городов области – Балтийска (Пиллау), Гвардейска (Тапиау), Советска (Тильзит) и др. Местные художники на своих полотнах изображают улицы старых городов с довоенными жилыми зданиями, замками и соборами. В Черняховске, например, создано общество инстербургцев, члены которого испытывают истинную ностальгию по прошлому города. С 1990 года действует областной клуб краеведов при Областном государственном архиве Калининградской области. Одним из событий, простимулировавших осознание калининградцами связи между прошлым и будущим, стало празднование в 2005 году 750-летия города Калининграда–Кёнигсберга.

Сегодня очевидна тенденция умножения немецкой составляющей в жизни калининградцев. Чаще стали употребляться в повседневной жизни старые немецкие названия городов. Для молодых калининградцев их город – Кёниг (а не Калининград, но и не Кёнигсберг). Как удачно подмечено калининградским исследователем Н. Г. Бабенко, новым городским объектам (районам реконструкции, гостиницам, кафе и ресторанам) все чаще дают немецкие имена. Это становится в том числе и экономически выгодным [4; 158–160].

В то же время после распада СССР, когда Калининградская область оказалась территориаль-

но оторвана от основной части страны, озабоченность дальнейшей судьбой вызвала желание не только познакомиться с прусским прошлым, но и удревить историю российского (русского) присутствия в Восточной Пруссии. На калининградской земле были установлены памятники Петру I, Елизавете, М. Кутузову, изданы соответствующие книги. Совет ветеранов и людей старшего возраста не оставляют равнодушными более поздние события военных лет и история заселения края в советский период. Военные сюжеты были популярны в области на протяжении всей второй половины XX века. Сейчас мифологическое пространство городов и их округа пополняется новыми локусами, героями и сюжетами, причем этот процесс продолжается.

Символика Калининградской области, культивируемая местными жителями, также имеет локальную специфику: характерными ее чертами являются вертикаль готических строений из красного кирпича, остроконечные крыши с красной черепицей, липы вдоль булыжных мостовых. Нельзя не упомянуть в этой связи и уникальное очарование области – янтарь, который является культурным брендом и «визитной карточкой» Калининграда. В последние годы у региона появились и кулинарные символы – кёнигсбергские клопсы и марципаны. Происходящее на глазах конструирование мифологического пространства – важный процесс, характеризующий современное состояние области.

Хотелось бы подчеркнуть, что на калининградской земле произошел не просто синтез немецкой, русской и других культур. По нашему мнению, в этом западном регионе скорее можно наблюдать органичное включение в пространство российской культуры и образа жизни разнообразных элементов довоенного культурного наследия (исторических памятников и личностей, природного ландшафта, событий). Есть основание усмотреть в этом культивировании местной немецкой составляющей и определенное стремление придать своей малой родине некий «европейский» шарм и стать еще ближе к Европе с ее высоким уровнем жизни.

Говорить о постепенной германизации области, вероятно, все-таки нет достаточных причин, так как все эти иностранные элементы растворяются в огромном массиве российской культуры, которая здесь является доминирующей. Активное внедрение этнических репрезентаций в нашу жизнь проявляется также в возрастании использования элементов собственной национальной истории в повседневном быте. Реконструированные традиции повсеместно стали играть значительную роль в российской культуре. Из прошлых веков извлекаются символы, образы и культурные герои, репрезентирующие архетипы этнических групп, населяющих страну. Среди примеров постмодернистской игры с русскими традиция-

ми можно назвать «историко-этнографические» названия фирм, улиц, товаров и торговых центров во многих городах. Список пополняют персонажи на обложках журналов, рекламных posters и в телевизионных роликах, предметы городского и деревенского быта XIX века в витринах, религиозная символика не только как символ веры, но и дань моде.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ СФЕРЕ

С началом трансформационных процессов, как и на всей территории бывшего Советского Союза, в Калининградской области произошла консолидация этнических субкультур и оживилось этническое самосознание. Практически во всех группах населения активизировалась этнокультурная проблематика, возрос интерес к изучению родного языка, культуре, истории, традициям, религии, особенностям быта своего народа. Распространились и активно действуют институционализованные формы национально-культурного объединения и религиозные организации, зачастую имеющие этническую специфику. С начала 1990-х годов началось формирование национально-культурных обществ. С тех пор их число существенно возросло. Так, к 1993 году в области были зарегистрированы 16 общественных организаций, созданных по этническому признаку, к 1995-му – 32, в 1998-м – уже более 40, по данным 2004 года их было 73, а к 2010-му несколько меньше – 52. На территории области зарегистрированы 7 региональных и 11 местных национально-культурных автономий, которые действуют в 14 из 22 муниципальных округов области, но около 70 % из них локализованы в Калининграде.

По этническому признаку национально-культурные общественные организации распределяются следующим образом: 14 организаций созданы российскими немцами, 11 – русскими, 9 – армянами, 8 – литовцами, по 7 организаций имеют поляки и украинцы, 4 – азербайджанцы, 3 – белорусы, по 2 – ассирийцы, казахи, таджики, по 1 – грузины, евреи, осетины, туркмены, татары, чувашаи, цыгане и корейцы [14; 14].

Основными направлениями деятельности областных и районных обществ, как следует из их уставов, являются содействие возрождению, сохранности и приумножению национального и культурного достояния; проведение работы по сохранению языка и этнического своеобразия народов; проведение культурных мероприятий; популяризация прикладного искусства; поддержание контактов с исторической родиной. В последние годы при покровительстве национально-культурных обществ происходит формирование молодежных организаций (например, у азербайджанцев, армян, российских немцев).

Ежегодно каждое национально-культурное общество проводит дни своей культуры, отмеча-

ет различные национальные праздники, участвует в общих мероприятиях, проводимых в области и районе. Силами обществ организовываются художественная самодеятельность, угощение национальными блюдами, выставки изделий народных промыслов. Многие общества поддерживают контакты с всероссийскими национальными организациями.

В области публикуются издания на разных языках, выходят радио- и телепередачи, среди них «Белорусская народная газета», радиопрограмма «Криница» на белорусском языке, информационный бюллетень общества польской культуры, еврейский вестник «Шофар»; также распространяются газеты «Аззерос», «Трибуна ислама», «Татарские новости» и т. д.

Определенный интерес к своим диаспорам проявляют государства, являющиеся историческими родинами части населения Калининградской области. В первую очередь это касается Германии, Литвы, Польши, Беларуси. Представители этнических групп взаимодействуют с государственными и общественными структурами этих стран, получают от них поддержку. Помощь оказывается в разных формах. Министерство культуры Республики Беларусь, например, безвозмездно передало книги в несколько районных библиотек области. Фонды книг на литовском и белорусском языках есть в областной библиотеке и библиотеке г. Советска.

Идет сотрудничество по обучению разным языкам. В вузах и педагогических колледжах ведется подготовка студентов по специальностям «преподаватель литовского языка», «преподаватель польского языка», «преподаватель немецкого языка». Есть школьные классы с изучением немецкого, польского и литовского языков. О масштабности процесса свидетельствуют следующие факты. Литовский язык изучают более 920 человек в 112 классах 8 школ, на 10 факультативах и в 2 детских садах. Польский язык учат не только при Генеральном консульстве Республики Польша в Калининградской области, но и в обществах «Россия-Польша» и «Калининград-Свиноустье». Курсы польского языка организованы также обществами польской культуры городов Гусев и Озерск. Углубленное обучение польскому языку ведется в средней школе № 40 г. Калининграда и в школах поселков Железнодорожный и Суворовка. При польских костелах работают воскресные школы. Курсы немецкого языка организованы при Немецко-русском доме. Как профилирующая дисциплина немецкий язык преподается в лицее № 23 г. Калининграда. На немецком языке еженедельно демонстрируются фильмы, проводятся лекции и занятия с детьми в киноклубе национально-культурного общества российских немцев. Армянский язык можно изучать на курсах в армянском информационном центре [1].

Выпускники калининградских школ направляются на учебу в вузы Беларуси (в основном медицинские) и наоборот. Также среди молодежи области популярно получение образования в Польше и Германии. Контакты влияют и на материальные условия существования представителей этнических субкультур, их положение на рынке труда, динамику уровня жизни. Вместе с тем соседние страны заинтересованы в налаживании контактов с Калининградской областью в целом, а не только с представителями своей диаспоры. Именно в этом направлении и развиваются сейчас межгосударственные связи.

С другой стороны, интерес к русскому языку и культуре проявляют сопредельные страны. В частности, студенты из вузов Германии и Франции участвовали в работе летней школы «Языки, общество, новая Европа», которая была организована в РГУ им. И. Канта. Иностранцы граждане обучаются русскому языку и в Балтийской государственной академии.

В Калининградской области официально зарегистрированы более 140 религиозных организаций, представляющих различные конфессии и религиозные течения. Действует 133 прихода, 2 монастыря, 4 религиозных учреждения.

ОСОБЕННОСТИ ИДЕНТИЧНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ

Начиная с 1990-х годов, когда наступил новый, анклавный период в истории Калининградской области, ее жители стали активно рассуждать о судьбе области и о местной, калининградской идентичности. Кто они? Калининградцы, россияне, европейцы или представители той или иной национальности? Какое место они будут занимать в социально-культурной жизни России и Европы? Какие выгоды можно извлечь из своего особого геополитического и географического положения?

В 2000-е годы в Калининградской области был проведен ряд социологических опросов, направленных на выяснение ответов на эти вопросы. В 2002 году лишь 24,6 % калининградцев считали российскую идентичность первостепенной, тогда как в основной части России этот показатель равнялся 49 %. На первое место поставили региональную идентичность, ассоциируя себя с областью в целом, 28 % калининградцев. Локальную идентичность, имея в виду свой населенный пункт, предпочли еще 32,2 %. (В основной части России каждый из двух вариантов выбрали по 17 % опрошенных [20].)

Согласно полученным в 2005 году данным, в структуре социальной идентичности жителей Калининградской области доминирующее положение уже занимала российская идентичность. В первую очередь россиянами считали себя 41,0 % опрошенных, а европейцами – 5,8 %. По совокупности трех выборов (можно было выбрать несколько вариантов ответов) российская идентичность набрала 76,8 % голосов. Второй по зна-

чимости была региональная идентичность: 70,2 % опрошенных считали себя жителями Калининградской области в первую, вторую и третью очередь. Третье место по сумме трех выборов занимала локальная идентичность: 54,8 % жителей региона идентифицировали себя со своим городом или селом. Значимое место принадлежало этнической идентичности. 46,6 % респондентов хотя бы в одном варианте из трех назвали себя представителями той или иной этнической группы.

Локальная идентичность (например, я – черняховец) была больше выражена у жителей малых городов (60,7 % по сумме трех выборов) и сел (60,2 %). Среди жителей малых городов Калининградской области 82,7 % по сумме трех выборов в первую очередь отмечали российскую идентичность, затем региональную (жителя Калининградской области) – 80 %, локальную – 60,7 %, этническую 38,7 %, затруднились ответить – 8 %. Возрастные различия были наиболее заметны по этнической и европейской составляющим. Чем старше респонденты, тем реже они идентифицировали себя с Европой. И наоборот – этническая идентичность наиболее выражена у лиц старшего возраста. Жители области, проживающие там с рождения или с советского времени, чаще идентифицировали себя со страной в целом, регионом, локальным сообществом по сравнению с мигрантами постсоветского времени. Последние чаще отождествляли себя с Европой и этнической общностью [19; 33–39].

Исследователи отмечают, что сегодня у подавляющего большинства молодых людей идет некоторое «размывание» российской ментальности. Абсолютное большинство позиционируют себя в первую очередь как калининградцев, а значительная часть – как европейцев. Опыт социологических опросов, проводящихся с 2000 года, позволяет отметить динамику этого состояния в сторону его усиления. Обыденным в повседневной лексике стало выражение «был(а) в России». От молодого калининградца редко можно услышать слова «у нас в России» [19; 79–80].

Региональная и локальная идентичности у жителей Калининградской области выражены больше, чем в России в целом. При этом обнадеживающими являются результаты опроса населения относительно будущего региона. На вопрос «какой выбор кажется вам наилучшим?» жители Калининградской области в 2002 году дали следующие ответы: 21 % – область будет иметь равные права с остальными регионами России; 38 % – область останется в составе России, но будет иметь особый статус; 19 % – область останется регионом России, но в нем будет действовать собственное законодательство; 5 % – область станет независимым государством; 3 % – область будет возвращена Германии; 14 % затруднились ответить [9].

Таким образом, подавляющее большинство калининградцев считают наиболее предпочтительным существование своей малой родины в составе Российской Федерации, хотя и с особыми правами (главным образом экономического характера). Лишь 8 % хотели бы видеть ее вне России, что свидетельствует о минимальной поддержке сепаратистских устремлений. При этом по сравнению с опросами начала 1990-х годов процент разделяющих мнение о желательной независимости области имеет отрицательную динамику. Уместно отметить, что в пользу пророссийских настроений свидетельствует и тот факт, что, несмотря на негативное отношение к личности М. И. Калинина, имя которого носит область, 70–80 % ее жителей высказались против возвращения старого немецкого названия, опасаясь регерманизации региона [6].

Естественно, что государство заинтересовано в укреплении всяческих связей между основной его частью и анклавом. Применительно к Калининградской области целенаправленно воздействовать на этот процесс призвана программа «Мы – россияне». Одной из ее задач является содействие посещению калининградскими школьниками Москвы и других городов Центральной России, поскольку многие из них не бывали в основной части страны, но при этом ездили в соседние страны – Германию, Польшу, Литву.

ВЫВОДЫ

Исследование позволяет сделать вывод, что фактор локальной идентичности личности для жителей анклава более значим в сравнении с его ролью в материнском и соседних государствах. При этом пример Калининградской области еще раз убеждает нас в закономерности и возможности наличия у человека множественных идентичностей, когда существует личностная дифференциация государственной, этнической и локальной (территориальной) идентичностей. Последняя в данном случае подпитывается особым положением анклава в составе государства. В целом же можно констатировать, что формированию каждой из обозначенных идентичностей сопутствуют обстоятельства как поддерживающие ее, способствующие росту значимости, так и ослабляющие.

Исследование динамики численности населения Калининградской области и тенденций его размещения, этносоциального состава мигрантов и процесса их адаптации в области свидетельствует о том, что в этом регионе сложилась особая территориальная общность – калинин-

градцы. Именно так самоидентифицируют себя жители региона. Различные этнические группы интегрированы в общую этносоциальную структуру Калининградской области. Население края, несмотря на относительно непродолжительный период проживания здесь, является укорененным и не имеет тенденции покинуть область, сменив место жительства. Более того, с начала 90-х годов XX века отмечен всплеск миграций сюда из многих регионов бывшего СССР.

Все население края можно разделить на тех, кто живет в Калининградской области во втором, третьем и четвертом поколениях, и переселенцев последних лет. Однако, несмотря на все имеющиеся нюансы, вопреки особенностям геополитического положения области и попыткам определенных сил использовать региональный фактор в политических целях, в Калининградской области не пользуются популярностью сепаратистские устремления, свое будущее жители края видят в составе единой России. Немалое значение имеет и тот факт, что подавляющее большинство калининградцев имеют корни в различных регионах страны и именно ее считают своей Родиной. Фоновое исследование межэтнических отношений позволяет констатировать, что в регионе нет острых социальных и межэтнических конфликтов.

Подчеркнем также, что в условиях особого геополитического положения области стратегии взаимоотношения центр – регион требуют новаторских подходов, а выполнение региональных программ имеет государственное и международное значение. Поэтому необходима всяческая федеральная поддержка мероприятий, направленных на решение социальных проблем Калининградской области и дальнейшее укрепление ее экономических, политических и культурных связей с «большой» Россией. Отношения федеральный центр – анклав оказывают глубокое воздействие на многие параметры жизни населения региона, в том числе и на формирование идентичности. Поэтому многое в будущей судьбе области будет зависеть от государственной политики, от позиции и действий федеральной власти.

Исследование выполнено в рамках Программы Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России» (Проект «Современный российский город в единстве и многообразии культурных ценностей») и гранта РГНФ (проект № 11-21-02004). Материал собран с конца 1990-х годов (см. [11], [12]).

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Подсчет сделан калининградским исследователем Ю. В. Костяшовым на основе материалов Государственного архива Калининградской области [10; 133–142].
- ² Подробно об истории заселения области см., например, [21].
- ³ Со слов В. И. Быковой, 1932 г. р., пос. Липово, Гусевский район, Калининградская область.
- ⁴ Со слов М. П. Тетеревлевой, 1910 г. р., Калининград; В. Т. Рагулиной, пос. Жилино, Неманский район; В. П. Забоевой, 1918 г. р., г. Неман; А. И. Перикова, 1920 г. р., пос. Гастеллово, Славский район; Л. Н. Ивановой, 1926 г. р., пос. Краснолесье, Нестеровский район и др. (см. [10; 142–146]).
- ⁵ Данные Территориального органа Федеральной службы Государственной статистики по Калининградской области. Материалы архива.

ИСТОЧНИКИ

1. Архив начальника отдела национально-культурных и общественных связей правительства Калининградской области.
2. Государственный архив Калининградской области. Ф. 193.
3. Государственный архив РФ. Ф. 374.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

4. Б а б е н к о Н. Г. Топонимический текст Калининграда как отражение культурного полилога // Балтийский регион. Лики русского мира. Калининград, 2008. С. 158–160.
5. В Калининградскую область приехали более 4300 переселенцев [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.severinfo.ru/news/24616>
6. В и н о к у р о в Е. Ю. Калининграду должно быть возвращено его прежнее название // Культурный слой. Калининград [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.vinokurov.info
7. Е м е л ь я н о в а Л. Л. Складывающиеся практики адаптации переселенцев на территории Калининградской области // Миграционная политика в регионах РФ. Законодательство и правоприменительная практика. Калининград: РГУ им. И. Канта, 2009. С. 149–169.
8. Калининградская область в цифрах. 2010. Калининград: Территориальный орган ФСГС по Калининградской области, 2010. 38 с.
9. Калининградский социологический центр. Калининградская проблема: фактор общественного мнения // Калининградская правда. 2002. 10 декабря. С. 7–8; 17 декабря. С. 10.
10. К о с т ь а ш о в Ю. В. Секретная история Калининградской области. Калининград: Терра Балтика, 2009. 352 с.
11. Л о п у л е н к о Н. А., М а р т ы н о в а М. Ю., Д у б о в а Н. А. Калининградская область: современные этнокультурные процессы // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. 1998. № 119.
12. М а р т ы н о в а М. Ю. Черняховск Калининградской области // Малый город в современной России. М.: ИЭА РАН, 2010. С. 34–64.
13. Миграционные процессы в Юго-Восточной части региона Балтийского моря. Калининград: Изд-во РГУ, 2008. 278 с.
14. Национально-культурные объединения Калининградской области. Информационный справочник. Калининград: ЕСМІ, 2004. 64 с.
15. Национальный состав населения Калининградской области. Калининград: Территориальный орган Федеральной службы Государственной статистики по Калининградской области, 2006. 142 с.
16. Основные показатели развития экономики и социальной сферы, муниципальных образований Калининградской области в 1 кв. 2010 г. Статистический бюллетень. Калининград: Территориальный орган Федеральной службы Государственной статистики по Калининградской области, 2010. 67 с.
17. Правительство Калининградской области [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gov.kaliningrad.ru/index.php?action=oezresident>
18. Программа Калининградской области по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом (утв. Постановлением Правительства КО № 276 от 21 мая 2007 г.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gov39.ru/>
19. Регион сотрудничества. Вып. 3 (46). Калининград: МИОН, 2006. С. 33–39.
20. Статистический бюллетень Федеральной службы госстатистики по Калининградской области. Калининград: Территориальный орган Федеральной службы Государственной статистики по Калининградской области, 2008.
21. Ф е д о р о в Г. М. Население Калининградской области. Калининград: КГУ, 2001.
22. Ч а б а н о в а А. В. Различия в Калининградском социуме: результаты социологического исследования // Калининградский социум в европейском контексте. Калининград: КГУ, 2002.
23. Численность и миграция населения Калининградской области в 2008 г. Территориальный орган Федеральной службы Государственной статистики по Калининградской области. Калининград, 2009. 71 с.
24. Численность и миграция населения Калининградской области в 2009 г. Территориальный орган Федеральной службы Государственной статистики по Калининградской области. Калининград, 2010. 71 с.
25. Численность и миграция населения Калининградской области в 2010 г. Территориальный орган Федеральной службы Государственной статистики по Калининградской области. Калининград, 2011. 71 с.

ВИТАЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ НИЛОВ

кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой социальной работы факультета политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет
vnilov@psu.karelia.ru

ЭТНИЧНОСТЬ И ЗДОРОВЬЕ

В статье дается анализ механизма и последствий влияния этнических факторов на здоровье населения.

Ключевые слова: этнос, этничность, здоровье, социология медицины и здоровья

Этническое возрождение в последние десятилетия рассматривается как одна из основных черт развития человечества в условиях глобализации. Однако этот процесс носит неоднозначный и парадоксальный характер. С одной стороны, этничность выполняет интегративную функцию – она объединяет представителей этносов независимо от их классовой, социально-статусной или профессиональной принадлежности. С другой стороны, возрастание роли этничности стало мощнейшим дифференцирующим и конфликтогенным фактором, вызывающим появление все новых очагов диспаратетов и межэтнической напряженности. Процесс усиления роли этничности в общественных процессах не может не вызывать возрастания научного интереса, одним из аспектов которого стала проблема влияния этничности на здоровье.

Изучение роли расового и этнического происхождения в формировании и поддержании здоровья в зарубежной науке имеет достаточно глубокие корни. Антропологи, этнографы, социологи, специалисты в области эпидемиологии и медицины на протяжении многих лет стремятся изучить механизм влияния этничности на продолжительность жизни, заболеваемость, смертность, самосохранительное поведение и традиционную медицину. В этом поиске они исходят из того, что главной задачей системы жизнеобеспечения этнической общности является создание условий для сохранения здоровья каждого члена этой общности. Решая данную проблему, этнос должен обеспечивать экономические, политические и социальные преимущества своим представителям [16]. Исторически это реализуется путем выбора удобной территории расселения и места жительства, оптимального использования пространственных и жизненных ресурсов, в том числе для создания и защиты комфортного жилища, изготовления соответствующей климату одежды, рациональной организации питания, быта, семейной жизни и т. д. При этом каждый этнос вырабатывает одновременно и систему традиционных народных медицинских знаний [9].

Критериями позитивного влияния этнических факторов на здоровье населения являются его адаптированность, разнообразие индивидуальных свойств, уровень рождаемости, уровень смертности, здоровье потомства, генетическое разнообразие, устойчивость к воздействиям, готовность к выполнению различных социальных ролей, продолжительность жизни, уровень младенческой смертности, уровень заботы подрастающего поколения о пожилых. В западной науке для теоретического объяснения феномена позитивного влияния этничности на здоровье была выдвинута идея уникального генофонда, обособляющего этнос как популяцию и аккумулирующего жизненные силы. Она предполагает специальное изучение этнических факторов здоровья и болезней с учетом дифференцирования отдельных видов медицинской помощи, анализа национальных традиций в предоставлении и потреблении медицинских услуг и др. Однако даже с учетом растущей сложности биологических и генетических исследований социология постоянно напоминает нам, что этничность не неизменная переменная здоровья, а скорее «социальная категория», предмет изменений, имеющих реальные последствия для здоровья и социального благополучия [22]. Эти аспекты влияния этничности на здоровье обнаружили и в процессе трансформационных изменений в постсоветском пространстве. Оказалось, что радикальные и динамичные социальные изменения, в целом негативно отражающиеся на здоровье, опосредуются целым спектром обстоятельств и условий, в числе которых не последнее место занимает этничность, и наоборот, этничность как фактор здоровья опосредуется индивидуальным поведением, социально-экономическим статусом, сегрегацией по месту жительства, средами местного сообщества, институциональными практиками, наконец, образом жизни [21]. При этом роль этничности как ключевого элемента этих факторов возрастает при распаде прежних структур государства и слабости гражданского общества, отчуждении населения от процесса принятия

политических решений, нарастании жизненной неопределенности, масштаба тиражирования фактов, известий, слухов об отношениях «других» к «нам» и «нас» к «другим», превращении этнической мобилизации, ксенофобии и экспрессивности в повседневные формы поведения [15]. Одновременно в условиях возросшей общественной динамики усиливается и другая угроза – появления персистента, то есть статического этноса, реликта, прошедшего, как указывает Л. Н. Гумилев, все фазы этногенеза, устойчиво находящегося в состоянии этнического гомеостаза, однако способного легко погибнуть от внешнего воздействия [7]. Такая этническая система лишена механизмов, обеспечивающих адаптивность, поскольку не выполняет функцию межэтнической идентификации, ограничивается лишь сугубо этнической идентификацией и межэтническим обособлением и поэтому утрачивает и психологическую готовность приспособления к новым условиям. В этих обстоятельствах генетическая предрасположенность к определенным этническим болезням дополнительно отягощается неблагоприятными социально-экономическими условиями существования этноса и его культурными стереотипами [5]. Генетическая предрасположенность этноса к определенным патологиям начинает реализовываться и ведет к снижению статуса здоровья этноса.

Взаимозависимость этничности и здоровья позволяют говорить об «историческом здоровье этноса», которое, по мнению В. П. Казначеева, представляет собой процесс развития биологической и психосоциальной жизнеспособности популяции и разворачивается в ряду поколений, отражаясь на трудоспособности и производительности коллективного труда, росте экологического доминирования, совершенствования вида *Homo sapiens* [8]. В его основе лежит адаптация как процесс сохранения и развития биологических свойств вида, популяции, биоценозов для обеспечения прогрессивной эволюции в неадекватных условиях. Действием этих механизмов можно отчасти объяснить различия здоровья этносов, которые демонстрирует отечественная социальная статистика (см. [10]). Разумеется, эти очевидные факты этнического влияния на статус здоровья населения требуют и социологического анализа, их нельзя игнорировать, как это порой делают некоторые исследователи [1], [20], [17]. Данную позицию можно объяснить тем, что для российских исследователей тема «Этничность и здоровье» оказалась в 1990-е годы принципиально новой, поскольку в Советском Союзе исследования этничности были подчинены идеологическому тезису расцвета и сближения наций, вследствие чего этнические различия в статусе здоровья практически не изучались. Поэтому актуализация данной проблемы в последние годы заставила отечественных исследо-

вателей обращаться к опыту западной социологии здоровья и медицины. Функционализм, символический интеракционизм, теория рационального выбора и некоторые другие направления западной социологии позволили укрепить фундамент теоретических подходов социологического изучения здоровья и болезней этнических групп. Важное значение имело включение в исследовательский дискурс западных теорий этничности, позволившее уточнить границы этнической общности, разработать методики подготовки и проведения опросов этнических групп и др. Определенную помощь оказал и накопленный за рубежом опыт изучения таких тем, как этнические особенности отношения к здоровью и болезням, разным видам медицинских вмешательств, модели отношений между врачом и пациентом, здоровье мигрантов, этнические болезни, распространение социально опасных заболеваний среди представителей различных рас и др. [4], [2], [6].

В последние годы социологические исследования этнических аспектов здоровья были проведены и в Республике Карелии [14]. Их результаты показали, что игнорирование этнических факторов здоровья в социальной политике государства неблагоприятно сказывается на благополучии коренного населения региона, ведет к снижению его адаптивных способностей [12]. Такая позиция не может не вызывать критики: как правило, коренное население обладает большими ресурсами приспособления к среде проживания, нежели мигранты, что доказывают медико-социальные исследования, проведенные и в других регионах страны [6]. Они показывают также, что в пределах этнотерриториальных группировок различные поколения и гендерные группы в большей или меньшей мере предрасположены к отдельным формам заболеваний. При этом у представителей каждого возрастного периода можно выделить определенный набор наиболее характерных для данной территории заболеваний. В результате этнотерриториальные группы населения можно охарактеризовать за определенный период среднестатистическим соотношением практически здоровых людей и больных острыми и хроническими болезнями, а также числом родившихся и умерших.

Поскольку здоровье этноса – процесс исторический, то для его понимания большое значение имеет знание о традиционных условиях жизни населения и народной медицине. В Карелии долгие годы роль народной медицины была особенно велика. Социально-экономические и природные условия края всегда были достаточно непростыми. По данным 1913 года, общая смертность в Олонецкой губернии составляла 30,2 человека на 1 тыс. населения, особенно велика была детская смертность: каждый третий ребенок умирал на первом году жизни, до пятилетнего возраста доживали лишь около половины. Наиболее

распространенными среди населения края были желудочно-кишечные заболевания, коклюш, скарлатина, туберкулез, кожные болезни; время от времени наблюдались эпидемии оспы, тифа и даже холеры. Следует отметить, что в этих условиях еще в начале XX века для большинства карельского населения квалифицированная медицинская помощь была недоступна. В 1913 году на обширной территории с неразвитой транспортной сетью действовали 13 больниц и 87 фельдшерских пунктов с 24 врачами и 147 работниками среднего медицинского персонала. Даже на самый густонаселенный и обустроенный Олонецкий уезд площадью 2800 кв. верст со 140 селениями приходилось 3 врача (по 16 497 жителей на врача), 19 фельдшеров и 6 повивальных бабок. Еще хуже обстояло дело в Беломорской Карелии, относившейся к Архангельской губернии [13]. Поэтому вплоть до начала XX века населению приходилось пользоваться преимущественно средствами самолечения и врачевания, унаследованными от предшествующих поколений, или обращаться за помощью к знахарям [3].

Накопленный за многие тысячи лет рациональный народный опыт врачевания и самолечения (например, лечебные травы, баня, массаж и др.) органично переплетался с иррациональными магическими атрибутами (амулеты, заговоры и т. п.). Например, в одной из новгородских берестяных грамот можно найти заговор на карельском языке о «божьей стреле» – «юмалан нуоли», под которой подразумевается либо молния, либо ее «окаменевшее» воплощение, использовавшееся для лечения многие столетия, вплоть до середины XX века. Исключительно важную роль в карельской знахарской практике играла вербальная магия, основу которой составляла высокоразвитая и высокохудожественная магическая поэзия – заговоры и заклинания, имевшие еще сто лет назад поистине массовое распространение. При этом карелы широко применяли и весьма развитую традиционную технику врачевания, и довольно солидный арсенал различных лекарств растительного, животного и минерального происхождения [11].

Как считают исследователи, медицинская культура каждого народа компенсирует возникающие нарушения физического и психического здоровья и обеспечивает необходимую для существования этнотерриториальной группы продолжительность жизни людей. Тем самым она может рассматриваться как один из социокультурных механизмов адаптации человека к окружающей среде [9] и поэтому объективно требует поддержки. Однако начиная с 1920–30-х годов отношение к народным средствам и способам лечения у коренного населения в Карелии стало резко меняться. С одной стороны, это было связано с развитием народного образования и здравоохранения, которые принесли элементы сани-

тарных знаний и подорвали веру людей в целителей. Вместе с тем в обществе велась непримиримая идеологическая борьба против религии и знахарства как одной из форм ее проявления, которая формировала (в первую очередь у молодых людей) представление о традиционном врачевании как занятии вредном, антиобщественном и даже преступном. В результате количество целителей и их пациентов в крае резко сократилось. В настоящее время большинство народных средств лечения у карелов, в сущности, остались в прошлом. О некоторых из них знают лишь женщины пожилого возраста, которые тем не менее предпочитают лечиться в медицинских учреждениях. Изредка в быту применяются обереги и некоторые другие магические средства. Сама же народная медицина как институт комплексного врачевания, где лечению подвергался весь человек в целом, а не только его больное место или болезни, ушла в прошлое. Между тем народная медицина как особый институт, как фактор, влияющий на состояние здоровья этнической группы, далеко не утратила своего сущностного значения. Она входит в число средств оптимальной формы жизнедеятельности, которые этническая группа вырабатывает за длительный период адаптации к особенностям климата, питания, инфекций. Не все эти средства носят сугубо медицинский характер. Например, для здоровья имеет большое значение трудовое поведение членов этнических сообществ. Исследования свидетельствуют, что потеря работы, статус безработного четко коррелируют с повышенной заболеваемостью. Конечно, современное трудовое поведение членов этнических сообществ все больше отражает некую общую социальную установку: желание преуспеть в жизни, обеспечить себя, свое потомство, достичь определенных жизненных благ, исполнить определенную социальную миссию, на понимание которой этническая принадлежность оказывает все меньшее влияние. Однако в условиях нынешней рыночной экономики этническая солидарность используется чаще как дополнительный механизм для более успешной адаптации к рыночным отношениям. Поэтому она более выражена у народов, которые сталкиваются с теми или иными ограничениями в своей самореализации. Как считают исследователи, этническая солидарность в условиях рыночной трансформации сыграла роль особого механизма, который ускорил и облегчил доступ различных этносов к экономической активности, к власти и ресурсам, а значит, отразился на статусе здоровья и благополучия [18].

Этничность оказывает положительное влияние на здоровье через фактор стабильности семьи, которая одновременно влияет и на воспроизводство этничности [19]. Распад семьи в несколько раз увеличивает показатель заболеваемости супругов уже в первый год после развода.

Дети разведенных родителей чувствуют себя менее здоровыми, чем выросшие в прочных семьях. Исследования роли социально-экономических условий в физическом развитии детей показывают, что наибольшее влияние на ростовые процессы детей оказывает семейный способ приготовления пищи, а на их смертность – уровень образования матери [9].

Эти и другие аспекты влияния этничности на здоровье деманстрируют, насколько важным является дальнейшее изучение данной темы. Глубокое изучение и осмысление роли традиционной медицины позволит лучше выявить связь здоровья с географической средой обитания, экологическими и биогеографическими особенностями народов. Учет среды обитания этноса может помочь точнее определять причины возникновения региональных заболеваний и специфические для этой местности гигиенические традиции и лечебные средства – все, что формирует психические и физиологические различия адаптации этнических групп различных регионов.

Необходимо учитывать этничность в практической медицине. Этничность и культура могут

влиять на оценку субъективного опыта болезни, а качество жизни, боль, норма могут дифференцироваться в различных группах, в результате чего сами эти группы различаются по частоте, длительности и тяжести однотипных заболеваний. В то время как многие средства исследования здоровья адаптированы как инвариантные для разных культур, проблема изучения этничности обнаруживает необходимость их более детального разграничения. Это особенно очевидно при идентификации инфекционных или психических заболеваний.

В сфере управления здоровьем следует обратить внимание на то, что состояние здоровья населения регулируется в соответствии с определенными представлениями и эталонными образцами, имеющими сугубо национальную (или этническую) специфику. Они составляют определенный уровень системы регуляции, где в качестве регуляторов выступают национальные образцы и этнические стереотипы, которые условно могут быть объединены в «локальные» эталоны здоровья конкретных национальных или этнических групп.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев Е. М. Возможные причины колебаний продолжительности жизни в России в 90-е годы // Вопросы статистики. 2002. № 11. С. 3–15.
2. Арутюнян Ю. В. Русский этнос: демографические изменения и востребованность межэтнической интеграции // Социологические исследования. 2010. № 12. С. 42–48.
3. Барсов Е. В. Черты к психологии Олонецкого народа: язык, пословицы, заговоры // Олонецкие губернские ведомости. 1867. № 10. С. 13.
4. Виноградова С. В. Образ здоровья и болезни в культуре русского этноса. Волгоград: Изд-во ВолГМУ, 2006.
5. Виноградова С. В. Этнические проблема здоровья и болезни как предмет исследований в социологии медицины: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. Волгоград, 2007.
6. Гомбоева Н. Г. Адаптированность коренного населения к региону проживания [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.sibcity.ru/index.php?news=369_64&line=2
7. Гумилев Л. Н. Этносфера: История людей и история природы. М.: Экопрос, 1993. 544 с.
8. Казначеев В. П. Очерки теории и практики экологии человека. М.: Наука, 1983. 260 с.
9. Кураев Г. А., Пожарская Е. Н. Этнические особенности традиционной медицинской культуры // Валеология. 1999. № 3. С. 4–11.
10. Неравенство и смертность в России: Коллективная монография / Под ред. В. Школьников, Е. Андреева и Т. Малевой. М.: Сигнал, 2000. 107 с.
11. Никольская Р. Ф., Сурхаско Ю. Ю. Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1994 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vottovaara.ru/karelia/obrad/med.html>
12. Нилов В. М. Социология здоровья этноса // Север. 2007. № 5–6. С. 145–151.
13. Очерки истории Карелии. Т. 1. Петрозаводск: Госиздат КАССР, 1957.
14. Проект «Социальные изменения и здоровье финно-угорских народов Республики Карелия», финансируемый РГНФ, № 05-03-33940. Науч. руководитель В. М. Нилов.
15. Соколовский С. В. Понятия «этническое меньшинство» и «малочисленный народ» в социальных науках // Подходы к изучению этнической идентификации. Вып. 1. М., 1994. С. 27–28.
16. Сусоколов А. А. Структурные факторы самоорганизации этноса // Расы и народы. Вып. 20. М.: Наука, 1990. С. 5–39.
17. Татков О. В. Социальные аспекты адаптации россиян (Здоровье жителей России как национальная идея) // Electron's scientific seminar [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.elektron2000.com/tatkov_0051.html
18. Тишков В. Рыночная экономика и этническая среда // Общество и экономика. 2005. № 12. С. 20–37.
19. Ушаков Д. А. Роль семьи в воспроизводстве этничности народов Республики Алтай // Социологические исследования. 2009. № 3. С. 101–108.
20. Шабунова А. А. Здоровье населения в России: состояние и динамика. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2010. 408 с.
21. Sockerham W. C. Health and Social Change in Russia and Eastern Europe. New York; London: Routledge, 1999. 284 p.
22. Race, Ethnicity, and the Health of Americans. Sydney S. Spivack Program in applied social research and social policy. ASA Series on how race and ethnicity matter. July, 2005. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.asanet.org/images/research/docs/pdf/race_ethnicity_health.pdf

НАТАЛЬЯ АНДРЕЕВНА ЛАПКИНА

младший научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (г. Москва)
journal@iea.ras.ru

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ В ДИСКУРСЕ ЭТНИЧНОСТИ

Статья направлена на исследование презентации в глобальной сети информации с этническим характером. Особое внимание уделяется интеллектуальным ресурсам, способным за счет достоверного контента не только противостоять этнонационалистическому дискурсу этничности, но и прививать молодежи как основному пользователю сети идеи межкультурного уважения, толерантности и нациестроительства. В статье затрагиваются проблемы этнической журналистики и профессионального освещения этнических вопросов.

Ключевые слова: электронные СМИ, этническая журналистика, дискурс этничности, глобальная сеть, нормы межкультурного диалога

ОБ АКТУАЛЬНОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ

Глобальная сеть в настоящее время является наиболее активно развивающимся видом коммуникации с характерным только для нее распространением на новые территории, вовлечением широкого круга пользователей, всесторонним освещением жизни человека, включая и ранее закрытые для массмедиа потаенные темы и проблемы. Фактически она стала одним из способов превращения человеческого сообщества в «глобальную деревню». При очевидных плюсах интернет-технологий невозможно не увидеть и отрицательные характеристики интернет-пространства, такие как публикация бесконтрольной и безответственной информации, поощряющей пороки, провоцирующей агрессию и этническую нетерпимость.

В этой связи возрастает значение привлечения в интернет-системы ресурсов, содержащих действительно интересную и правдивую социально-позитивную информацию, направленную на распространение идей миротворчества и общепринятых принципов межкультурного диалога, многокультурности и полиэтничности мира, на искоренение экстремизма.

Интернет-издания и информация, представленная в них, становятся все более востребованными, поэтому актуальными являются и вопросы контроля качества представляемых материалов. Уникальность Интернета заключается в том, что он объединяет межличностную и массовую коммуникации; вместе с тем распространяемая им информация направлена, как и массмедиа в целом, на определенное конструирование социокультурной реальности [3; 4]. Особенно важными являются качество и легитимность информации в сфере культуры, затрагивающей вопросы этнического, религиозного, социального порядка, поскольку такого рода информация может

значительно влиять на формирование мышления, способов восприятия окружающих культур и народов, может распространению как идей экстремизма, так и норм толерантного поведения.

В связи с этим актуальность научного анализа интернет-ресурсов представляется очевидной. В российской этнологии и антропологии крайне мало исследований, направленных на изучение воздействия *веб-сайтов* на становление и развитие поликультурного пространства, практически нет исследований о значении и влиянии этнической информации в сети Интернет на пользователей. Также нет системных разработанных методологий оценки сайтов по этнической тематике. Однако в свете роста нетерпимости и экстремизма в обществе эти вопросы не могут и не должны оставаться без внимания. Если печатные СМИ и телевидение в большинстве своем не допускают прямой пропаганды этнической нетерпимости, в СМИ постепенно намечается тенденция повышения профессионального уровня журналистов, освещающих этнические конфликты и темы, затрагивающие национальные и религиозные проблемы, то Интернет является практически неконтролируемым пространством, где может быть представлена информация любого характера и достоверности.

ЭТНИЧЕСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА: ИССЛЕДОВАНИЯ, ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ

Отдельные исследования по проблемам этничности в СМИ в отечественной этнологической науке проводились уже в 70-е годы прошлого века. В конце XX века наметилась тенденция к увеличению числа исследований российских ученых, посвященных роли средств массовой информации в формировании стереотипных форм этнических установок и предубеждений. Это связано с осознанием того, что СМИ, особенно Интернет, «не пассивно описывают факты и не

просто отражают этноцентристское единодушие, они помогают создавать и воспроизводить его» [3; 22]. При этом, по мнению исследователей, «журналисты, прежде всего, разделяют преобладающую идеологию своей группы и общества в целом» [4; 21]. Значительная роль в создании и легитимизации этнической нетерпимости также приписывается деятелям СМИ. В связи с этим один из видных российских ученых, изучающих проблемы этничности, академик В. А. Тишков пишет: «За более чем десятилетний период деятельности в области изучения и разрешения конфликтов мы пришли к убеждению, что журналист и медийный деятель являются одним из ключевых акторов в конструировании современных нетерпимости, конфликтов и насилия» [18; 178].

Благодаря этому ученые все больше внимания обращают на такие проблемы, как отражение этнополитических процессов в СМИ, этнические стереотипы в прессе, особенности межкультурной коммуникации по материалам периодических изданий, теоретико-методологические подходы к исследованию проблемы «этничность и СМИ», репрезентация проблем межкультурного взаимодействия в СМИ и ряд других [8]. Начало уделять внимание этой проблематике и руководство страны: ряд исследований проводился в рамках государственных заказов на выяснение роли и значимости репортажей в средствах массовой информации для формирования межэтнического климата в российском сообществе. В частности, международной программой сотрудничества Европейского союза и России ТАСИС в 2004 году разрабатывалась тема «Улучшение межэтнических отношений и развитие толерантности в России». Результаты исследований были изложены и изданы В. К. Мальковой [12]. Явным свидетельством осознания на государственном уровне важности этой проблемы является появление специальных федеральных целевых программ. В вопросах изучения качества освещения этнической информации в массмедиа значительным представляется взаимодействие государственных структур и общественных организаций, таких как центр «СОВА», Центр кавказско-понтийских исследований, НПО ИКС «Диалог» и др.

В ходе исследовательских работ для определения проблемного поля был введен специальный термин – этническая журналистика. Под этнической журналистикой обычно понимаются репортажи в телевизионных и радиопрограммах, публикации в печатных изданиях и на страницах интернет-сайтов об обычаях, традициях, ценностях, психологических особенностях, межэтнических отношениях, различных сферах общественной жизни разных народов и стран [10], [11]. Для СМИ в системе глобальной сети есть отдельный термин – электронная журналистика, или on-line-журналистика, которая обла-

дает своими особенностями и характеристиками [5].

В работах В. К. Мальковой, В. Р. Филлипова, В. И. Следзевского предлагаются собственные методологические и методические подходы к исследованию толерантного и интолерантного потенциала информации, представляемой СМИ и способствующей формированию массового этнического сознания. Исследователи сходятся во мнении, что некоторые издания могут целенаправленно формировать определенное общественное мнение негативного характера при помощи специальных технологий и методов, таких как дезинформация, тенденциозный анализ и метод «смещения акцентов», что, в свою очередь, ведет к манипулированию общественным мнением [16]. Затрагиваются проблемы некомпетентности части сообщества журналистов в освещении этнических тем. В работах, посвященных этнической журналистике, отмечается необходимость повышения уровня журналистской рефлексии в отношении проблематики этничности и мультикультурализма. Последнее особенно важно в связи с участием СМИ в освещении терактов и вооруженных конфликтов. Нередко средства массовой информации сознательно делают акцент на этнической составляющей конфликта, хотя чаще речь идет о противостоянии политических и экономических элит, а не о столкновении народов. «По воле политиков, противниками становятся различные этнические и религиозные группы. <...> Журналисты при освещении конфликтных событий нередко используют искаженные факты, уничижительные этнические стереотипы противника и массу провоцирующих этнических идей» [12; 23].

Часто исследования показывают, что до сих пор существует жесткая зависимость позиции автора от его этнической принадлежности, доминирование в общественном сознании этнической, а не общегосударственной или гражданской идентичности и как результат – отражение только одной из сторон любого общественного явления. Так, в 2002–2003 годах в Казахстане НПО ИКС «Диалог» реализовывало программу «Внедрение принципов этнической толерантности в деятельность казахстанских СМИ». Основной целью программы было «побудить казахстанских журналистов к освещению этнических аспектов жизни общества и научить их приемам и методам толерантной журналистики, способствующей внутренней консолидации граждан» [14].

Признавая теоретические и практические результаты работы по исследованию этнической журналистики, о ее становлении как самостоятельного научного направления стоит говорить только применительно к последним десятилетиям XX – началу XXI века.

Немаловажное значение имеет и переориентация базовых платформ средств массовой ин-

формации, выразившаяся в смещении акцентов от информирования к коммуницированию. Интерактивность и интерактив внедрились в массмедиа как один из основных принципов работы любого издания. Механизмы, лежащие в основе функционирования Интернета, начали преобразовывать структуру СМИ. Особенно велика роль таких системных свойств Интернета, как децентрализация (у него нет и не может быть центра управления), открытость, отсутствие пространственных и временных ориентиров. Это означает, что многие актуальные задачи, лежащие в сфере PR, политтехнологий, экономики, уже не могут эффективно решаться исключительно «информационно (вещательно), необходимо их коммуникационное решение» [5; 6]. Переход к более эффективным технологиям, привнесенным глобальной сетью, сказался и на транслировании этнической информации.

Что касается исследований «этнического вопроса» в электронных изданиях, то по данной проблематике работ пока мало. До сих пор исследования, посвященные этнической журналистике, касались прежде всего печатных СМИ, в меньшей степени массмедиа и практически не затрагивали электронные средства массовой информации. На VI Конгрессе этнографов и антропологов России, проходившем в Санкт-Петербурге в 2005 году, директором МАЭ РАН Ю. К. Чистовым была организована пробная секция, посвященная интернет-технологиям и интернет-изданиям в области этнологии, на которой началось обсуждение проблем, связанных с этнологическими электронными ресурсами и освещением этнической тематики в электронных СМИ. В основном секция свелась к репрезентации уже имеющихся ресурсов по обозначенной тематике. Программа VII и VIII Конгрессов уже не предусматривала такую секцию, видимо, по причине недостаточной проработки проблематики этнического в интернет-изданиях. В статье уделено внимание различным научным семинарам, конференциям и исследовательским проектам. Это обусловлено тем, что методика анализа этнической проблематики в СМИ не так давно разрабатывается российскими учеными, нет достаточно количества монографий и специализированных изданий, и основную информацию можно получить именно из сборников, изданных по результатам научных мероприятий, из отчетов по проведенным исследованиям в сети Интернет.

Таким образом, изучение репрезентации этничности в Интернете представляет собой актуальное и вместе с тем малоработанное направление исследований. Наметим возможные пути его развития.

ДИСКУРСЫ ЭТНИЧНОСТИ В ГЛОБАЛЬНОЙ СЕТИ

Уже сейчас можно говорить о том, что в Интернете конструируется свой дискурс этнично-

сти, причем языки этого конструирования очень различны, вплоть до придания диаметрально противоположного значения одним и тем же словам. В качестве ключевых понятий в Рунете часто используются традиционные академические термины, что внешне сближает язык дискурса этнонационализма с языком профессиональных этнографов и антропологов. Кроме того, многие тексты, несмотря на основное звучание в виде лозунгово-призывной эстетики, ссылаются именно на серьезные научные исследования, тем самым создавая образ легитимного знания. Отметим также тот факт, что современная концепция этничности «обращает внимание на ее процессуальную (социально конструируемую) природу, подвижный и многокультурный характер современных обществ, на практическое отсутствие культурных изолятов» [18; 229].

В рамках поставленной проблематики больший интерес представляют прежде всего интеллектуальные веб-сайты, то есть ресурсы, основанные на научном или близком к научному подходе и материале.

В целом необходимо отметить следующую тенденцию развития ресурсов с этнической тематикой в глобальной сети: сайты в основном появляются спонтанно, бессистемно и какой-либо их структурированности или общей базы не существует. Отдельными ресурсами делаются попытки в виде каталога ссылок представить некоторое количество существующих веб-изданий по этнологии и антропологии [2], но это скорее случайный список сайтов, нежели конкретный проработанный мониторинг. И здесь можно согласиться с И. Каспэ, что подборки ссылок не только и, возможно, не столько отражают представления о неком явлении в Интернете, но в значительной мере формируют их [6; 15–34]. Некоторые веб-сайты с этнической тематикой сотрудничают друг с другом, но это в основном относится к сайтам тех организаций, которые взаимодействуют «в реале», в большинстве же случаев контакты заключаются только в наличии перекрестных ссылок.

Мониторинг и создание общероссийской базы сайтов по культуре, этнологии и антропологии и их тесное взаимодействие – насущная и актуальная задача. Деятельность ряда сайтов является официальной, но это главным образом касается сайтов научных, государственных или других институтов и учреждений либо сайтов, финансируемых из государственных или благотворительных фондов.

Поскольку «глобальная компьютерная сеть благодаря сложности ее регулирования государством, оперативности в доступе к информации, легкости публикации, возможности сохранять анонимность и т. д. выступает мощным инструментом разжигания расовой ненависти и нетерпимости, придания межэтническим отноше-

ям конфликтогенного характера» [9], интеллектуальные веб-сайты приобретают особую значимость для создания некоего информационного противовеса.

Одной из целей, стоящих перед интеллектуальными веб-сайтами с этнической тематикой, на наш взгляд, является создание привлекательного и понятного образа науки, объяснение научной терминологии, в том числе понятий «этничность» и «нация», презентация этнического многообразия мира и, в частности, нашего государства, а также, что немаловажно, пропаганда идей межкультурного диалога и толерантности. Именно интернет-издание обладает реальной возможностью воздействия на сознание граждан, привлечения общественности к реализации приоритетных национальных проектов, направления усилий на решение актуальных задач общественного и государственного развития, нацстроительства, утверждения национальной идентичности.

В заключение хочется заметить, что при неопоримой необходимости грамотного освещения

событий с этнической составляющей, аккуратного транслирования этнических материалов не должно быть перегибов в другую сторону, когда под предлогом идей толерантности нивелируются этнические и культурные различия, когда полностью устраняются любые упоминания об этнической, религиозной, культурной идентичности, когда только за использование этнозначимой характеристики или термина можно быть обвиненным в разжигании межнациональной розни. Представляется необходимым сохранить баланс в транслировании и анализе этнически насыщенной информации как в СМИ, так и в пространстве Интернета. В ходе исследования намечились новые проблемы и задачи, связанные с тематизацией этничности в Интернете, такие как возможность конструктивного диалога различных онлайн-дискурсов этничности, анализ объекта и субъекта этнической идентичности, экспертная оценка адекватности этнической коммуникации и др. Все эти вопросы требуют дальнейших разработок и они будут продолжены в формате последующих работ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Асмолов А. Формирование установок толерантного сознания как теоретическая и практическая задача // Российская пресса в поликультурном обществе: толерантность и мультикультурализм как ориентиры профессионального поведения (материалы исследований и научно-практической конференции) [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.inguk.ru/biblio/multi/1_asmolov.html
2. Африкана [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.africana.org
3. Дьякова Е. Г., Трахтенберг А. Д. Массовая коммуникация и проблема конструирования реальности: анализ основных теоретических подходов. Екатеринбург: УрО РАН, 1999. 130 с.
4. Зверева Г. И. Националистический дискурс и сетевая культура. Риторика «своих» и «чужих» в публичной политике, прессе и гуманитарной науке // Pro et Contra. 2006. Сентябрь – октябрь. С. 25–39.
5. Каспэ И. Представление истории и представления об истории в русском Интернете // Исторические исследования в России-II. Семь лет спустя. М.: АИРО-XX, 2003. С. 15–34.
6. Кожевникова Г. Язык вражды в СМИ после Беслана: Поиски врага и ответственность журналистов // Библиотека Центра экстремальной журналистики [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.cjes.ru/lib/content.php?content_id=7384&category_id=4
7. Колесов В. И., Кочергин А. А. Дискурс этничности в Краснодарской прессе (результаты пилотажного исследования) // Бюллетень: Антропология, Меньшинства, Мультикультурализм. Вып. 4 (ноябрь 2003 г.). Краснодар: ООО «РАЙФ», 2003. С. 6–16.
8. Калмыков А., Коханова Л. Интернет-журналистика. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. 383 с.
9. Макаров А. В. Репрезентация масс-медиа этносферы Республики Беларусь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ethnonet.ru/ru/pub/2006-05.html>
10. Малькова В. К. Москва – многокультурный мегаполис. М.: Оргсервис, 2004. 216 с.
11. Малькова В. К. Этнические аспекты журналистики. Из опыта анализа российской прессы. М.: Информполиграф, 2004. 280 с.
12. Малькова В. К., Остапенко Л. В. Этническая журналистика и проблемы толерантности // Пресса и этническая толерантность: Пособие для журналистов. М.: Бонфи, 2001. С. 23–25.
13. Пресса и этнические стереотипы: круглый стол в Ставрополе [Электронный ресурс]. Режим доступа: xeno.sova-center.ru/213716E/21398CB/485C596
14. Программа «Этническая толерантность в СМИ» [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.ethnodialog.org/Tolerant.html
15. Рубел П., Чегринец М. Исследовательские стратегии в современной американской культурной антропологии: от «описания» к «письму» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.soc.pu.ru/publications/jssa/1998/2/7chegrin.html>
16. Следзевский В. И., Филиппов В. Р., Хабенская Е. О. Аналитический отчет о результатах исследования «Преодоление ксенофобии в СМИ» / Российская академия наук, Центр цивилизационных и региональных исследований [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.igpi.ru/bibl/-other_articl/1101820840.html
17. Тишков В. А. СМИ и ксенофобия // Этно-журнал [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ethnonet.ru/ru/pub/1612-04.html>
18. Тишков В. А. Этнология и политика. М.: Наука, 2001. 240 с.
19. Discourse and discrimination / Ed. by Geneva Smitherman-donaldson and Van Dijk. Detroit, 1988. 268 p.

НАДЕЖДА ВЛАДИМИРОВНА КАБИНИНА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания филологического факультета, Уральский государственный университет (г. Екатеринбург)
nadia.nvlad2010@yandex.ru

ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКОЕ ТОПОНИМИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ АРХАНГЕЛЬСКОГО ПОМОРЬЯ

Статья посвящена топонимии прибалтийско-финского происхождения на территории Архангельского Поморья. Анализируются факты топонимического субстрата, выделяются три его языковых источника: карельский язык, финский язык, а также неизвестное ныне древнее прибалтийско-финское наречие.

Ключевые слова: Архангельское Поморье, карельский, прибалтийско-финский, субстрат, топоним, финский, чудь

Архангельское Поморье – территория, прилегающая к беломорскому побережью в пределах современной Архангельской области. В течение многих столетий русское население этого региона проживало совместно с разными финно-угорскими народами, оставившими в Поморье богатый пласт субстратной топонимии.

Согласно результатам предшествующих исследований, Архангельское Поморье относится к ареалу доминирования прибалтийско-финского и саамского топонимического субстрата. В соответствии с картой А. К. Матвеева, отражающей древнее лингвоэтническое членение субстратной топонимии Русского Севера, прибалтийско-финский субстрат количественно преобладает на большей части территории Архангельского Поморья – от низовий Онеги до низовий Северной Двины [11; 330]. Данные этой карты убедительно подтверждаются как многолетними исследованиями самого А. К. Матвеева, так и работами других топонимистов [3], [6], [14], [15], [16], [17]. В то же время эта карта представляет лишь самую общую картину, в связи с чем А. К. Матвеевым обозначена необходимость ее дальнейшей детализации в рамках субрегиональных и микрорегиональных исследований [9]. В настоящей статье представлен опыт такой детализации по отношению к прибалтийско-финскому топонимическому наследию поморского субрегиона.

Говоря о прибалтийско-финском топонимическом наследию Архангельского Поморья, мы традиционно имеем в виду два класса фактов. Первый класс образуют названия, отражающие состояние прибалтийско-финских языков, во всех отношениях близкое к современному. Второй класс составляют топонимы, в которых современные прибалтийско-финские черты совмещаются с неизвестными ныне фонетическими или морфологическими явлениями. Разумеется, в целом граница между этими классами не может

быть строгой, поскольку количество различных сигналов относительно невелико.

Для прибалтийско-финских топонимов первого класса на территории Поморья выявляется достаточно широкий ряд дифференцирующих детерминантов и топооснов. Несмотря на значительные масштабы калькирования, сказавшегося в колоссальном количественном преобладании полукалек над полными названиями, в составе 40 исторических и современных топонимов Поморья отражено 16 прибалтийско-финских детерминантов. Для большей их части (*-ванга*, *-коски*, *-кула*, *-ламба*, *-луда*, *-ма*, *-матка*, *-орга*, *-пуга*, *-ранда*, *-салма*, *-сари*) имеются уже установленные этимологии [10; 186–292], поэтому в данной статье мы приведем только нерассматривавшиеся ранее детерминанты.

-бураки (в названии луга *Тирибураки*) ~ фин. *purakko* ‘сырое место; озерцо, лужа’, карел. *purakko* ‘ручей’ [21; 437].

-нева (в названии *Иркисневое Болото*) ~ фин. *neva* ‘открытое или безлесное болото; зыбун, покос на болоте; трясына; река’, карел. *neva* ‘вода, водоем (озеро, река, море); болото’ [21; 215].

-санга (в названиях покосов *Воесанга* и *Сивасанга*) ~ фин. *sanka, sanga* ‘ручка, дужка’, ижор. *san̄ka* ‘стожар’, вод. *san̄ka* ‘ручка, дужка; крюк’, эст. *sang* ‘ручка, дужка’ [22; 154] – в топонимии ‘покос в излучине реки, луг’.

-тера (в названии покоса *Силостера*) ~ фин. *tiera, tiero* ‘невыгоревшее место на подсеке; незасеянный, невспаханный или заросший участок поля; клочок поля; маленький островок леса’, *tiere* ‘невыгоревшее место на подсеке’, ливв. *tiero, t'iero* ‘невыгоревшее место на подсеке; небольшой участок земли; открытое место’ [19; 1284].

С точки зрения географии прибалтийско-финские детерминанты представлены в Архангельском Поморье повсеместно, за исключением Зимнего берега; наибольшей слабостью прибалтий-

ско-финского следа отличается смежная с Зимним берегом территория низовий Мезени. Этой картине в целом соответствует и распределение дифференцирующих топооснов (всего более 200). В итоге зонами максимальной концентрации прибалтийско-финской топонимии оказываются низовья рек Северная Двина и Онега, а также Онежский полуостров. К востоку от Северной Двины плотность прибалтийско-финской топонимии заметно снижается.

Дифференциация прибалтийско-финских данных по языкам и диалектам во многих случаях невозможна или затруднительна в силу межъязыкового фонетического и смыслового сходства исходных апеллятивов. Тем не менее по имеющимся различительным сигналам возможно заключить следующее:

1. Дифференцирующие вепские и людиковские элементы не представлены.
2. Для значительной части поморских топонимов устанавливается представленная в каждом случае с различной полнотой связь с финскими / карельскими / карельско-ливвиковскими апеллятивами.
3. Часть топонимов интерпретируется на основе только финских данных, иногда – в сочетании с данными других прибалтийско-финских языков, но не карельского и вепского.

Наиболее определено в прибалтийско-финском топонимическом наследии Архангельского Поморья выделяется карельский компонент. Его представляют как очень частотные, типовые для карельского языка топоосновы, так и редкие, но ярко дифференцирующие: **Виртанец**, ручей ~ карел. *virtaŋi* ‘быстрый, стремительный’ [11; 123], **Ничи**, покос и **Нючи**, покос ~ карел. *nyttšä* ‘кусочек, отрезок’ [21; 248], **Орехозеро**, озеро и **Орехручей**, ручей ~ карел. *orih, o’ih, o’eh* ‘жеребец, мерин’ [11; 56], **Петросара**, ручей и **Петрручей**, ручей ~ карел. *petra* ‘дикий северный олень’ [11; 57], **Пичкозеро**, озеро ~ карел. *pišukka* ‘маленький’ [21; 375] и др. Эти данные хорошо согласуются с другими топонимическими фактами – прежде всего с тем, что с самого начала письменной истории Архангельского Поморья в составе ряда местных топонимов фигурирует этноним *карелы* (*корелы*). Впервые он проявляется в комплексе названий 1-й четверти XV века, относящихся к низовьям Северной Двины: **Никола-Карельский монастырь**, **Карельской наволо**, **Карельское устье**. Кроме нижнего Подвинья топонимические следы этнонима засвидетельствованы в низовьях Онеги (деревня **Карельская**, покос **Карелка**) и на Летнем берегу, в бывших вотчинах Соловецкого монастыря Яреньге и Лопшеньге (поле **Карельский Наволок** и покос **Карельский Сузёмок**). Приведенные топонимические факты, а также сведения, собиравшиеся историками, позволяют судить о присутствии карел почти на всей территории Поморья – правда, не

обязательно в качестве аборигенного, то есть в полном смысле дорусского населения. Так, деятельность Соловецкого монастыря способствовала довольно поздним миграциям беломорских карел на восток, наряду с ними, согласно данным Т. А. Бернштам, в течение XVII–XVIII веков карельское население двигалось в Архангельское Поморье и из Зонежъя, причем и те, и другие быстро обрусевали на поморских землях [1; 56–59].

Более сложен вопрос о собственно финском компоненте поморской топонимии. В этой связи прежде всего отметим, что к востоку от Северной Двины дифференцирующих финских элементов практически нет, однако в центральной и западной частях региона засвидетельствовано 20 топонимов, основы которых ныне имеют апеллятивные параллели только в финском языке, иногда также в ижорском, эстонском, ливском, водском языках. Более половины из них (12 топонимов) локализованы в низовьях Онеги (включая Онежский берег), ср.:

Азика, река ~ фин. *asikko, asikka* ‘небольшой лосось, таймень’ [20; 86].

Мятозеро (1), озеро – **Мяторучей**, ручей; **Мятозеро (2)**, озеро ~ фин. *mätä* ‘гнилой’ (~ ижор., вод., эст.) [6; 58].

Ниркомина, покос ~ фин. *nirkko, nirko* ‘острие, кончик, уголок’ (~ вод.) [21; 223].

Нюя, мыс – **Нюозеро**, озеро ~ фин. *nyhä* ‘уголок, выступ; бугорок’ [21; 246].

Рубозеро, озеро – **Рубручей**, ручей ~ фин. *ripa* ‘грязь, ил’ [6; 46].

Сатанцы, тоня ~ фин. *satama* ‘гавань’ (~ ижор., эст., лив.) [22; 160].

Холка, протока – **Холкозеро**, озеро ~ фин. *holka* ‘желобок’ [13; 120].

К нижнеонежским «финским» фактам относятся и два детерминанта: **-ванга**, известный в составе 9 топонимов (~ фин. *vanko* ‘длинный шест с крюком на конце’, лив. *vanga* ‘береговой луг’, эст. *vang* ‘рукоятка, ручка; изгиб’ [19; 1635–1636]), и **-санга**, отмеченный в составе двух топонимов (~ фин. *sanka, sanga* ‘ручка, дужка’, ижор. *saŋka* ‘стожар’, вод. *saŋka* ‘ручка, дужка; крюк’, эст. *sang* ‘ручка, дужка’ [22; 154]). Кроме того, в низовьях Онеги отмечаются топоосновы, которые имеют карельские и вепские апеллятивные параллели, но при этом наиболее близки к их финским соответствиям. Так, название покоса **Огормина** очевидно ближе к фин. *ohra* ‘ячмень’, нежели к карел. *osra*, люд., вепс. *ozr* [21; 259–260]; название **Месовручей** прямо соотносится с фин. диал. *messo* ‘глухарь’ – при карел. *metišo*, ливв., люд. *metšoi*, вепс. *metsoi* [21; 163].

Наконец, в нижнеонежской зоне зафиксированы указывающие на финнов саамские названия на **Роч-** (река **Роча** / **Рочева**, озеро **Рочозеро**, ручей **Рочев**) – ср. саам. *rüö³ts⁴* ‘финн’, *rüö³ts⁴*

‘финн; швед’ [18; 459], а также исторический ойконим *Гамьская деревня*, который может быть связан с субэтническим именем *häte*, восходящим к одноименному названию одной из областей Финляндии. На финнов могут указывать и два идентичных топонима *Мугалы* (ныне части сел Кянда и Тамица), сопоставимые с карел. *tuukali*, люд. *tūgali* ‘из другой стороны, чужой, незнакомый’ [6; 44–45].

Все эти совпадения, видимо, неслучайны и действительно указывают на то, что в низовьях Онеги и на Онежском берегу проживали ранее отдельные группы финского населения. Судя по тому, что в названиях на *Роч-* и *Гам-* финны обозначены нейтрально, а легенды о *чуди* в селах нижней Онеги неизвестны, это финское население воспринималось соседями именно как финское, а не «чудское». Следы, оставленные этим населением, фиксируются главным образом в микротопонимии, поэтому вряд ли возможно говорить об очень глубокой древности всего слоя нижнеонежских «финских» названий. Их сравнительно недавнее происхождение косвенно подтверждается и тем, что, кроме названий на *Роч-* и *Гам-*, ни один из названных выше топонимов не фигурирует в исторических документах.

К востоку от Онеги (преимущественно в низовьях Северной Двины и в восточной части Летнего берега) «финские» факты представлены 8 названиями, 5 из которых известны по ранним историческим источникам:

Питара, река / *Змиевка* (известна с XVI века) ~ фин. диал. *pītee, pitin, pittiin* ‘змея’ [3; 111].

Питяево, деревня (известна с XVII века) ~ фин. *pitäjä, pit(t)ää, pitäjäs* ‘сельская община’ [21; 379].

Поврокула, деревня, *Повракурья*, река (известны с XVI века) ~ фин. *peura* ‘олень’ (соответствия в других прибалтийско-финских языках имеют иной фонетический облик) [21; 346].

Сетигоры, деревня (известна с XVI в.) ~ фин. *setä* ‘дядя’ (~ ижор.) [11; 67].

Сяск, остров ~ фин. *sääksi, sääskeläinen* ‘чайка-рыболов’ (~ эст.) [22; 244].

Хавзюга, река ~ фин. *hauki, haues-, hauis-* ‘щука’ (соответствия в других прибалтийско-финских языках имеют иной фонетический облик) [20; 147].

Химбол, озеро ~ фин. *himmeä, himpeä* ‘тусклый, мутный’, *himi, hitu, himpi* ‘сумрачный, темный’ (~ эст.) [20; 164].

Как можно видеть, «финская» топонимия двинских низовий и восточной части Летнего берега отличается от нижнеонежской в двух существенных отношениях: во-первых, она гораздо шире фиксируется в ранних исторических источниках, во-вторых, ее в значительной мере представляют гидронимы. Оба эти обстоятельства позволяют полагать, что «финская» топонимия низовий Северной Двины и восточной части Летнего берега в сравнении с онежской более древ-

няя. Это, в свою очередь, означает, что ее собственно финское происхождение оказывается под вопросом, поскольку в «финских» по виду фактах могут быть отражены древние прибалтийско-финские данные или совпадающие с финскими данные вымерших прибалтийско-финских наречий Поморья. Это тем более вероятно, что рассматриваемая зона, по русским преданиям, связана с *чудью* [2], [7], а по топонимическим саамским сигналам – с неким этносом, который был враждебен саамам: ср. названия реки *Чуда*, деревни *Чужгора* и поля *Читомина*, которые мы связываем с саам. диал. *išuddē, tš’uddē, tš’idŋe* ‘враг, неприятель (в преданиях)’ [18; 682].

Для прояснения картины необходимо рассмотреть географическое соотношение вышеприведенных «финских» фактов с топонимами второго класса, в которых известные ныне прибалтийско-финские черты совмещаются с неизвестными. Эти топонимы возможно выделять по нескольким фонетико-морфологическим основаниям, которые уже установлены в предшествующих исследованиях: 1) соответствие субстр. *a* ~ приоб.-фин. *e*; 2) соответствие субстр. *i, e* (> русск. *ы*) ~ приоб.-фин. *i, e*; 3) соответствие субстр. *č* (> русск. *ч*) ~ приоб.-фин. *s, š*; 4) совмещение прибалтийско-финских основ с гидроформантом *-Vm(a)*, который неизвестен в современной прибалтийско-финской топонимии, хотя и фиксируется в некоторых старых названиях на исторических прибалтийско-финских землях.

Как оказывается, все эти явления характеризуют именно интересующую нас зону – низовья Северной Двины и прилегающую к ним восточную (до залива Унская губа) часть Летнего берега. Приведем соответствующие факты в указанном выше порядке.

1. Соответствие субстр. *a* ~ приоб.-фин. *e*.

Падростров, остров; *Падракур*, остров; *Патрукула*, деревня истор.; *Падрокурья*, деревня истор. ~ карел. *petra, pedra*, ливв. *pedru*, люд. *pedr, pedru*, вепс. *pedr, p’edr* ‘дикий северный олень’ [3; 107–108].

Хаймусово, покос; *Хаймы*, покос ~ фин., карел., ливв. *heimo* ‘род, племя’, люд. *heimokund* ‘род’, вепс. *him, heim* ‘родня, родственники’ (~ вод. *ĕimo* ‘род’, эст. *hõim* ‘племя’, лив. *aim* ‘семья, домочадцы’) [3; 120].

2. Соответствие субстр. *i, e* (> русск. *ы*) ~ приоб.-фин. *i, e*.

Кырбасова, река истор.; *Кырвозеро*, озеро ~ фин., карел., люд. *kirves*, вепс. *kirvez, kervez* ‘топор’ [20; 373].

Лындевера, покос; *Лындога*, река ~ фин., карел. *lintu*, люд. *lind(u)*, вепс. *lind* ‘птица’ [11; 48–49].

Тырва, ручей истор.; *Тырвуя* ~ фин., карел. *terva* ‘смола’, *tervas* ‘смолье’, люд. *t’erv* ‘смола’, *tervas* ‘смолистое (дерево)’, вепс. *t’erv, t’ervaz* ‘то же’, эст. *tõrv* ‘смола’ [11; 70–71].

3. Соответствие субстр. *č* (> русск. *ч*) ~ приб.-фин. *s, š*.

Кумчукурья, река *истор.*; **Кунчезеро**, озеро ~ фин. *kumsi* 'один из видов форели', карел. *kumpši* 'небольшой озерный лосось, малек лосося' [3; 100].

Чиглоним, мыс *истор.* ~ фин. *siula* 'крыло невода', карел. *šikla, šigla, šigla, sikla*, ливв. *siglu, sigli, šiglu* 'голова невода; передняя часть невода', люд. *sigl* 'крыло невода' [3; 122–123].

4. Приб.-фин. основа + гидроформант *-Vm(a)*.

Казомас, залив; **Казомас**, озеро; **Казомась**, часть озера; **Казамас**, залив ~ фин. *kasa* 'кончик, уголок', карел. *kaža, kad'ž'a*, ливв., люд., вепс. *kaza* 'угол (кончик) топора' [4]. В поселениях при Унской губе *казамас / казамус* известно в нарицательной лексике в значении 'залив' [5].

Пексома, река *истор.* ~ фин. *pieksää* 'мешать, помешивать; пахтать; молотить; размягчать; обрабатывать кожу', ливв. *piekseä, piekšä, piekšiä, piekšöä, piekšüä* 'ударять, бить; мешать, сбивать, пахтать; тереть; выделять кожу', люд. *pieksädä, piekstä* 'избить, исхлестать; взбивать, смешивать; обрабатывать (кожу)', вепс. *peksta* 'мешать, взбивать, пахтать' [3; 109–110].

Пурома, протока ~ фин., карел. *puro* 'ручей; небольшая речка' [21; 437], ливв. *puro* 'ручей' [8; 76].

Совпадение ареала «финской» топонимии с ареалом приведенных субстратных названий свидетельствует, по-видимому, о том, что о собственно финнах в двинских низовьях и восточной части Летнего берега говорить не приходится. При интерпретации этого совпадения следует, скорее, полагать, что оба ряда фактов («финский» и субстратный) отражают данные одного и того же прибалтийско-финского языка или очень близких прибалтийско-финских наречий, ныне неизвестных. Возможно, носители этих наречий были в полном смысле аборигенами Поморья, то есть предшествовали на названных территориях как русскому населению, так и другим финно-угорским группам. Взятые в совокупности лингвогеографические и иные данные ведут также к предположению о том, что в двинских низовьях и прилегающей к ним восточной части Летнего берега *чудью* (как с русской, так и с саамской стороны) изначально называлось именно это древнее население.

В связи с проблемой квалификации вымерших прибалтийско-финских наречий Поморья следует вернуться к нижеонежскому субрегиону, в топонимии которого «неизвестные» прибалтийско-финские следы также присутствуют, но по качеству отличаются от нижедвинских.

Прежде всего отметим, что на нижней Онеге практически не представлены те 4 топонимических сигнала, по которым выделяется «чудской»

компонент в двинских низовьях и на Летнем берегу. При этом, однако, в нижеонежском субрегионе концентрированно представлены названия на **Хайн-** (4 топонимических гнезда) и **-шалга** (9 названий), которые, будучи, очевидно, прибалтийско-финскими, по своему фонетическому облику не могут сегодня считаться ни финскими, ни карельскими.

По отношению к названиям на **Хайн-** обычно предполагается, что они отражают ранний прибалтийско-финский вокализм (**šaina*: ср. эст. юж. *hain*, лив. *āina* 'трава, сено' при фин., карел. *heinä*, люд. *heij*, вепс. *hein, hīn* 'то же' [11; 73–74]). Это предположение, иллюстрируемое приведенным рядом фонетических соответствий, кажется совершенно исчерпывающим, однако топонимический материал нижней Онеги позволяет внести в осмысление этой гипотезы некоторые детали.

Как было показано выше, нижеонежский субрегион примечателен не только наличием «финских» топонимов, но и тем, что для значительной их части апеллятивные соответствия обнаруживаются в финском и южноприбалтийско-финских языках, но не в карельском и вепсском. Это, на наш взгляд, позволяет полагать, что финны нижней Онеги (по крайней мере, некоторые их группы) говорили на «переходных» финских диалектах, которые исторически формировались в близком соседстве с южноприбалтийско-финскими языками. Особого внимания в связи с этой гипотезой заслуживают не только топонимы на **Хайн-** (ср. эст. юж. *hain*), но и названия с детерминантом **-шалга**.

А. К. Матвеев предположительно возводит этот детерминант к особому языку, в котором существовал термин **šalg(a)*, сопоставимый с приб.-фин. *selkä* 'спина; горный кряж' при учете соответствий приб.-фин. *e* ~ субстр. *a* и приб.-фин. *s (š)* ~ субстр. *u*; первая часть этой гипотезы, впрочем, не подтверждается необходимыми соответствиями в прибалтийско-финских языках южной группы [10; 226–228]. В объяснении этого противоречия кажется очень существенным то обстоятельство, что поморский ареал детерминанта **-шалга** точно совпадает с зоной распространения «финской» топонимии. Это позволяет предполагать, что в местном переходном финском наречии имелся термин, близкий к эст. юж. *sälg*, лив. *sälga* > русск. *шалга* через вероятное карельское посредство.

Интересно, что в некоторых топонимах нижней Онеги можно усматривать и другие южно-прибалтийско-финские диалектные черты. Например, в названии болота **Хайнора** к южно-прибалтийско-финским данным близка не только основа, но и детерминант, ср. лив. *jāra, jōra*, эст. диал. *jāri* 'озеро' [20; 259], а название **Маруванга**, устойчиво фиксируемое историческими источниками именно в этой форме («поженка

Мариванга», сейчас *Мареванга*, *Марьянга*), соотносится с эст. *tari* 'ягода' при *tarja* в фин., ижор., карел. [21; 149] и упомянутым выше лив. *vaŋga* 'береговой луг', эст. *vang* 'рукоятка, ручка; изгиб' [19; 1635–1636].

Если соотнести эти наблюдения с историческими данными, то картина «финской» топонимии низовой Онеги в хронологическом отношении оказывается достаточно сложной. В этом субрегионе, вероятно, есть сравнительно поздние финские названия (например, не фиксируемые историческими документами микротопонимический субстрат), возникшие не ранее XVII века, которым историки датируют связанное со шведской агрессией расселение финнов в Беломорье [1; 56–58]. В то же время миграции финнов в низовья Онеги могли происходить значительно раньше, на что указывают прежде всего названия *Рочев ручей* и *Мариванга*, фиксируемые уже в середине XVI века – в конце этого столетия в топонимии западной части Поморья документами фиксируется и *шалга* (в роли термина или топонима, ср. «под шалгою коса», «пжни подшаложные» [12; 241]).

Как по языковым, так и по историческим показателям возможно полагать, что ранние (до

XVII века) миграции финнов были направлены в Поморье с юго-запада из областей, прилегающих к Финскому заливу. При наличии диалектных особенностей, сближающих это население с эстами, ливами и водью, оно являлось финским, а не «чудским»; по крайней мере, в языковом отношении оно существенно отличалось от нижнедвинской *чуди*.

Итак, картина, представленная выше, со всей очевидностью свидетельствует о пестроте древнего прибалтийско-финского населения Архангельского Поморья. При том что основную часть этого населения составляли карелы, топонимический след в Поморье оставили по меньшей мере еще два прибалтийско-финских сообщества: в низовьях Онеги – население, близкое к собственно финнам, в низовьях Северной Двины – неизвестный ныне этнос, отличавшийся от других прибалтийских финнов рядом языковых черт.

Исследование выполнено при поддержке госконтракта 14.740.11.0229 в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (тема «Современная русская деревня в социо- и этнолингвистическом освещении»).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бернштам Т. А. Поморья. Формирование группы и система хозяйства. Л.: Наука, 1978. 175 с.
2. Ефименко П. С. Заволоцкая чужь. Архангельск: Губернская типография, 1869. 147 с.
3. Кабинина Н. В. Топонимия дельты Северной Двины: Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1997. 183 с.
4. Кабинина Н. В. К этимологии субстратного географического термина *казамус* // Финно-угорское наследие в русском языке. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. С. 154–156.
5. Картотека словаря говоров Русского Севера (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета).
6. Киришева Т. И. Русская топонимия финно-угорского происхождения на территории Онежского полуострова: Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006. 171 с.
7. Крестинин В. А. Краткая история о городе Архангельском. XVIII. СПб.: Императорская академия наук, 1792. 264 с.
8. Мамонтова Н. Н., Муллонен И. И. Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии. Петрозаводск, 1991. 158 с.
9. Матвеев А. К. Субстратная микротопонимия как объект комплексного регионального исследования // Вопросы языкознания. 1989. № 1. С. 77–85.
10. Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. I. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. 345 с.
11. Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. II. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. 369 с.
12. Северный археографический сборник. Вып. 2. Вологда: ВГПИ, 1972. 484 с.
13. Финско-русский словарь / Под ред. В. Оллыкайнен, И. Сало. М.: Русский язык, 1975. 813 с.
14. Шилов А. Л. Чудские мотивы в древнерусской топонимии. М., 1996. 63 с.
15. Шилов А. Л. Заметки по исторической топонимике Русского Севера. М., 1999. 100 с.
16. Шилов А. Л. Соловки // Русская речь. 2001. № 3. С. 87–90.
17. Шилов А. Л. Географические реалии и топонимические этимологии (на примере топонимии Русского Севера) // Вопросы языкознания. 2003. № 1. С. 109–118.
18. Itkonen T. I. Koltan- ja kuolanlapin sanakirja. I–II. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1958. 1236 с.
19. Suomen kielen etymologinen sanakirja. Osa I–VII. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1955–1981. 2293 с.
20. Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. 1. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1992. 486 с.
21. Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. 2. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1995. 470 с.
22. Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. 3. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2000. 503 с.

УДК [392.546 + 398.4] : 398.21

АНАСТАСИЯ СЕРГЕЕВНА ЛЫЗЛОВА

младший научный сотрудник сектора литературы и фольклора Института языка, литературы и истории, Карельский научный центр РАН
alyzlova@rambler.ru

ФУНКЦИИ ПОХИЩЕННОЙ ЖЕНЩИНЫ В РУССКИХ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗКАХ

В работе рассматриваются функции женских персонажей, похищаемых в иной мир, русских волшебных сказок. Оказавшись в потустороннем царстве, героини выполняют ряд действий, связанных с обязанностями жены похитителя. Часто женщины занимаются различными видами рукоделия, имеющими глубокую мифологическую семантику.

Ключевые слова: русские волшебные сказки, похищение женщины, женские обязанности, рукоделие

Коллизия, связанная с похищением женщины, достаточно широко представлена в русской сказочной традиции. Женские персонажи играют в таких сказках не менее значимую роль, чем другие герои (похитители и освободители).

На первый взгляд может показаться, что похищенной женщине в сказках отводится довольно пассивная роль: «Если похищается девушка... и вслед за девушкой отправляется на поиски Иван, то героем сказки является Иван, а не похищенная девушка» [15; 34]. По определению В. Я. Проппа, она оказывается искомым персонажем [15; 67]. В сказочном повествовании женщина, как правило, появляется дважды: во время начальной ситуации (в момент похищения) и в ином мире («во второй раз она вводится, как отысканный персонаж» [15; 71]). Причем во время пребывания в потустороннем царстве женщина становится более активной.

Оказавшись в ином мире, героиня выполняет определенные обязанности. По словам Н. В. Новикова, «круг обязанностей их (пленных женщин. – А. Л.) невелик и необременителен. Чаще всего, сидя у окна в одиночестве, они прядут, шьют или вышивают, встречаются и провожают Кашея (и – добавим – других похитителей. – А. Л.), готовят ему обед, кормят его и т. п.» [14; 203].

Во многих сказках похищенная женщина становится женой похитителя. Подобная ситуация характерна для сюжетов, зафиксированных в СУС [21] под номерами: **311 Медведь (леший, чародей, разбойник) и три сестры**, **552А Животные-зятья** и **552В Солнце, Месяц и Ворон зятья**, **650А Иван медвежье ушко**. Причем в некоторых текстах сюжета **552А=АА 552 Животные-зятья** героиня сама сообщает пришедшему к ней персонажу о своем статусе: «Он заходит в дом, здороваются со сестрой. Вот она опять и говорит: “– Ну, брателко, откуда ты пришел? Я ведь за волком замужем...”» [6; № 1]; «Вдруг выходит его средняя сестра. <...> Мой муж, царь-сокол...» [10; № 62] (выделено нами. – А. Л.). Это

обстоятельство касается прежде всего тех сказок, где происходит исчезновение женщины или где похититель в момент похищения предстает в завуалированном виде. В некоторых случаях героиня оказывается женой «хозяина» иного мира (Змея) в сюжете **310А, В Три подземных царства**: «...отправился (Зорька-молодец. – А. Л.) к младшей сестре. Приходит, та увидела и сразу заплакала: “– <...> У меня муж девятиглавый змей, тебе ни за что с ним не справиться”» [7; № 8] (выделено нами. – А. Л.).

Статус жены подразумевает выполнение похищенной определенных домашних обязанностей. Она готовит для «хозяина» иного мира, убирает в доме, ходит за водой: «И стала она его (Вехоря Вехоревича. – А. Л.) угощать. <...> Напился, нажрался...» [4; № 26]; «Топерь идёт дальше и близко подходит к Кошея жилищам. Подошел близко, то смотрит Елена Прекрасна пошла с ведёрками к речке за водой» [9; № 7]. Примечательно, что в вариантах сказок на сюжет **311 Медведь (леший, чародей, разбойник) и три сестры**, где во власти похитителя оказывается девочка, она также становится хозяйкой в доме: «– Ладно, – сказал медведь, – будь у меня хозяйкой, дом прибирай, пироги пеки, кашу вари, а домой не уходи» [5; № 4].

Своеобразный способ печь блины / оладьи представлен в сказках на сюжет **552В=АА *299 Солнце, Месяц и Ворон – зятья**: «Село Солнце на пол, развела блинную муку дочка (старика. – А. Л.) и поливает на голову, а блинки так и летят с Солнца, так и летят, да такие мягкие, румяные, масляные» [7; № 5].

Показательно, что, например, во всех сказках о медведе и трех сестрах (СУС **311 Медведь (леший, чародей, разбойник) и три сестры**) умение героини печь пироги оказывается сюжетообразующим элементом: «Старша сестра придумала посадить меньшу сестру в мешок, отправить к отцу. И говорит медведю: “Мишенька, свежию батюшку гостинеч, я перог испеку. Смотри не съешь перога”» [8; № 55].

Еще одно занятие женщины, особо подчеркиваемое сказками, – поиск вшей у похитителя: «Приходит Кощей, пообедал, да лёг спать, а эту королеву заставил у себя на голове искать» [8; № 167]. В сказке из сборника, составленного О. Э. Озаровской, похищенная мать героя обращается к Вехорю Вехоревичу со словами: «“– Давай, я лучша тебе покопаю: ты весь заишикала-ся”. Стала она копать, он заснул, запышел, захрипел» [4; № 26]. Примечательно, что в одном из рассмотренных текстов подобная функция женщины имеет преувеличенный характер: «Видит (Иван-Кобылин сын. – А. Л.): змей лежит у царской дочери на коленях. Во всех двенадцати головах она ищет» [10; № 45]. А. В. Гура отмечает, что «в народном этикете искание вшей воспринималось как полезное и даже богоугодное занятие: например, в знак гостеприимства было принято искать вшей у гостя, у странствующих старцев – Божьих людей» [12; 447]. В проанализированных нами сказках героиня ищет вшей у похитителя, чтобы усыпить его бдительность.

Очень часто в сказках сообщается, что женщина в ином мире занимается рукоделием: «Начал он (Сосна-богатырь. – А. Л.) ходить по подземельному царству, набрел на избушку, взошел туда – в избушке сидит дочь бабы-яги да ковер вышивает» [3; № 142]; «Взошел он в этот медный дворец; сидит девушка, вышивает в пльцах, такая красавица» [10; № 43]. Помимо вышивания в текстах упоминаются также прядение, вязание, ткачество: «Села (Клаша. – А. Л.) ткать и баско наткала. Медведь-то и оставил её» [1; № 16]; «Она жила, шерсти начесала, чулки связала: тогда, вишь, домой отпустит. А он (леший. – А. Л.) велел ей на порты напрясть. Девка опять прясть да красна ставить» [2; 59]. Указанные занятия упоминаются в сказках неслучайно. Н. А. Криничная отмечает, что образами различных рукодельниц насыщен весь мировой фольклор, вербальный и изобразительный [13; 87]. По словам исследовательницы, они встречаются во многих фольклорных жанрах (сказках, заговорах, песнях, частушках, пословицах, поговорках, загадках), но «особенно ощутимо присутствие этих персонажей в быличках, бивальщинах и поверьях. Оно же закодировано и в соотнесенных с ними обрядах, обычаях, верованиях» [13; 87]. В то же время упоминание в сказках прядения, ткачества, рукоделия обусловлено этнографическими соответствиями. Как пишет Т. А. Бернштам, «к сфере сугубо женских занятий относились все процессы выращивания, сбора, обработки льна и конопли, а также стрижка овец и обработка шерсти, происходившая в разные годовые сезоны. <...> Удельный вес женского прядения и ткачества в крестьянском хозяйстве в прошлом был очень велик: в земледельческих областях прядево и домашние ткани не только требовались в огромном количестве для семьи

(одежда, постель, полотенца, различные обряды и т. д.), но шли на продажу, на вклады в церковь, на оброк помещикам...» [11; 159]. По словам И. Л. Симаковой, «умение прясть тонкие нити, ткать качественные полотна у девушек на выданье ценилось иногда больше, чем их красота» [16; 197].

Вместе с тем данные занятия имеют глубокие мифологические корни. По этому поводу Т. А. Бернштам пишет: «Прядение, ткачество и шитье одежды (изделий) оформлялись разнообразными и часто противоречивыми ритуальными действиями, свидетельствующими о многозначности верований, их породивших, и мифологических представлений, к ним относящихся. Однако можно утверждать, что для осмысления семантики женских обрядовых функций необходимо как разделение двух основных процессов – прядения и ткачества, так и восприятие их в неразрывном единстве» [11; 161]. Исследовательницей отмечается, что прядение, состоящее из четырех основных частей (чесания, дерганья, сучения и наматывания пряжи), «производилось в темное время года – с осени до рубежа зимы – весны – и в темное время суток – вечером, ночью» [11; 160], тогда как ткачество и шитье «связаны преимущественно со светлым временем (годового сезона и суток)» [11; 161]. При этом прядение «является лишь первым этапом “творения”», представляет собой «изготовление материала для последующего творения “видовых категорий”, предметных сущностей, материализуемых ткачеством» [11; 161]. «Таким образом, – подводит итог Т. А. Бернштам, – в символике прядения и ткачества взаимосвязаны “верх” и “низ”, светлое и темное, живое и неживое» [11; 162]. Мифологическое значение этих женских занятий подразумевает «творение мира» [11; 162].

Н. А. Криничная тоже отмечает, что «обычное прядение (веретеном, на прялке) и обычные рукоделия (вязание, шитье, вышивание), имеющие повсеместное распространение в крестьянском быту, также имели некогда определенный магический смысл, со временем затемненный или же вообще утраченный» [13; 104]. В немногих рассмотренных волшебных сказочных текстах сохраняются отголоски того, что эти занятия были магическим действием. Так, в одной из сказок сборника А. Н. Афанасьева сообщается, как оказавшийся в подземном ином мире Иван-царевич «увидел медное царство; во дворце сидят тридцать три девицы-колпицы, вышивают полотенца хитрыми узорами – городками с пригородками» [3; № 130]. В этом явно просматривается упоминаемое выше сотворение мира. Попутно отметим, что мотив, связанный с созданием необыкновенного ковра, характерен для сказок на сюжет 402 Царевна-лягушка, где он является одним из предсвадебных испытаний. В нескольких вариантах занятие женщины имеет другой ре-

зультат: «... в этом доме сидит под окном девица и ткёт вроде как став, как ткнет, так выскочит конь и солдат» [6; № 35]; «сидит девушка красивая и шьёт. Как стегнёт, так солдат выскоцит, как другой раз стегнет, так другой выскоцит» [9; № 11]. Герой выясняет, что женщина таким образом «вытыкает силу» для Кошеля Бессмертного [6; № 35], «сгоняет силу» на Ивана Сосновича, обидевшего старика, сам с ноготь, борода с локоть [6; № 54], [9; № 11]. Все эти сказки относятся к сюжету **310А, В Три подземных царства**. При этом количество создаваемых солдат увеличивается у каждой последующей рукодельницы. В указанных случаях функция женщины заключается в творении человека, точнее – воина. Интересно, что в одном из вариантов три встреченные за подобным занятием женщины оказываются внучками мужичка с ноготок, борода с локоток; несмотря на это, они прекращают помогать «хозяину» подземного царства и покидают с героем иной мир [6; № 54]. В сказке же, записанной от М. М. Коргуева, девушки сначала называют старика своим отцом, а перед выходом из иного мира говорят: «Я – царская дочь; я королевская; я – княжеская» [9; № 11]. Отмеченные несоответствия подтверждают существование двух версий указанного сюжета, согласно которым «хозяин» иного мира может быть похитителем женщин или их отцом / дедушкой.

Итак, в рассмотренных сказках сохраняются представления о том, что обыденные женские занятия (прядание, ткачество, рукоделие) зна-

чально обладали магическим значением. Сами женщины раньше владели, по словам Т. А. Бернштам, более архаичным и всеобъемлющим «знанием» (в сравнении с мужчинами) и были «хозяйками» земли – ее внешнего и внутреннего (включая подземный) мира [11; 166].

В одной из проанализированных сказок герой обнаруживает женщину за гаданием – занятием, которое также наделяется магическим смыслом: «Входит он в комнату: сидит девушка, переметывает карты» [10; № 82].

Помимо отмеченных выше занятий, похищенная женщина выполняет множество функций, связанных с пребыванием в ином мире главного героя сказки. Во многих текстах подчеркивается ее гостеприимство по отношению к пришедшему персонажу. Кроме того, похищенная героиня нередко оказывается помощницей освободителя. Именно она в большинстве рассматриваемых сказок узнаёт тайну смерти похитителя и сообщает о ней герою. Также женщина скрывает своего освободителя в потайном месте, чтобы его не обнаружил «хозяин» иного мира, во власти которого она пребывает. Наконец, женщина наделяет героя чудесными предметами, с помощью которых он впоследствии добывает себе невесту.

Таким образом, роль похищенной героини русских волшебных сказок, оказавшейся в ином мире, достаточно значима. Она выполняет целый ряд функций, имеющих как этнографические соответствия, так и глубокий мифологический смысл.

ИСТОЧНИКИ

1. Архангельские сказки. Из материалов лаборатории фольклора Поморского университета / Сост. и отв. ред. Н. В. Дранникова. Архангельск: Поморский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2002. 252 с.
2. Кенозерские сказки, предания, былички / Вступ. ст., сост. и примеч. Н. М. Ведерниковой. М.: Институт наследия, 2003. 146 с.
3. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. / Изд. подгот. Л. Г. Бараг и Н. В. Новиков. М.: Наука, 1984. Т. 1. 512 с.
4. О з а р о в с к а я О. Э. Пятиречье. СПб.: Тропа Троянова, 2000. 543 с.
5. Песни и сказки Ярославской области / Ред. Э. В. Померанцева. Ярославль: Кн. изд-во, 1958. 360 с.
6. Русские народные сказки Карельского Поморья / Сост. А. П. Разумова, Т. И. Сенькина. Петрозаводск: Карелия, 1974. 424 с.
7. Русские народные сказки Пудожского края / Изд. подгот. А. П. Разумова, Т. И. Сенькина. Петрозаводск: Карелия, 1982. 366 с.
8. Северные сказки. Сборник Н. Е. Ончукова: В 2 кн. СПб.: Тропа Троянова, 1998. Кн. 1. 476 с.
9. Сказки Карельского Беломорья. Т. 1: Сказки М. М. Коргуева / Записи, вступ. ст. и коммент. А. Н. Нечаева. Петрозаводск: Карельское гос. изд-во, 1939. Кн. 1. 660 с.
10. Худяков И. А. Великорусские сказки. Великорусские загадки / Изд. подгот. Е. А. Костюхин и Л. Г. Беликова. СПб.: Тропа Троянова, 2001. 479 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

11. Бернштам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в.: Половозрастной аспект традиционной культуры. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1988. 277 с.
12. Г у р а А. В. Вошь // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 1. М.: Международные отношения, 1995. С. 447–448.
13. К р и н и ч н а я Н. А. Русская народная мифологическая проза: Истоки и полисемантизм образов. Т. II: Былички, бывальщины, легенды, поверья о людях, обладающих магическими способностями. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2000. 410 с.
14. Н о в и к о в Н. В. Образы восточнославянской волшебной сказки. Л.: Наука, 1974. 255 с.
15. П р о п п В. Я. Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2005. 128 с.
16. С и м а к о в а И. Л. Узорное жаккардовое ткачество Московской области (к истории материальной культуры) // Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 9: Сб. науч. ст. по материалам конф. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2006. С. 197–202.
17. Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка. Л.: Наука, 1979. 438 с.

УДК 1+11/12

АЛЕКСЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ВОЛКОВ

кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии, Петрозаводский государственный университет
alexvolkoff@bk.ru

НАУКА КАК СПОСОБ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ И ПОЗНАНИЯ

Статья посвящена одной из актуальных проблем современной эпистемологии – «наука и человек». Основываясь на материале современной истории науки, автор стремится представить науку не только как систему знаний, но и как способ бытия человека. Высказывается предположение о взаимосвязи между экзистенциальным устройством человеческого бытия и особенностями научного познания.

Ключевые слова: научное познание, человеческое бытие, экзистенция, теория, экспериментальная система

Сегодня можно с уверенностью сказать, что одной из самых популярных тем в современной философии и эпистемологии является тема «человек и научное познание». Данное обстоятельство представляется вполне оправданным. В условиях становления неклассической научной парадигмы, когда гуманитаризация научно-познавательной деятельности связана с рефлексивным анализом ее субъектных установок, предпосылок (В. С. Швырев), когда предметом научного исследования все чаще становятся системы и объекты, получившие название «человекообразных» (В. С. Степин), а ответственность ученого за последствия используемого им знания резко увеличивается (Б. Г. Юдин), осмысление научного познания как *человеческого* познания становится задачей крайне актуальной.

В рамках эпистемологии уже существует опыт научного познания в контексте социума и культуры. Вместе с тем осмысление антропологических смыслов и аспектов научного познания предполагает, на наш взгляд, не только выявление его социокультурной обусловленности, но также исследование бытийственного статуса научно-познавательной деятельности в системе отношений «человек – мир». Мнение о том, что современная наука все чаще сталкивается с «человекообразными объектами», безусловно, справедливо. Стоит задуматься и о том, что некоторые авторы (А. В. Ахутин, Л. А. Микешина) называют «экзистенцией познания», то есть о том способе бытия, который лежит в основе такого явления, как наука.

Через всю философию красной нитью проходит идея о том, что человек есть уникальное существо, которое вынуждено постоянно выходить за пределы первозаданной, биологической природы и так называемой «второй природы», то есть культуры, которую человек сам себе создал. Как соотносится и соотносится ли вообще научное познание с таким способом человеческого бытия? Экзистенциально ли научное познание? Отдавая отчет в относительной полноте нашего анализа,

мы наметим лишь общие контуры идеи взаимосвязи специфики человеческого бытия и научного познания. Для выполнения данной задачи нам потребуется обратить внимание на ряд ключевых особенностей теоретической и эмпирической форм научного познания.

Согласно обыденным воззрениям, научные теории отличаются от произвольных измышлений тем, что они следуют из опыта. Действительно, если бы теории не были связаны с опытом, то они бы ничего не предсказывали и не подтверждались. Однако обращение к философии науки показывает, что дело в этом вопросе обстоит сложнее. Так, у одного из известных отечественных методологов науки Б. С. Грязнова читаем: «Объект материальной действительности – неподходящий объект для теоретика, ибо в нем процесс не выступает в чистом виде. Предварительным условием исследования является “изготовление” идеализированного, абстрактного объекта» [1; 38]. Как явствует из этого высказывания, попытка прямого выведения основных понятий и законов теории из опыта обречена на провал. Эмпирический опыт частичен, локален, уникален, завязан на параметры индивида, формулировки же науки универсальны и аподиктичны. Еще одним показателем отсутствия однозначной зависимости теории от опыта служит феномен «эквивалентных формулировок». Так, существуют матричная и волновая формулировки квантовой механики, основные понятия и соотношения которых остаются инвариантными относительно используемого формального аппарата. Содержание классической механики поддается выражению в формулировках Ньютона, Лагранжа, Якоби – Гамильтона и т. д.

Таким образом, вопреки распространенному мнению, никакого прямого логического моста от опыта к теории не существует. В очередной раз приходится вспомнить слова А. Эйнштейна: «Постепенно я стал отчаиваться в возможности докопаться до истинных законов путем конструктивных обобщений известных фактов. Чем долъ-

ше и отчаяннее я старался, тем больше приходил к заключению, что только открытие общего формального принципа может привести к надежным результатам» [3; 277]. Сказанное, можно догадаться, наводит на мысль о том, что наука развивается не путем индуктивных выводов из наблюдений, но путем выдвижения гипотез, из которых затем по правилам логического вывода выводятся следствия, а они, в свою очередь, сопоставляются с опытно-экспериментальными данными, то есть фактами. Однако и здесь мы сталкиваемся с интересным обстоятельством. Дело в том, что для того чтобы факты могли вообще что-либо говорить о теории («за» или «против»), они должны быть еще интерпретированы, и в зависимости от этой интерпретации одни и те же экспериментальные данные, факты могут свидетельствовать в поддержку разных теорий. Более того, процесс проверки теории экспериментальными данными осложняется еще и тем, что сама проверяемая теория тоже вовлечена в интерпретацию этих экспериментальных данных и таким образом как бы участвует «в вынесении собственного приговора». Это обстоятельство в философии и методологии науки получило название «теоретической нагруженности фактов». Таким образом, опыт однозначно не гарантирует истинности научных теорий. Уместно в этой связи вспомнить мысль А. Эддингтона: «Мы в состоянии показать, что при помощи некоторой определенной структуры возможно объяснить все явления, но мы не можем доказать, что такая структура будет единственной» [2; 197].

Итак, какой вывод напрашивается из сказанного? Сам факт, что научные теории не выводятся из опыта и не оправдываются им всецело, косвенно указывает на то, что у человека нет какого-то определенного места в мироздании. Во всяком случае, ни эмпирическая, чувственно воспринимаемая действительность, ни теоретическая, умопостигаемая таковым не являются. По-видимому, занятие наукой, которое, как мы знаем, нацелено на решение определенных проблем, предполагает и некую фундаментальную проблематичность положения человека в мире – проблематичность, заключающуюся в безместности такого существа, как человек. При этом особое внимание обращает на себя характер этой проблематичности. Обычно мы полагаем, что наука – это средство для решения проблем, а проблема – это то, что решается конечным количеством шагов. Однако проблематичность, заключающаяся в безместности человека, впервые только и делает науку возможной и в этой связи является неснимаемой. В самом деле, если представить, что человеку удалось бы вывести свои теории напрямую из наблюдения окружающего мира, то это бы говорило о том, что человек и мир – одно целое. Но в такой связи с миром может находиться, пожалуй, только животное.

В то же время, если бы человеку удалось путем чисто духовных, интеллектуальных усилий сконструировать теорию, которая бы описывала и объясняла устройство мироздания раз и навсегда и одним-единственным образом, то это бы свидетельствовало о том, что человек – не кто иной, как творец этого мира. Но в таком отношении к миру может находиться только высшее существо – Бог. Отсюда получается, что наука не нужна ни тому существу, которое растворено в мире (животное), ни тому, которое само творит мир и заключает его в себе (Бог). Наука нужна только такому пограничному существу, как человек, которое мира не имеет. В этой связи можно сказать, что наука – это способ, попытка человека быть в мире.

Обратим теперь внимание на особенности экспериментальной деятельности. Ряд современных исследований лабораторной науки демонстрирует тот факт, что базовыми, фундаментальными единицами лабораторной деятельности являются так называемые «экспериментальные системы», для которых характерна тесная и неразрывная связь между субъектом и объектом исследования [3], [4]. В 1964 году американскими учеными М. Гелл-Манном и Дж. Цвейгом была высказана идея о том, что тяжелые, сильновзаимодействующие частицы, известные как адроны, являются в действительности не элементарными, а сложными существами, состоящими из комбинации так называемых кварков. Многие экспериментаторы сконцентрировали свои усилия на поиске этих новых объектов, электрический заряд которых должен был быть равен $1/3$ или $2/3e$. В 1966 году лаборатория, возглавляемая Дж. Морпурго, обнаружила присутствие кварков на частицах графита. В течение нескольких дней исследовательская группа была охвачена волнением. Однако, после того как в экспериментальное оборудование были внесены некоторые изменения, в частности, было увеличено расстояние между плитами конденсатора, количественные значения измеряемых зарядов изменились и перестали свидетельствовать об изоляции кварков.

Как явствует из приведенного примера, функционирование экспериментальной системы ставит перед исследователем проблему учета факторов, препятствующих выделению искомого «сигнала» из постороннего «шума», фона. Если все подобные факторы выявлены, то система становится полностью понятной исследователю и приобретает закрытый характер. Однако чаще всего, и именно об этом свидетельствует реальная практика, некоторые факторы остаются неучитенными и поэтому экспериментальная система нуждается в дальнейшем понимании и носит открытый характер.

Открытость – это не единственное свойство экспериментальных систем. Другим таким свойством является аспектуальность. Обратимся вновь

к истории науки. В начале 60-х годов XX века в ряде физических лабораторий была введена новая экспериментальная техника изучения элементарных частиц – электронные детекторы. В отличие от традиционных пузырьковых камер, детекторы обладали одним неоспоримым преимуществом. Будучи построенными на основе теоретического представления о том, что подлинные нейтринные взаимодействия должны представлять собой «заряженные токи», приводящие к появлению мюонов, электронные детекторы способствовали выделению более «чистых» сигналов, то есть регистрировали только те ядерные превращения, в которых действительно производился хотя бы один мюон. Вместе с тем новые детекторы, как выяснилось впоследствии, полностью исключили для экспериментаторов возможность фиксировать так называемые «нейтральные токи», особенностью которых было отсутствие появления мюонов. Как видим, история науки не только иллюстрирует то обстоятельство, что без определенного набора экспериментальных техник ряд научных фактов никогда не стал бы известен, но и возвращает к мысли о том, что любая экспериментальная система дает картину изучаемой реальности селективно, то есть избирательно. При этом видение в одном аспекте может затруднять или вообще исключать видение в другом.

Еще одним свойством экспериментальных систем является локальность. Для того чтобы увидеть эту локальность, необходимо принять во внимание следующее обстоятельство. Природа как объект научного исследования не просто раскрывается сообразно внутренне присущей ей упорядоченности, но расчленяется согласно экспериментальной культуре ученого. Вернемся к истории с кварками.

В 1977 году американский ученый У. Фэйрбэнк предоставил убедительные, с его точки зрения, доказательства в пользу получения им в Стэнфордской лаборатории свободного кварка. Эти аргументы, однако, были поставлены под сомнение Дж. Морпурго, возглавлявшим лабораторию в Генуе. Оба исследователя были, конечно, согласны в том, что для достижения поставленной цели – обнаружения свободных кварков – необходимо отталкиваться от теории электромагнетизма и проводить экспериментальные измерения электрических зарядов на частицах твердого вещества. И тем не менее сами навыки наблюдения и обращения с оборудованием были у этих ученых разные. Данные особенности и состав-

ляют экспериментальную культуру, которая может различаться от одной лаборатории к другой и придавать экспериментальной системе локальный характер, делать ее контекстуально зависимой и ситуационно случайной.

Сказанного достаточно для того, чтобы отметить одно важное обстоятельство. Открытость, аспектуальность, локальность экспериментальных систем делает их образованиями, которые сочетают в себе разнородные элементы: человеческий и не-человеческий, социальный и природный, фактический и артефактический, случайный и необходимый и т. д. Будучи такими гетерогенными образованиями, экспериментальные системы носят как бы «осциллирующий» характер, то есть указанные в них элементы в процессе развития научного познания варьируются, поэтому субъект научного познания оказывается перед лицом необходимости переопределять не только картину сконструированной им реальности, но и то место, которое он отвел в этой картине себе. Специфика экспериментальных систем как бы вынуждает субъекта познания вновь и вновь задаваться вопросом о том, где, собственно, он пребывает – на территории мира или на территории своих представлений о мире. Видимо, открытый, аспектуальный, локальный характер экспериментальных систем наиболее точно отвечает специфике самого субъекта познания – человека – существа, для которого место в мире заранее не уготовано, существа принципиально незавершенного, истиной не обладающего, но ищущего ее.

Тезис о том, что наука представляет собой теоретически организованное и эмпирически обоснованное знание, безусловно, справедлив. Справедливо, однако, и то, что ученый, который занимается построением и проверкой научных теорий, экспериментированием, – человек, существо пограничное, не принадлежащее всецело ни миру природы, ни миру культуры и общества. Здесь, на наш взгляд, и обнаруживается та парадоксальная основа научного познания, которая заключается как в принятии ученым на себя неких ограничений, воплощенных в требованиях эмпирии, теоретических интерпретаций и т. д., так и в преодолении, снятии этих ограничений в виде тех или иных научных открытий. В этой связи релевантная научному познанию форма субъективности должна включать, как нам кажется, понимание человека как существа постоянно рефлексизирующего, снимающего в экстатическом порыве наличные пределы, конечные определения мысли.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грязнов Б. С. Логика, рациональность, творчество. М.: Наука, 1982. 256 с.
2. Эддингтон А. С. Теория относительности. М.: КомКнига, 2007. 507 с.
3. Эйнштейн А. Собрание научных трудов: В 4 т. М.: Наука, 1967. Т. 4. 600 с.
4. Pickering A. The Hunting of the Quark // Isis. 1981. Vol. 72. P. 216–236.
5. Rheinberger H.-J. Towards a History of Epistemic Things: Synthesizing Proteins in the Test Tube. Stanford: Stanford University Press, 1997. 340 p.

ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ САВЕЛЬЕВ

кандидат экономических наук, главный ученый секретарь
Президиума, Карельский научный центр РАН
savel@krc.karelia.ru

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ БРЕНДА ТЕРРИТОРИИ НА ОСНОВЕ ЕЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

В статье рассмотрены вопросы использования в долгосрочном управлении и повышении конкурентоспособности территории подходов и методов территориального маркетинга и брендинга. Предложены три методических подхода к формированию бренда территории, рассмотрен алгоритм создания бренда и приведены примеры брендинга в Республике Карелии.

Ключевые слова: территориальный маркетинг, брендинг территории, подходы и методы разработки бренда, культурно-исторический потенциал, элементы бренда территории, бренд Республики Карелии

СУЩНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО МАРКЕТИНГА И БРЕНДИНГА ТЕРРИТОРИИ

Современная мировая экономика – это экономика брендов. Результативность деятельности хозяйствующих субъектов в условиях перенасыщения рынков товарами и услугами во многом зависит от брендинга. Сегодня страны, регионы и города конкурируют не только за привлечение на свою территорию факторов производства, но и на конкретных рынках товаров и услуг. Они прямо или косвенно участвуют в продвижении брендов и торговых марок своих производителей, создавая благоприятные условия для формирования новых брендов.

Следует пояснить, что бренд – это в большей степени понятие культурно-психологическое. Это объективно сложившийся в сознании потребителя (клиента) комплексный образ продукта и ощущений от его потребления, некий образ территории, формирующийся на основе:

- 1) начального восприятия, которое создается под воздействием аудиовизуального ряда и информации и играет мотивирующую роль;
- 2) вторичного восприятия, возникающего при посещении региона, потреблении товаров и услуг, произведенных на его территории;
- 3) итогового восприятия, возникающего на основе сопоставления ожиданий с реальными ощущениями клиента.

В результате *основным требованием к бренду территории является обеспечение соответствия между первичным и вторичным восприятием либо превышение ожиданий клиента*. Поэтому само понятие бренда территории носит комплексный характер и включает в себя не только яркие ассоциативные образы, которые в сознании потребителей прочно связаны с данной территорией, но и вполне конкретные продуктовые бренды, дополняющие эти образы и формирующие целостное представление потребителя о территории, – некий «зонтичный» бренд. Продукто-

вые бренды служат одновременно и инструментами доведения информации до потребителей. Поэтому брендинг территории следует рассматривать как креативный процесс, в который вовлекаются большинство субъектов территориального сообщества, включая научные и образовательные учреждения, творческие коллективы и т. д. Бренд территории – это прежде всего креативная стратегия, основанная на современных коммуникациях, умении правильно использовать имеющийся потенциал, на способности преподнести его потребителю в таком виде, чтобы оставить у него неизгладимое впечатление о территории и тех продуктах и услугах, которые он потреблял, находясь здесь.

Определенные особенности на процесс брендинга территории накладывают глобализация, экономическая интеграция, научно-технический прогресс. В этих условиях важным ресурсом развития, обеспечивающим ее способность быстро адаптироваться к изменениям во внешней среде, становятся уникальные ресурсы и виды потенциала территории, кардинально отличающие ее от других территорий, ее организационный потенциал, способность определить и реализовать единственно верную стратегию использования потенциала территории, ориентированную на максимальный эффект. Сегодня наблюдается переход от внешней конкуренции территорий к «конкуренции организационных потенциалов» [3; 22–23], генерирующих внутренние конкурентные преимущества территории. Квинтэссенцией таких преимуществ является бренд. Именно поэтому он должен основываться на уникальных чертах территории и на тех продуктах и услугах, через которые наиболее ярко выражены эти уникальные черты.

Интенсивное развитие информационных и телекоммуникационных технологий также оказало существенное влияние на преобразование сущности и подходов территориального маркетинга

и брендинга (как его составной части). Формирование глобального информационного общества все в большей степени приводят к использованию инструментария адресного и целевого маркетинга, переориентируя работу с охватывающих групп потребителей на целевые группы и индивидуальных клиентов, с унифицированно-го предложения для «усредненного» клиента к совместному с ним созданию новых ценностей [3; 28–29]. Результат такого подхода в территориальном маркетинге – *появление прочной взаимосвязи между территорией и клиентом, в рамках которой последний неразрывно отождествляет себя с территорией и заинтересован в достижении общей цели*. Поэтому при рассмотрении институционального инвестора в качестве клиента территории весьма разумными и эффективными выглядят, например, различные формы частно-государственного партнерства.

Сегодня меняется сам характер и мотив конкуренции территорий – от победы над конкурентом к «ухаживанию» клиентом [3; 23–24]. Если в первом случае территории конкурируют за привлечение клиента, то во втором случае усилия направлены на максимальное слияние интересов клиента и территории, а это, как известно, является залогом создания сильного имиджа.

Подобная ориентация территориального маркетинга позволяет сформировать бренд территории, максимально полно удовлетворяющий интересам и потребностям клиентов, который будет выступать в качестве одного из главных вторичных (то есть сознательно созданных) конкурентных преимуществ территории. Резюмируя вышесказанное, можно привести слова японского маркетолога М. Симагути, которые наиболее полно отражают изменение вектора современного маркетинга (в том числе территориального): «...от завоевания относительной доли рынка – к созданию систем повышения уровня абсолютного удовлетворения клиента...» [3; 24].

ПОДХОДЫ К БРЕНДИНГУ ТЕРРИТОРИИ (МЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Описанное выше преобразование сущности территориального маркетинга и брендинга требует применения соответствующих инновационных подходов. Если традиционный подход делает основной акцент на управлении процессами и обеспечении текущей доходности и стабильности продаж, то новый подход предполагает внедрение системных инноваций в управленческую программу и ориентируется прежде всего на создание и концентрацию на территории «будущей» стоимости. Очевидно, что традиционный подход, преобладающий сегодня в российских регионах, ориентирует их на «внешнюю» конкуренцию за привлечение ресурсов и деструктивно действует на разного рода устремления изменить ситуацию «изнутри», найти внут-

ренние источники роста, преобразовать структуру экономики региона. Между тем в основе формирования модели адаптивного управления развитием территории должны лежать свойства высокой гибкости и креативности, инновационности. Поясним подробнее суть этих свойств. Под свойством *гибкости* следует понимать наличие достаточно большого ассортимента товаров и услуг, через которые наиболее ярко проявляются уникальные особенности территории. Причем гибкость управления предполагает умение «подстраивать» ассортимент товаров и услуг под меняющиеся требования рынка. Под свойством *креативности* следует понимать формирование уникальных идей продуктов и рыночных предложений на основе возможности нешаблонного использования и сочетаний различных видов ресурсов и потенциала территории (например, использование экологических ограничений как источника экономического роста и повышения туристской привлекательности, а не как барьера для развития региона). Под свойством *инновационности* следует понимать обязательное доведение креативных и нешаблонных продуктовых и маркетинговых решений до рынка, их воплощение в товар или услугу и их продвижение на внешние рынки. Имидж и восприятие территории внешними клиентами будут меняться по мере накопления критической массы таких продуктов. Совмещение свойств креативности и инновационности создает благоприятную основу для появления *системных инноваций* в территориальном маркетинге и брендинге. Системная инновация рассматривается как основа для формирования линейных инноваций, появляющихся, как правило, эволюционным путем, и представляющих в большинстве своем инновации развивающего характера.

Формирование бренда территории на основе разработки и внедрения системных инноваций может осуществляться с использованием трех подходов. Сущность *первого подхода* заключается в формировании «зонтичного» бренда территории на основе выявления ее ключевой компетенции и формирования комплекса частных брендов, усиливающих ее. *Второй подход* выражается в формировании «зонтичного» бренда и комплекса частных брендов территории через выявление и использование «внешних» возможностей на основе развития базовых условий и предпосылок для диверсификации брендов. *Третий подход* (комбинированный) заключается в совмещении, с одной стороны, действий, связанных с углублением существующей компетенции и уникальности территории, продвижением уже сложившихся брендов, с другой стороны, действий, связанных с созданием базовых условий для диверсификации традиционных и появления новых самостоятельных брендов территории. Использование разных подходов будет приво-

дить к различным результатам реализации комплекса мероприятий в области территориального маркетинга и брендинга. Ожидаемым результатом применения первого подхода будет «пирамида» брендов (специализированный «зонтичный» бренд с комплексом дополняющих его частных брендов). Результатом применения второго подхода будет набор частных брендов (часто с разной специализацией), связанных между собой комплексным «зонтичным» брендом. Результатом применения третьего подхода могут явиться «пирамиды» брендов в специализирующих секторах экономики с последующей их диверсификацией по мере развития новых видов деятельности.

При использовании первого подхода развитие территории осуществляется в соответствии со следующей логикой. На основе анализа внутренней среды определяется ключевая компетенция территории, реализуются мероприятия и управленческие решения по усилению этой компетенции, формированию концепции «зонтичного» бренда территории. Далее намечается комплекс частных брендов, связанных с использованием ключевой компетенции, осуществляется их продвижение на внешние рынки. Постепенно расширяется ассортимент предлагаемой на рынке продукции, работающей на усиление ключевой компетенции. Как показывает опыт различных стран и регионов, использующих подобный подход в брендинге и структурной экономической политике, его результатом является, с одной стороны, углубление специализации экономики на использовании уникальной компетенции, с другой стороны, формируется целостная система поддержки бренда (инфраструктура, комплекс сопутствующих видов деятельности и продуктовых брендов). Со временем данная система создает предпосылки для диверсификации экономики и выявления новых ключевых компетенций. Целый ряд примеров приводится в книге «Маркетинг мест...» в виде поясняющих кейсов [1; 63–71].

Второй подход концентрируется на разработке и реализации мероприятий и управленческих решений, касающихся развития базовых условий на территории для привлечения «внешних» экономических ресурсов. В данном случае под базовыми условиями понимается инфраструктура, кадровый потенциал, условия для эффективного использования и повышения стоимости факторов производства и др. На основе базовых условий может формироваться достаточно широкая специализация экономики территории. Причем данный подход всецело ориентирован на вовлечение территории и ее ресурсов в международное разделение труда и максимальное использование выгод ее географического положения и возможностей развития, предоставляемых внешней средой. В плане повышения конкурентоспособности территории этот подход ори-

ентирует основные управленческие усилия на включение ее экономических субъектов и ресурсов во внешние цепочки добавления стоимости. Следуя модели «конкурентного ромба» М. Портера, данный подход концентрируется на развитии факторных условий, вспомогательных и сопутствующих видов деятельности, инфраструктуры. Данный подход может быть проиллюстрирован на примере финского муниципалитета Ювяскюля, где выход из кризиса и ребрендинг муниципалитета было предложено осуществить с помощью изменения структуры экономики через использование внешних возможностей (привлечение на территорию высокотехнологичных компаний; предоставление им производственных площадей и преференций; стимулирование включения производств во внешние цепочки добавления стоимости; формирование и поддержка научно-производственно-образовательных центров совместно с высокотехнологичными компаниями и др.). Похожие примеры использования внешних возможностей для ребрендинга территории приводят Ф. Котлер, К. Асплунд и др. – это пример бренда европейского финансового центра г. Франкфурта-на-Майне (Германия) и научно-технологического бренда г. Гренобля (Франция) [1].

Третий подход представляет собой комбинацию первых двух. С одной стороны, он предполагает развитие традиционного бренда (брендов) территории, в основу которого закладывается ключевая компетенция, что создает предпосылки и факторы для концентрации на территории цепочки добавления стоимости в специализирующем секторе экономики. С другой стороны, он направлен на диверсификацию бренда через стимулирование развития вспомогательных секторов экономики и формирование на их основе новых видов экономической деятельности. Такой комплексный подход позволяет повысить эффективность и привлекательность традиционных брендов территории, снизить отток капитала с территории на разных этапах цепочки добавления стоимости. Выполнить это не так просто, поскольку необходимо провести достаточно глубокий анализ цепочек добавления стоимости в специализирующих секторах экономики, разработать на основе его результатов комплекс мер по воссозданию на территории недостающих звеньев цепочки.

АЛГОРИТМ ФОРМИРОВАНИЯ БРЕНДА ТЕРРИТОРИИ

В Республике Карелии (РК) инициативной группой ученых Института экономики Карельского научного центра РАН под нашим руководством предложено использовать третий подход для брендинга территории. Это обусловлено тем, что, с одной стороны, в республике уже существуют бренды в традиционных секторах специализации – это бренды, связанные с использо-

ванием природно-ресурсного (главным образом лесных и минеральных ресурсов) и культурно-исторического потенциала территории. Именно их следует рассматривать в качестве основы для формирования и развития ключевой компетенции. С другой стороны, республика обладает определенными предпосылками для использования благоприятных возможностей внешней среды: выгодное экономико-географическое положение, близость к федеральному центру и общая граница с Европейским союзом. Для этих возможностей необходимо развитие базовой инфраструктуры (транспортной, приграничной, производственной, социальной и др.), которая при этом создаст благоприятные условия для углубления ключевой компетенции, для поддержки и дальнейшей дифференциации традиционных брендов. С учетом этих особенностей может быть предложен следующий порядок разработки бренда РК.

1. Исследование успешных территориальных брендов и оценка возможностей адаптации положительного опыта в РК (бенчмаркинг).
2. Исследование ассоциативных образов Карелии на основе анализа «внешних» источников маркетинговой информации (в том числе информации о Карелии в сети Интернет, информации, размещенной в рекламных буклетах туристских компаний и специализированных СМИ, проведение анкетирования и интервьюирования туристов).
3. Формирование концепции «зонтичного» бренда РК и разработка концепций частных брендов (дифференциация бренда).
4. Сегментация и выбор целевых рынков, позиционирование бренда, выбор целевых групп клиентов.
5. Разработка маркетингового плана мероприятий по формированию и продвижению регионального «зонтичного» бренда и комплекса частных брендов РК.

Проведение подобной комплексной исследовательской работы позволит не только сформировать концепцию «зонтичного» бренда региона, наметить перспективные направления его дифференциации, но и определит направления, задачи и меры структурного характера. Они должны быть связаны, с одной стороны, с концентрацией создаваемой стоимости на территории региона в тех секторах, которые развивают ключевую компетенцию региона, с другой стороны – с включением региона и его отдельных экономических субъектов во внешние цепочки добавления стоимости, которые в будущем начнут способствовать диверсификации экономики.

Очевидно, что каждый из подходов имеет свои привлекательные стороны. Но рекомендации об условиях их применения могут носить лишь общий характер. Первый подход может быть рекомендован при наличии ярких образов и уникальных особенностей территории, являю-

щихся основой уже существующих либо потенциальных брендов. Второй подход применим для территорий, не отличающихся уникальностью, но располагающих возможностями включения во внешние цепочки добавления стоимости (например, выгодным географическим положением). Третий подход применим для территорий с моноотраслевой (в том числе сырьевой) или низкодиверсифицированной структурой экономики (как в случае с РК).

Целесообразность применения того или иного подхода определяется в индивидуальном порядке. При этом роль системных инноваций, закладываемых в основу любого из указанных выше подходов, заключается в том, чтобы не только разработать, сформировать и продвинуть уникальный бренд территории, но и внедрить уникальную модель управления территорией.

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КАК ОСНОВА ДЛЯ БРЕНДА (НА ПРИМЕРЕ КАЛЕВАЛЬСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО РАЙОНА)

Как говорилось выше, эффективный бренд территории может быть сформирован на основе ее уникальных особенностей, к которым нужно применить «правильные» инструменты маркетинга, правильно провести позиционирование продуктов, основанных на использовании этих уникальных особенностей. Прежде чем рассматривать способы позиционирования территории и инструменты маркетинга, надо учесть важное правило: *уникальность и в конечном счете привлекательность бренда территории в первую очередь зависят от того, какие уникальные особенности самой территории закладываются в его основу, а уже во вторую очередь – от выбранной модели управления маркетингом территории.* Многие территории способны предложить сопоставимые (и взаимозаменяемые) продукты. На этом строится межрегиональная конкуренция, носящая, как правило, характер монополистической конкуренции. Уникальность региональных продуктов может быть основана только на двух факторах, которые дифференцируют региональное предложение и создают предпосылки для формирования уникальных региональных брендов:

- культурно-исторический потенциал и национально-культурные особенности территории;
- природно-ресурсный потенциал территории.

Именно поэтому эти факторы должны в первую очередь закладываться в основу формирования сильного регионального бренда.

Возникают резонные вопросы: каким образом можно использовать культурно-исторический потенциал для формирования бренда территории? Как и на каких рынках ее правильно позиционировать? Ответы на них проиллюстрируем примером того, как может быть использован культурно-исторический и природный потенциал Калевальского национального района РК.

Калевальский национальный район является, по сути, «титულным» муниципальным образованием и «национально-культурным ядром» для Карелии, с которым связаны многие традиционные уклады жизни карел и традиционные виды природопользования, история создания карело-финского эпоса «Калевала», история формирования и развития карельского младописьменного языка и др.

При создании бренда территории нужно учитывать следующее. Во-первых, *создаваемый бренд должен быть конкурентоспособным на глобальном (мировом) уровне*. Во-вторых, *он может быть дифференцирован в соответствии с требованиями выделенных целевых рынков*. При этом его дифференциация может проявляться как на уровне специфического ассортимента продукции, предлагаемого на конкретном целевом рынке, так и на уровне используемого инструментария маркетинга. Другими словами, для каждого целевого рынка могут быть важны разные сто-

роны и качества формируемого бренда, которые, в свою очередь, требуют формирования разных продуктов и использования разных маркетинговых инструментов. Для того чтобы понять, какие качества формируемого бренда важны для каждого конкретного целевого рынка, какие продукты на их основе могут быть в итоге сформированы, необходимо провести позиционирование территории.

Для Калевальского района рассмотрены три рынка – глобальный, российский и региональный (карельский). Соответственно, каждому из этих рынков присущи свои особенности и свои интересы, которые определяют привлекательность района для целевой группы клиентов. Позиционирование Калевальского района определяет его роль и место на этих рынках (см. таблицу) [2]. Также здесь определены роль и значение каждого из представленных образов (его знак – плюс или минус с точки зрения значения для экономического развития района).

Позиционирование Калевальского национального района

Калевала в Карелии		Калевала в России		Калевала в мире	
Калевала – национальное ядро Карелии, душа Карелии	+	Первозданная природа (реликт), отдых на природе	+	Эпос Калевала (рунопевческие традиции, культура, язык)	+
Территория, связанная с рождением национального карельского языка	+	Приграничная территория со спецификой трансграничных культурных связей	+	Уникальная природа (реликт)	+
Рунопевческие традиции (карелы – потомки рунопевцев)	+	Традиционный уклад (северная цивилизация)	+	Деревня Хайкола как объект, относящийся к памятникам мировой культуры	+
Сырьевой район	–	Северный путь на Соловки	+		
Традиционный уклад (карельский этнос)	+				

Представленная в таблице целостная система образов Калевальского района сформирована на основании мнений карельских, российских и международных экспертов и использована при разработке Стратегии развития туризма в данном районе РК на период до 2015 года. В таблице более темной заливкой выделены совмещаемые для различных рынков образы. Это значительно облегчает задачу формирования единого бренда территории, поскольку ограничивает набор ее уникальных качественных характеристик, которые обязательно должны быть представлены в бренде. В итоге *перечень образов, закладываемых в бренд*, включает [2]:

1. Калевала – национальное ядро Карелии, душа Карелии.
2. Эпос Калевала (рунопевческие традиции, культура, язык).
3. Традиционный уклад (северная цивилизация, карельский этнос).
4. Уникальная природа (реликт).
5. Приграничная территория со спецификой трансграничных культурных связей.

6. Северный путь на Соловки.

Закладывая эти образы в общий «зонтичный» бренд территории, надо понимать, что *они должны найти отражение в его основных элементах*, одновременно являющихся средствами и контекстами его выражения и продвижения, средствами доведения информации до потребителя:

- *слоган* (девиз);
- *логотип* (узнаваемый «товарный знак», графический символ);
- *социально-культурная среда* (качество приема, наличие и присутствие во всем национальных элементов, национальных товаров);
- *образ жизни и видеоэкологические характеристики* (ландшафтный дизайн, пространственное планирование и др.);
- *наличие готовых качественных и уникальных продуктов*, их соответствие ожиданиям потребителей и др.

Брендинг территории на основе использования ее культурно-исторического потенциала – это комплексный социально-гуманитарный проект, вписанный в модель освоения пространства

в пределах данной территории. Носителями и средствами выражения бренда являются не только территория, товары и услуги, но прежде всего сами ее жители. Без их безусловной поддержки и заинтересованности создать сильный бренд территории невозможно. Кроме того, важно понимать, что цели брендинга территории как социально-гуманитарного проекта должны превышать по масштабам административные границы самой территории. Например, бренд Калевальского национального района должен носить глобальный характер, то есть быть измеримым в общепланетарном и общенациональном масштабах.

Как видно из таблицы, Калевальский национальный район обладает большим числом уникальных факторов и образов, которые могут стать ключевыми элементами бренда его территории. Основная задача формирования конкурентоспособного бренда Калевальского национального района заключается в развитии межкорпоративных, межличностных и международных коммуникаций, являющихся основными каналами продвижения бренда.

Все это в совокупности позволяет сформулировать следующие *основные требования к конкурентоспособности бренда территории* (на примере Калевальского национального района).

1. *«Зонтичный» бренд Калевальского района должен быть основан на национально-культурных особенностях территории, которые для каждой территории уникальны.* По отношению к любому национальному продукту на внешних рынках есть и всегда будет присутствовать повышенный интерес. Наиболее успешные бренды в мировой практике основаны на национальной и культурной специфике.
2. *Конкурентоспособность бренда определяется его ценностью и интересом для потенциальных потребителей (клиентов).* Таким образом, важной задачей при брендинге является правильный выбор целевого рынка, средств и методов позиционирования бренда.
3. *Соответствие реальных услуг, товаров и ценностей, составляющих бренд территории, ожиданиям потребителя.* Это важное требование, которое при формировании базового бренда Калевальского района было учтено с той точки зрения, что в бренд не заложены высокие требования к качеству услуг.
4. *Продвижение «зонтичного» бренда территории зависит от конкурентоспособности частных брендов, закладываемых в его основу.* Эффективность конкретных продуктов в условиях современной глобальной экономики определяется степенью учета факторов конкурентоспособности и культурно-национальной уникальности территории, а также использованием современных форм и методов межкорпоративных взаимодействий, таких как франчайзинг, аутсорсинг и других форм бизнес-коммуникаций.
5. *Бренд территории не ограничивается лишь ее административными границами, а определяется культурными контекстами.* Поскольку культурные контексты всегда шире конкретной территории, именно они, а не исторически сложившиеся административные границы определяют масштаб управления. Без такого смыслового расширения объекта управления до его «культурных границ» территориальные власти и сообщества не могут стать субъектом эффективного стратегического планирования в смысле конкурентной стратегии.

Таким образом, бренд территории должен базироваться прежде всего на ее национально-культурной самоидентификации и выходить далеко за пределы административных границ. В этом смысле бренд Калевальского национального района, основанный на национальных особенностях, будет охватывать не только всю Карелию, но и выходить далеко за пределы государственных границ России, распространяясь по меньшей мере на всей территории проживания финно-угорских народов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Котлер Ф., Асплунд К., Рейн И., Хайдер Д. Маркетинг мест. Привлечение инвестиций, предприятий, жителей и туристов в города, коммуны, регионы и страны Европы. СПб., 2005. 376 с.
2. Север: проблемы периферийных территорий / Отв. ред. В. Н. Лаженцев. Сыктывкар: Научный совет РАН по вопросам регионального развития: Коми научный центр УрО РАН, 2007. 418 с.
3. Симануги М. Эпоха системных инноваций. В поисках новой парадигмы маркетинга: Пер. с яп. М., 2006. 247 с.

ИРИНА ЕВГЕНЬЕВНА АБРАМОВА

кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков гуманитарных факультетов, Петрозаводский государственный университет
bram@onego.ru

ПРОИЗНОСИТЕЛЬНАЯ НОРМА И ВАРИАТИВНОСТЬ

Статья посвящена изучению современного состояния британской орфоэпической нормы. Проанализированы социолингвистические причины данного явления.

Ключевые слова: произносительная норма, фонетическая вариативность, социальная дифференциация произношения

Вариантность является фундаментальным свойством языковой системы и функционирования всех единиц языка [13; 60]. Основные понятия теории вариантности отражены в терминах «вариативность», «вариантность», «варьирование», «вариант», «инвариант», «константность», «норма» (Л. В. Щерба, Г. П. Торсуев, О. С. Ахманова, В. Г. Гак, В. Н. Ярцева, Э. Сепир). Первые два термина обычно употребляют синонимично (К. С. Горбачевич, В. Н. Немченко, В. М. Солнцев, Н. С. Валгина). Существует широкое и узкое толкование данного термина. В широком смысле вариантность (вариативность) обозначает всякую изменчивость, способ существования и функционирования единиц языка и языковой системы в целом. В узком смысле под вариантностью понимается представление о разных способах выражения какой-либо языковой сущности как о ее модификации, разновидности или как об отклонении от некоторой нормы [13; 60–61]. Согласно Г. М. Вишневской, если вариативность представляет собой динамику, процесс развития и изменения языка, то вариантность является результатом вариативности (динамических изменений в языке), находящим отражение в самой системе языка и проявляющимся в наличии определенных вариантов данного языка. Вариативность всегда выступает индикатором способности к видоизменению, что наиболее ярко проявляется в языковой экспрессии. Если вариантность зафиксирована в языке, то вариативность обладает потенциальной движущей силой, которая вызывает те или иные языковые изменения [3; 29–30].

Л. А. Вербицкая рассматривает вариативность как обязательную черту языка, которая определяется языком, навязывается им. Так, фонетическая вариативность обусловлена определенной позицией фонемы в слове, влиянием качества окружающих звуков, местом по отношению к ударению, индивидуальными особенностями произнесения. Вариантность (в отличие от вариативности) не провоцируется языком, а разрешается им. Это свойство, присущее языку вообще, может быть охарактеризовано как потенциал-

ное свойство передачи одного и того же различными языковыми средствами [2].

Основы понятия языковой нормы заложены в трудах пражских лингвистов (В. Матезиус, Б. Гавранек и др.), которых принято считать одними из основоположников западной социолингвистики. Б. Гавранек определял норму, с одной стороны, как совокупность употребляемых языковых средств, к которой относится все, что принимает коллектив, говорящий на этом языке, с другой стороны – как «систему языка, взятую в плане ее обязательности в сфере языка – с задачей достичь намеченного в сфере функционирования языка» [4; 339–340]. Представители Пражского лингвистического кружка признавали, что норма литературного языка отличается от нормы народного языка большей функциональной и стилистической дифференциацией, большей осознанностью и обязательностью своих канонов, что связано с требованием большей стабильности языка (являющейся имманентным признаком нормы вообще). При этом они учитывали, что стремление к стабилизации литературного языка может привести к его обеднению. Новаторство пражцев проявилось в их понимании языковой нормы как динамического явления, обладающего, по словам В. Матезиуса, «гибкой стабильностью», изменчивостью [12].

В современном языкознании стал популярным системно-структурный подход Э. Косериу, рассматривавшего взаимодействие нормы с системой языка и последовательно разграничившего явления системы и нормы. Характеризуя систему языка как «систему возможностей, координат, которые указывают открытые и закрытые пути в речи, понятной данному коллективу», Э. Косериу определял норму как «систему обязательных реализаций... принятых данным обществом и данной культурой» либо как «реализованный язык» [8; 175, 229]. Идеи Э. Косериу, касающиеся разграничения системы и нормы, нашли свое отражение в работах отечественных ученых (В. А. Ицкович, Г. В. Степанов, А. А. Леонтьев, В. Г. Гак, Л. А. Вербицкая).

Норма, являясь понятием функционального плана, включает в себя наиболее устойчивые, традиционные реализации, принятые обществом и в той или иной мере осознаваемые им как правильные и обязательные. В связи с тем что понятие нормы не охватывает всей совокупности реально существующих реализаций структуры того или иного языка, используется более широкое понятие функционального плана – узус, содержащий в себе как традиционные, устойчивые, правильные, так и нетрадиционные, окказиональные и ошибочные реализации [15; 557].

Квалифицировать речь иностранца как содержащую фонетический акцент можно лишь в том случае, когда в данном языке сложилась орфоэпическая норма. Литературным произношением либо орфоэпией обозначают, во-первых, систему норм литературного языка (книжное произношение), определяющих звуковое оформление значимых единиц языка (морфем, слов, предложений), во-вторых, раздел языкознания, который изучает функционирование этих норм и вырабатывает орфоэпические правила – произносительные рекомендации, действительные для определенного этапа жизни языка.

Возможность вариантов орфоэпической нормы очевидна и фиксируется в произносительных словарях с разной степенью полноты в зависимости от теоретических позиций составителей и от прагматической направленности словаря. Однако основной принцип кодификации – адекватность современной норме – как правило, нарушается, причем по объективным причинам в связи с тем, что словари не успевают зафиксировать современную произносительную норму, иногда пропагандируя варианты, уходящие из реального употребления. Показательно, что речь дикторов, артистов часто ориентирована на кодифицированную норму, которая, как правило, отстает от реальной.

В понятии литературной произносительной нормы принято различать два аспекта: орфоэпию и орфофонию. Отношения между аспектами произносительной нормы могут рассматриваться по-разному в связи с различной трактовкой фонемы [6; 6]. Если исходить из понимания фонемы Л. В. Щербой, то орфоэпия – это правила, определяющие нормативный фонемный состав слов. Орфоэпическая норма в форме правил чтения и исключений из них составляет содержание многих пособий по фонетике английского языка и фонетических словарей. Для некоторых слов допускается различный фонемный состав. Например, существуют два варианта произношения слова *suit*: 72 % британцев произносят его как /su:t/, 28 % – как /sju:t/ [21; 790].

Второй аспект литературной нормы, орфофонию, М. В. Гордина определяет как фонетическую характеристику фонем и суперсегментных признаков или как нормативную реализацию ин-

тонации, ударения и фонем в различных положениях в потоке речи. В английском языке, например, для нормативного произношения необходимо соблюдение степеней аспирации, позиционной долготы гласных. Орфофония как фонетическая реализация фонемных различий, интонации и ударения является основой всего фонетического строя языка. Этим определяется теоретическая и общелингвистическая важность изучения орфофонии – нормативной фонетической реализации фонем и суперсегментных единиц [6].

Проведение последовательного различения орфоэпии и орфофонии при исследовании взаимоотношения произносительной нормы и вариантов представляется важным, так как дает возможность четко противопоставлять отдельные функциональные единицы различным звуковым реализациям одной функциональной единицы. Сознательной кодификации подвергается именно орфоэпия, так как фонемный состав слов хорошо осознается носителями языка, в то же время различия в фонетических характеристиках аллофонов фонем зачастую не замечаются. Что касается диалектных и просторечных особенностей произношения, то они, как правило, проявляются не в нарушении фонемного состава слова, а в изменении фонетических характеристик фонем.

Согласно Б. А. Ларину, демократизация, характеризующая состояние многих языков, проявляется в перемещении маргинальных периферийных явлений к центру системы, в результате чего происходит расшатывание литературной нормы, усиливаются диффузные тенденции между формами существования языка. Ученый характеризовал эволюцию любого языка как ряд последовательных «снижений», варваризаций. Однако волны таких варваризаций не совпадают по времени и размаху в разных языках [11; 176].

Лингвист Н. С. Валгина, отмечая двусторонний характер нормы, в которой заключены как объективные свойства эволюционирующего языка, так и общественные вкусовые оценки, подчеркивает, что если в недавнем прошлом наиболее авторитетным источником литературной нормы в русском языке считалась классическая художественная литература, то в настоящее время СМИ стали центром нормообразования. В результате норма ослабевает, демократизируется, становясь проницаемой для бывших нелитературных языковых средств. Кроме того, стали заметны такие тенденции, как сближение норм письменной и устной речи, рост вариантности языковых средств в пределах нормы, дифференцированность нормы применительно к разным речевым ситуациям [1]. Профессор Л. В. Савельева с горечью отмечает: «Мощный напор низкосортной теле- и кинопродукции с полуграмотным переводом, а также наступление обезличенно-массовой, денационализированной псевдокультуры планомерно и скрупулезно разрушает нашу языковую экологию,

обесценивая русское слово...» [14; 41–42]. Многие специалисты по русскому языку говорят о расшатывании литературной нормы, о «языковом беспределе» [9], [10]. Сходные тенденции развития наблюдаются и в британском произносительном стандарте. В целом британская произносительная норма, представленная южноанглийским произношением (далее – RP), отвечает большинству требований, предъявляемых к выбору языкового стандарта. Будучи показателем социального статуса человека в британском обществе, данный тип произношения в сознании носителей английского языка ассоциируется с престижными профессиями и высоким образовательным и культурным уровнем коммуникантов. Однако RP владеют 9–10 % привилегированного населения (P. Trudgill). Большинство образованных людей говорят с небольшим региональным акцентом (так называемый «modified RP» или «near-RP»).

Демократизация английского общества в конце XX века привела к расширению границ допустимого в RP, а именно к проникновению некоторых черт региональных и более низких социальных типов произношения. Так, на BBC стали работать дикторы с региональными акцентами, что невозможно было представить в середине XX века, усилилось влияние на произносительный стандарт локального типа произношения Estuary English (EE), распространенного в низовьях реки Темзы западнее и восточнее Лондона. Произносительные особенности EE, напоминающие в какой-то степени Cockney, все более расширяются не только географически, но и социально, что дало некоторые основания говорить об EE как об орфоэпической норме завтрашнего дня (tomorrow's RP). Тем не менее Дж. Уэллз убежден, что Estuary English есть не что иное, как новое название старому явлению, а именно длящемуся уже более пяти столетий распространению черт popular London speech, что вызвано эрозией английской классовой системы и возросшей социальной мобильностью жителей современной Британии [20].

Следует обратить внимание на другое заметное явление общественной жизни Великобритании конца XX – начала XXI века – значительный приток иностранной рабочей силы. Если в 1989 году в страну прибыли 250 тыс. иммигрантов, то в 1998-м – уже 402 тыс. В 2005 году только из стран Европы в Великобританию иммигрировали 64 тыс. человек. По сообщениям прессы, более половины рабочих мест, созданных с 1997 года, заняты иностранными работниками, среди которых значительную часть составляют высококвалифицированные специалисты [18]. Все это привело к тому, что помимо местных диалектов и типов произношения в Великобритании активно функционируют и иностранные акценты огромного числа иммигрантов из разных стран.

В целом для языковой ситуации на Британских островах характерно сохранение противопоставления престижной, не связанной территориально ни с каким районом (только исторически – с юго-востоком Англии), выполняющей важные социальные функции орфоэпической нормы произношения и сложной системы социально-территориальных типов произношения. При этом отличительной особенностью современного состояния орфоэпического стандарта британского варианта английского языка является сильное влияние на него различных социальных и территориальных диалектов, прежде всего Estuary English, а также разнообразных акцентов мигрантов из разных стран, что вызвано демократическими тенденциями, проявившимися в британской общественной жизни конца XX – начала XXI века.

Для большей полноты картины следует анализировать современное представление о развитии нормы, которое сформировалось среди ученых, работающих внутри новой лингвистической парадигмы, позволяющей исследовать взаимодействие языков мира с английским языком как языком глобального общения. В этой связи имеет смысл рассмотреть модель языкового варьирования (представленную в виде concentric circles), разработанную американским лингвистом Б. Качру (1986). Одним из критериев для включения разновидности английского языка в ту или иную зону или круг, по мысли Б. Качру, являются отношение к языковой норме и набор выполняемых коммуникативных функций. Так, во внутренний круг включены Великобритания, США, Канада, Австралия, Новая Зеландия, относящиеся к так называемым «нормообразующим» странам (norm-providing countries), в которых английский язык выступает средством коммуникации во всех функциональных сферах. При этом кодифицированное употребление на различных уровнях языковой системы принимается всем языковым сообществом как норма. Недостатком данной модели является игнорирование особенностей национально-территориальных вариантов в пределах самой внутренней зоны. Во внешний круг входят «норморазвивающие» страны (norm-developing countries), такие как Индия, Южно-Африканская Республика, Пакистан, Малайзия, Филиппины, Нигерия, Гана, Бангладеш, Сингапур. В них английский язык имеет статус официального или второго государственного языка. Страны зоны расширения, или расширяющегося круга (Indonesian, Taiwan, China, Israel, Egypt, Saudi Arabia), страны Европейского союза и ряд бывших республик СССР, признаны «нормозависимыми» (norm-dependent countries of the expanding circle).

Показательно, что в более поздних работах Б. Качру [17] отказался от деления стран на три категории по отношению к норме и остановился на двух, объединив в одну категорию «нор-

мообразующие» и «норморазвивающие» страны. Это вызвано прежде всего признанием реального положения дел, когда многие страны, включенные во внешний круг, разработали не только свои стандарты английского языка как языка международного общения, но и успешно внедрили в практику преподавания оригинальные педагогические методики, признанные в мире (см.: [19; 43–44], [16]).

Разновидности английского, употребляемые в Китае, Сомали, Японии, представляют собой разные явления с отличительными чертами. Английский язык, используемый в странах Западной Европы (Euro-English), также характеризуется определенными особенностями, что объясняется воздействием на него европейских языков и лингвокультур. Английский язык объективно вынужден приспосабливаться к новому культурно-языковому окружению. В связи с тем что в глобальном мире количество ситуаций общения на английском языке между билингвами численно значительно превосходит случаи общения между носителями языка, специалисты, работающие в области кодификации новых особенностей норм английского языка, вынуж-

дены учитывать такое положение дел. Получило популярность обучение так называемому International English (в литературе встречаются термины с близким значением Global English, Common English, Continental English), то есть вариант английского языка, который применяется в международном общении прежде всего в научнотехнической, академической и деловой коммуникации.

Итак, звуковая вариативность, с одной стороны, является признаком развития языка, с другой – она связана с действием социальных факторов стратификационного и ситуативного характера. И хотя современные произносительные тенденции в RP свидетельствуют о значительной либерализации орфоэпической нормы, важно понимать, что норма для говорящего устанавливает границы, в которых он может варьировать, например, реализации фонем. Выход за пределы, очерченные нормой, не только может затруднить коммуникацию, но и нарушить ее. Несомненно, знание основных орфоэпических и орфофонических черт произносительного стандарта английского языка является непременным условием эффективного межнационального общения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке: Учеб. пособие. М.: Логос, 2001. 304 с.
2. Вербицкая Л. А. Общелингвистические аспекты формирования произносительной нормы // Материалы междунар. конф. «100 лет экспериментальной фонетике в России». СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. С. 40–43.
3. Вишневецкая Г. М. Межкультурная коммуникация, языковая вариативность и современный билингвизм // Ярославский педагогический вестник. 2002. № 1 (30). С. 29–35.
4. Гавранек Б. Задачи литературного языка и его культура // Пражский лингвистический кружок: Сб. статей / Под ред. Н. А. Кондрашова. М.: Прогресс, 1967. С. 338–377.
5. Горбачевич К. С. Вариантность слова и языковая норма: На материале современного русского языка. 2-е изд. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. 240 с.
6. Гордина М. В. Фонетика французского языка. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. 208 с.
7. Кабачки В. В. Английский язык межкультурного общения – новый аспект в преподавании английского языка // Иностранные языки в школе. 2000. № 6. С. 84–89.
8. Косериу Э. Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. М.: Прогресс, 1963. Вып. III. С. 143–343.
9. Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. М.: Языки славянских культур, 2008. 232 с.
10. Крысин Л. П. Русский литературный язык на рубеже веков // Русская речь. 2000. № 1. С. 28–40.
11. Ларин Б. А. О лингвистическом изучении города // Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание: Избр. труды. М.: Просвещение, 1977. С. 175–189.
12. Матезиус В. О необходимости стабильности литературного языка // Пражский лингвистический кружок. М.: Прогресс, 1967. С. 361–386.
13. Русский язык: Энциклопедия / Под ред. Ю. Н. Караулова. 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 1997. 723 с.
14. Савельева Л. В. Языковая экология: Русское слово в историко-культурном освещении. Петрозаводск: КГПУ, 1997. 144 с.
15. Серебрянников Б. А. Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. М.: Наука, 1970. 602 с.
16. Graddol D. The Future of English? A Guide to Forecasting the Popularity of the English Language in the 21st Century. The British Council London. 1997.
17. Kachru B. V. Norms, models and identities // The Language Teacher Online, 20 (10). Retrieved 25 October, 2001 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://langue.hyper.chubu.ac.jp/jalt/pub/tlt/96/oct/englishes.html>
18. Parkins J. What does «British jobs» pledge mean? // BBC News 24. 16 November 2007 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://news.bbc.co.uk/1/hi/uk_politics/7097837.stm
19. Stevens P. English as an International Language: Directions in the 1990s // The Other Tongue: English across Cultures / Ed. B. V. Kachru. 2nd ed. Urbana, 1992. P. 27–47.
20. Wells J. What is Estuary English? // English Teaching Professional. 1997 [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.phon.ucl.ac.uk/home/estuary/
21. Wells J. Longman Pronunciation Dictionary. Barcelona, 2000. 870 p.

МАРИЯ ВАЛЕРЬЕВНА БОГОМОЛОВА

аспирант отдела новейшей русской литературы, Институт
мировой литературы им. А. М. Горького РАН (г. Москва)
godomolova@gmail.com**ПОРТРЕТ В ЛИТЕРАТУРЕ И ПОРТРЕТНЫЙ ЖАНР В ИСКУССТВЕ
(к постановке проблемы)**

В статье проводится сопоставление существующих теоретических представлений о портрете в художественной литературе и портретном жанре в изобразительном искусстве, выявляются причины смещения данных понятий. Категория «портрет» анализируется в контексте общетеоретических и методологических проблем изучения портрета в литературе.

Ключевые слова: портрет в литературе, литературный портрет, портретный жанр в искусстве

В литературоведении термин «портрет» употребляется в различных значениях. Во-первых, данный термин используется в жанровом смысле – для обозначения очерка биографии и творчества отдельного человека (писателя, поэта, художника и т. д.). Такой портрет (часто говорят о «литературном портрете») нередко ставят в один ряд с жанром портрета в искусстве – несмотря на разные исторические пути развития¹; ключевой объединяющий признак – направленность на раскрытие духовной сущности человека, воссоздание целостного (физического, духовного, творческого) облика портретируемого, ср.: «Портрет (франц. *portrait*, от устаревшего *portraire* – изображать), изображение или описание (например, в литературе) какого-либо человека либо группы людей, существующих или существовавших в реальной действительности. <...> Важнейшим критерием портретности является сходство изображения с портретируемым (моделью, оригиналом). Сходство в портрете результат не только верной передачи внешнего облика портретируемого, но и правдивого раскрытия его духовной сущности в единстве индивидуально-неповторимых и типических черт, присущих ему как представителю определенной исторической эпохи, национальности, социальной среды» [6; 382].

Во-вторых, под портретом понимается изображение внешности персонажей в литературном произведении. В этом качестве портрет является одной из составляющих структуры образа персонажа – наряду с другими его элементами (описанием мыслей, чувств, поведения героя, его речи, биографии, социального положения и т. д.). Одновременно портрет формирует «художественную предметность» произведения (В. Хализев) – таким образом, он стоит в одном ряду с пейзажем, интерьером, поступками героев и т. д. В поле зрения филологов портрет попадает в основном как частный случай характеристики персонажа – выявляются место и функции портрета в структуре образа. Однако на материале пор-

трета могут рассматриваться самые разные аспекты творчества писателя: индивидуально-авторские принципы построения текста, функции детали как элемент стиля, эстетическая направленность произведения, образ человека в авторской картине мира и т. д.

В различных научных, учебных источниках изображение внешности персонажа (будем говорить о «портрете в литературе») также сближается портретным жанром в искусстве. Пересечение этих понятий наблюдается, в частности, на фоне историко-культурного процесса. Принято считать, что жанр портрета сформировался в европейской культуре в XV–XVII веках и ознаменовал собой смену общественных идеалов, интерес к индивидуальности человека, стремление раскрыть неповторимый внутренний мир отдельной личности². В литературоведении существует сходная тенденция: часть исследователей понимают под портретом не любое изображение внешности персонажа, а лишь обусловленное определенным типом сознания; ср.: «...формирование портрета в литературе... означало “завоевание” индивидуальности. Народная эпическая поэзия еще не выделяла человека из общей массы» [9; стлб. 894]; «портрет... узко историчен... многие века европейская литература прекрасно обходилась и без него, – хотя человек как таковой присутствовал в ней постоянно, но его внешность в современном понимании не привлекала ее внимания, не считалась достойной изображения, либо создавалась по совершенно другим принципам, игнорирующим как частный внешний облик человека, так и визуальное восприятие человека. В этом случае термин “портрет” применим только переносно, так как тут речь идет об “образе” человека» [15; 166].

Важно отметить, что по сравнению с портретом в литературе портретный жанр (прежде всего в изобразительных видах искусства) получил достаточно глубокую теоретическую разработку; по-видимому, именно это обстоятельство приве-

ло к тому, что во многих работах литературоведов, направленных на анализ внешности персонажей, отразились представления о портретном жанре в искусстве.

В частности, в литературоведении встречаются следующие определения искусствоведов: «Портрет (франц. *portrait*, от устаревшего *portraire* – изображать), изображение или описание (например, в литературе) какого-либо человека либо группы людей, существующих или существовавших в реальной действительности» [6; 382]; «Портрет в искусстве – образ реального человека, воплощенный средствами того или иного вида художественного творчества с целью запечатлеть именно этого человека» [7; 16]; «портрет – синтез духовной сущности данного человека в художественно интерпретированном образе, оформленном средствами искусства» [4; 192]; «на портрете изображается внешний облик (а через него и внутренний мир) конкретного, реального, существовавшего в прошлом или существующего в настоящем человека» [2; 129]; «портрет – это равнодействующая трех моментов: это лицо картины, в котором отражаются личность модели и личность художника, создавая особый новый лик» [5; 51] и т. п.

Кроме того, рассматривая портретный жанр как отражение определенного типа сознания, особого мироощущения, исследователи могут не проводить четких границ между разными объектами изображения, одинаково воплощающих мировидение художника. Так, Н. Тарабукин, рассматривая портрет как определенное состояние сознания³, не связывает портретный жанр исключительно с изображением человека: «...если изображая природу, художник в ней раскроет себя, то тем самым он создаст портрет природы. Пейзаж Коро тому убедительное доказательство» [14; 176]. Если же на портрете изображается человек, но при этом «воспринимается как внеположный воспринимающему “я” объект, то художник создает произведение не портретного, а какого-либо другого стиля. Лицо превращается в таком случае в иллюзионистическую маску или снижается до натуралистической копии» [14; 177]. «Портретное» мироощущение Н. Тарабукин связывает с конкретными стилистическими приемами [14; 191–193], в результате на первый план выступает проблема стиля художника, а изображение облика человека на картине рассматривается как вариант (правда, основной) реализации данного стиля.

Подобная тенденция встречается и в литературоведении. Например, Е. Тагер, рассматривая портрет как одно из проявлений общего индивидуально-авторского стиля, не видит основания выделять его в отдельный объект анализа: «Своеобразие портретов Пушкина и Горького... восходит не к особенностям характеров, запечатлен-

ных в соответствующих портретных приметах, а к особенностям художественного “зрения”, к разным способам “видеть” человека. И так же, как проблема портретной характеристики является частью более общей проблемы истолкования образа в целом, так и проблема различных методов портретного изображения входит в более широкую проблему “описания” вообще. Разным писателям присущи разные принципы живописно-пластического видения мира, и эти принципы в равной мере сказываются в изображении природы, вещной обстановки, т. е. во всей изобразительно-описательной сфере словесного искусства... портрет как изображение внешности персонажа вряд ли заслуживает самостоятельного, изолированного изучения. Речь может идти либо об истолковании определенного образа, и тогда описание внешности привлекается в качестве одного из многих выразительных моментов, из которых складывается представление о характере человека, либо о своеобразии описательной манеры автора, его изобразительного стиля, и тогда грани между “портретом”, “пейзажем”, “интерьером”, по существу, стираются» [13; 378]. Более того, исследователь отмечает неадекватность самого термина «портрет» применительно к изображению внешности персонажа: «...слово “портрет” в указанном значении – термин весьма неточный и условный. Прямой аналогии с портретом живописным и скульптурным здесь нет. Ведь изображение внешности не является прерогативой именно портретного жанра; в любом жанре изобразительных искусств человек не может быть показан иначе, как через его внешность. Точнее было бы говорить о словесной “пластике” или “живописи” применительно к изображению человека» [13; 378–379]. Слову «портрет» находится более подходящее применение: «...в литературоведении термин “портрет” употребляется и в другом смысле, гораздо теснее связанном со спецификой собственно портретного искусства. <...> Портрет – это прежде всего изображение конкретного лица, не вымышленного образа, созданного воображением художника, а единичной, “именованной” личности» [13; 379]. Смещая акцент с портрета как изображения внешности персонажа на портрет как очерк биографии и творчества реального человека, Е. Тагер разрабатывает определение: «...образу, широко обобщенному, созданному лишь воображением, противопоставлен не просто сколок с природы, а образ, построенный на живых и единичных приметах отдельной личности (курсив наш. – М. Б.)» [13; 380] («живые и единичные приметы» здесь не только наружность, но любые «устойчивые черты изображаемой личности»). Как подчеркивает Е. Тагер, главный признак такого портрета (в соответствии с общим представлением о классическом портрете в искусстве) –

интерес к индивидуальному в человеке. Сходные размышления на тему портретного жанра можно встретить во многих литературоведческих работах, направленных на изучение портрета как изображения внешности персонажей.

Очевидно, что сложившиеся в искусствоведении представления о портретном жанре оказывают существенное и не всегда благотворное влияние на проблему изучения словесного портрета в литературоведении; из них наиболее явно сказались следующие.

1. Портрет – элемент изобразительности, живописности, описательности.

Однако это лишь одна из многих (причем не самая первостепенная) функций портрета в художественном произведении⁴.

2. Портрет – способ раскрытия духовной сущности человека, индивидуальности, неповторимой единичности отдельной личности.

Данный признак закреплен в представлениях о классическом портрете, но в целом история изображения человека знает множество случаев, когда требования раскрытия индивидуальности, внутреннего мира человека отступали на второй план (например, портреты-типы, отражающие общие представления об идеале) или вообще были «противопоказаны» (например, ритуальные маски, выполняющие защитные функции).

Раскрытие духовного мира человека – также одна из возможных функций портрета в литературе. При этом, в отличие от портретного жанра, диада «модель – художник» (здесь – автор и прототип персонажа) менее актуальна: в художественной литературе образ, создаваемый с помощью портрета, и его прообраз могут отстоять друг от друга весьма далеко.

3. Портрет – изображение человека.

В истории культуры имеется множество случаев, когда изображение человека не обязательно подразумевает собственно человека. В этом ряду выделяются явления антропоморфизации, персонификации, отсылающие к «архетипическим способам осознания универсума» и служащие «одной из форм уподобления – неотъемлемого свойства человеческой психики и мышления» [12; 138–139]. Принимать человеческий облик в этом случае может любой объект – природные явления, мир в целом, абстрактные понятия, ценностные категории и т. д.

Такому виду «освоения» мира искусство конца XIX – начала XX века противопоставило множество работ, в которых портрет в первую очередь становился средством выражения внутреннего состояния художника, его мироощущения. В этом случае личность автора подчиняет себе требования портретного жанра, ср.: «...сама живописная материя как бы выступала носителем личностной характеристики. Прежде всего “удары цвета” интересовали Ван Гога в его

поздних автопортретах, через цвет раскрывавших состояние духа. Для его передачи не всегда нужно было даже изображать себя» [12; 145–146].

Очевидно, что в исторической перспективе развитие портрета (и, шире, человеческого изображения) шло по пути колоссальных трансформаций его форм и функций (мемориальных, магически-ритуальных, идеологических, декоративных и т. д.). Это движение отражает длительную эволюцию человеческого сознания, указывая на общее стремление стереть границы между миром человека и миром не-человека⁵. Однако если в первом случае, при антропоморфизации, знаком отсутствия границ становится внешность человека (контакт устанавливается на уровне общих внешних признаков, при этом распознать, изображен в человеческом образе человек или не-человек, иногда затруднительно: все персонифицируется и антропоморфизируется), то в случае, например, с Ван Гогом художник отталкивается от внешности, использует зрительный образ для раскрытия собственного мироощущения; контакт с миром устанавливается на уровне внутреннего чувства или знания.

При этом существуют примеры, когда портрет вбирает оба указанных полюса, отражая одновременно как архаическое, так и индивидуально-авторское начала. В литературе данное явление характерно, например, для творчества Андрея Платонова. Так, в следующем фрагменте: «Захар Павлович заметил не столько утро, сколько смену работников – дождь уснул в почве, его заменило солнце; от солнца же поднялась суeta ветра, взъерошились деревья, забормотали травы и кустарники, и даже сам дождь, не отдохнув, снова вставал на ноги, разбуженный щекочущей теплотой, и собирал свое тело в облака» [11; 28], – автор создает «портрет» дождя, наделяя его антропоморфными признаками. При этом в описании природного явления отражено представление о непрерывности процессов, взаимопревращения разных форм материи, а также имплицирована идея освоения мира, макрокосма через микрокосм без вмешательства в существующий миропорядок.

В данной статье затронуты лишь отдельные аспекты проблемы портрета, но даже эти наблюдения убеждают в масштабности и сложности теоретических задач. В целом можно отметить, что сложившиеся на сегодняшний день в теории литературы представления о портрете как изображении внешности персонажа дают лишь самые общие ориентиры для работы филологов, далеко не всегда обеспечивающие необходимый теоретический фон. Очевидна необходимость не только обобщения и систематизации накопленного в литературоведении опыта, но и дальнейшей разработки методологических основ изучения портрета.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ О генезисе и эволюции литературного портрета см. [8]; об истории развития портретного жанра в искусстве, в частности в живописи, см., например, [12].
- ² Ср.: «Портрет в своей современной функции – порождение европейской культуры Нового времени с ее представлением о ценности индивидуального в человеке, о том, что идеальное не противостоит индивидуальному, а реализуется через него и в нем» [10; 350]; «Портретный жанр сложился в эпоху кватроченто именно на основе стремления к выявлению индивидуальных свойств, к познанию личности и к самопознанию, к узнаванию не идеи, а человека» [12; 141].
- ³ Исследователь говорит о портрете как о «продукте лирического отношения к миру», особом состоянии сознания, при котором «человек не ограничивается противопоставлением “я” – субъекта “миру” – объекту», а делает объект частью «своего» мира. В результате, по мнению искусствоведа, всякий подлинный портрет, будучи в конечном счете всегда автопортретным, «постигает личность “другого” не как ноумен, а как феномен», при этом любое изображаемое явление, включаемое в субъективный мир автора, становится «лишь объективированной частью единого реального мира, который представляет собой сам художник». Как пишет Н. Тарабукин, благодаря такому мироощущению «мир стал восприниматься, как единое целое, как безначальный бесконечный поток жизненной энергии, находящейся в состоянии вечного становления» [14; 173, 175, 176].
- ⁴ О функциях портрета в литературе см., например, [15; 166–183].
- ⁵ Как пишет И. Свирида, история изображения человека «свидетельствует о желании не только запечатлеть его присутствие в этом мире, но и преодолеть духовно-физические, пространственно-временные границы земного существования, говорит об осознанном или подсознательном стремлении индивида за пределы собственного бытия» [12; 148].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алпатов М. Очерки по истории портрета. М.; Л.: Искусство, 1937. 60 с.
2. Басин Е. Я. К определению жанра портрета // Советское искусствознание. М., 1986. Вып. 20. С. 175–195.
3. Басин Е. Статьи об искусстве. М., 2010. 200 с.
4. Домогацкий В. Н. Теоретические работы. Исследования, статьи. Письма художника. М.: Сов. художник, 1984. 386 с.
5. Жинкин Н. И. Портретные формы // Искусство портрета: Сб. ст. М., 1928. С. 7–53.
6. Зингер Л. Портрет // Большая советская энциклопедия: В 30 т. Т. 20. М.: Сов. Энциклопедия, 1975. С. 382–386.
7. Зингер Л. К определению портрета // Творчество. М., 1980. № 10. С. 15–16.
8. Касьянова Д. Литературный портрет в России // Ростовская электронная газета. № 22 (76). 2001. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.relga.sfedu.ru/n76/litved76.htm>
9. Краткая литературная энциклопедия: В 9 т. Т. 5. М.: Сов. Энциклопедия, 1968. 976 стлб.
10. Лотман Ю. М. Портрет // Лотман Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб.: Академический проект, 2002. С. 349–375.
11. Платонов А. П. Чевенгур: Роман / Сост., вступ. ст., коммент. Е. А. Яблокова. М.: Высш. шк., 1991. 654 с.
12. Свирида И. И. Человек – не-человек в искусстве (о границах бытия) // Миф в культуре: человек – не-человек / Ред. Л. А. Софронова, Л. Н. Титова. М.: Индрик, 2000. С. 138–149.
13. Тагер Е. Б. Жанр литературного портрета в творчестве Горького // О художественном мастерстве Горького. М.: АН СССР, 1960. С. 375–418.
14. Тарабукин Н. М. Портрет как проблема стиля // Искусство портрета: Сб. ст. М., 1928. С. 159–193.
15. Фариню Е. Введение в литературоведение: Учеб. пособие. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2004. 639 с.

НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА ТАРАСОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы филологического факультета, Петрозаводский государственный университет
nsova74@mail.ru

ЕВАНГЕЛЬСКИЙ ТЕКСТ В «ДНЕВНИКЕ ПИСАТЕЛЯ» ЗА 1876–1877 ГОДЫ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Статья посвящена исследованию аллюзий и реминисценций из евангельского текста в черновых и беловых рукописях Ф. М. Достоевского. Анализ материала позволяет установить смысловые ошибки чтения рукописного текста публикаторами, восстановить по первоисточникам подлинные авторские написания, дать необходимый текстологический комментарий к ним.

Ключевые слова: творчество Достоевского, текстология, поэтика текста

Говоря о «Дневнике писателя» Достоевского, И. Л. Волгин верно заметил, что «с момента появления “Дневника” в 1876 г. в качестве особого издания и вплоть до наших дней его *тексту* не уделялось достаточного внимания» [4; 151]. Несмотря на то что после опубликования цитируемой статьи прошло довольно много времени, анализ текста «Дневника писателя» (как чернового, так и окончательного) сохраняет актуальность. При этом особое значение имеет проблема установления текста, то есть «прочтение текста, связанное с его осмыслением, на основе его истории, с выявлением в нем ошибок и искажений, а также (в случае надобности) подготовка его к публикации с соблюдением принятых правил передачи текста» [7; 146]. Этот важнейший вопрос текстологии решается, если говорить о Достоевском, в современных исследованиях, посвященных рукописному тексту, и в эдиционных проектах, в том числе в петрозаводском издании Полного собрания сочинений Достоевского в старой орфографии и авторской пунктуации [11; 24].

В наше время одним из насущных вопросов филологической науки становится определение взаимосвязи текстологии и поэтики текста. Н. В. Корниенко, анализируя проблему установления основного текста произведений А. Платонова, отмечает, что текстологические решения необходимо поверять внутренними закономерностями художественного творчества: «Если не учитывать те глубинные метафизические вопросы, что стоят за авторским сомнением в тексте, мы можем допустить страшные перекосы в выборе основного текста и в формировании свода редакций. Трудность здесь для текстолога, можно сказать, носит онтологический характер: мы должны представить основной текст в том периоде творчества, где установка на незавершенность имела характер художественной и эстетической позиции писателя, утверждавшего в 1929 году: “Окончание не в литературе, а в жизни”» [20;

191–192]. По мысли Е. Р. Матевосян, современной науке необходимо «установить закономерность взаимосвязи и взаимодействия между текстологическим (в широком смысле) анализом, то есть изучением всего того, что предшествовало окончательному тексту, и литературоведческим анализом, то есть интерпретацией художественного произведения» [21; 268]. Взаимосвязь текстологического и литературоведческого анализа неоднократно подтверждалась результатами исследования конкретных текстов. Так, на материале изучения творчества Л. Н. Толстого Н. П. Великанова делает вывод о том, что «анализ поэтики так же необходим для текстологического исследования, как анализ и история текста необходимы для изучения поэтических приемов» [3; 157].

В данной работе предлагается текстологический анализ черновых и беловых записей Достоевского к «Дневнику писателя» за 1876–1877 годы, связанных с содержанием евангельского текста. К вопросу о евангельском тексте в произведениях Достоевского обращались многие исследователи (см.: [1], [12], [14], [15], [17], [18], [19], [25], [27], [29] и др.). В большинстве своем публикации на эту тему содержат анализ печатных текстов и посвящены преимущественно романному творчеству писателя. Интерес представляет изучение евангельских аллюзий и реминисценций в рукописях Достоевского, как правило, дающих дополнительную информацию о развитии художественных художественно-публицистических идей автора. Обратимся к примерам из рукописных и печатных источников текста «Дневника писателя».

В 30-томном Полном собрании сочинений Достоевского (*ЛСС*) ошибочно пропущен отрывок, связанный с содержанием раздела «Что на водах помогает: воды или хороший тон?» гл. 4 «Дневника писателя» за июль – август 1876 г. В рукописи упоминаются Печорин и Кавказский Пленник, персонажи, которые получают следующую

авторскую характеристику: «злы, нетерпѣливы /и хлопчуть о себѣ однихъ искренно /и безъ маски<?>/ и такимъ образомъ/ нарушаютъ гармонию /хорошаго тона/ /который изъ всѣхъ силъ долженъ дѣлать видъ что всякій живетъ для всѣхъ, а всѣ для всякаго/».

Далее на полях справа следует продолжение, не отраженное в ПСС: «и что этимъ только всѣ и всякій и счастливы. Скажите на милость, вась спрошу я<:> зачѣмъ хорошему тону воровать было эту истину изъ евангелія? Очевидно вкусъ подсказалъ, чувство красоты подсказало. <Левее от текста: Очевидно ~ чувство красоты подсказало – помета: Соприкосновение съ природой>» (РГБ. Ф. 93. I. 2. 10. Л. 108).

Соединение этих заметок в целое высказывание актуализирует евангельский смысл первой, опубликованной и известной части записи. Понятие «вкуса» появляется в «Дневнике писателя» в строках о цветах: «Цветы – это надежды. Сколько вкуса в этой идее. Вспомните текст: “Не заботьтесь во что одеться, взгляните на цветы полевые, и Соломон во дни славы своей не одевался как они, кольми паче оденет вас Бог”». В точности не упомяну, но какие прекрасные слова! В них вся поэзия жизни, вся правда природы» [10; Т. 23, 87]. В Евангелии сравнение с цветами сопутствует идее освобождения от внешнего и заботы о внутреннем, духовном: «Ищите же, во-первых, царствия Божия и правды Его, и все сие приложится вам» (Мф. 6:33). В тексте Достоевского евангельская аллюзия возникает в результате противопоставления истинно христианского идеала подобно «золотого века» в обществе, живущем по правилам «хорошего тона». Последнее обстоятельство тематически сближает рассуждения о «хорошем тоне» с положениями, высказанными в январском выпуске «Дневника писателя» 1876 года (§ IV «Золотой век в кармане» гл. 1). В черновике Достоевского соединяются нравственные представления («всякий живет для всех, а все для всякаго») и эстетические («чувство красоты подсказало»), и такое сочетание воспринимается как характеристика природой заданного, естественного, первоначального, догреховного состояния человека – в рукописи появляется помета «Соприкосновение с природой», а в окончательном тексте звучит мысль о том, что добро есть «правда природы», следуя которой «люди в простоте и в веселии сердца будут венчать друг друга цветами искренней человеческой любви» [10; Т. 23, 87].

В декабрьском выпуске «Дневника писателя» за 1877 год Достоевский, как известно, обращается к одному из интересовавших его судебных дел – уголовному процессу Корниловой, вытолкнувшей свою падчерицу из окна. В публикации чернового автографа этого выпуска встречаем ошибки двух типов – неточное чтение и неверное отражение порядка записи: «Вы спрашива-

ете: “Из скольких случаев жестокости <Было: жестокого обращения> с детьми один подпадает судебному рассмотрению?” Ну, а литературному рассмотрению много ли подпадает? Кронеберг. <Было: Корнилова> Мало кто обратил внимание. Да и не по мне кто, с тем, чтоб сказать с негодованием, от сердца.

Секли поступком.

А я сказал, и статья моя имела впечатление, и я этим горжусь, и не как статьей. <Секли ~ статьей. *вписано*>» [10; Т. 26, 190–191].

В автографе вместо: «Да и не по мне кто» – нужно читать: «Да и не помню кто» (РГБ. Ф. 93. I. 2. 14/9. Л. 1 об.).

И здесь, и в окончательном тексте отвергаются обвинения, выдвинутые публицистом газеты «Северный вестник», в том, что Достоевский, откликнувшийся на дело Корниловой, якобы необоснованно защищал преступницу, не имея сочувствия к ребенку. Писатель счел возможным напомнить, что он, в отличие от своего оппонента, неоднократно выступал в защиту детей, бывших в том или ином случае жертвами родственников: «Когда был процесс Кронеберга, мне случилось-таки, несмотря на все мое пристрастие к “болезненным проявлениям воли”, заступиться за ребенка, за жертву, а не за истязателя. Следственно, и я *иногда* беру сторону здравого смысла, г-н Наблюдатель. Теперь я даже сожалею, зачем вы не выступили тогда тоже в защиту ребенка, г-н Наблюдатель; наверно бы вы написали самую горячую статью. Но я что-то не помню ни одной горячей тогда статьи за ребенка» [10; Т. 26, 107–108]. Отмеченная черновая заметка текстуально соответствует последним строкам приведенного высказывания: Достоевский замечает, что и не помнит, кто, кроме него самого, высказывался в защиту дочери Кронеберга.

Вторая ошибка связана с неверным отражением порядка записи. Окончание текста нужно читать иначе: «А я сказалъ, и статья моя имѣла впечатлѣніе, и я этимъ горжусь и не какъ статьей /а какъ поступкомъ/» (РГБ. Ф. 93. I. 2. 14/9. Л. 1 об.).

Вариант ПСС «Секли поступком» ошибочен. Глагол «секли» был бы написан через «ѣ», которой в тексте Достоевского нет; вместо этого в рукописи обнаруживается сочетание «а какъ». Оно указывает на то, что набросок, записанный у нижнего края страницы, имеет продолжение на полях слева. Соединенные вместе, эти две записи дают новый смысл: Достоевский не только доказывает на конкретных примерах (имея в виду свои статьи о судебных процессах Кронеберга и Джунковских), что заступался за обиженных детей. Он подчеркивает, что его выступления в «Дневнике писателя» были *действены*, и следовательно, приобрели значение поступка. В этой короткой черновой заметке выражена одна из важнейших идей писателя – христианская идея деятельной любви, актуальная для творчества

Достоевского в целом; ср.: «...станем любить не словом или языком, но делом и истиною» (Иин. 3:18).

По мысли автора, мало выступать с гуманистическими лозунгами в печати, как это делают некоторые журналисты, – нужно выступать так, чтобы жизнь конкретных людей менялась к лучшему; необходимо личное деятельное участие в решении той или иной проблемы. Как известно, Достоевский сам встречался с Корниловой, чтобы разобраться в причинах произошедшего, а его статьи об этом деле способствовали вынесению ей оправдательного приговора. Не случайно в споре с Наблюдателем Достоевский отмечает недостоверность сведений, содержащихся в публикации «Северного вестника», как факт, значимый по своим возможным последствиям: «...Наблюдатель *не знает* дела, о котором судит, говорит наобум, сочиняет сам из головы небывалые обстоятельства и бросает их прямо на голову бывшей подсудимой; в зале суда, *очевидно*, не находился, прений не слушал, при приговоре не присутствовал – и при всем том – ожесточенно и озлобленно требует казни человека! Да ведь дело-то об участии человеческой идет, нескольких даже существ зараз, о том идет, чтоб разорвать жизнь человеческую пополам, безжалостно, с кровью. Положим, несчастная уже была оправдана, когда Наблюдатель вышел с своей статьей, – но ведь такие нападения влияют на общество, на суд, на общественное мнение, они отзовутся на будущем подобном же подсудимом, они, наконец, обижают оправданную, благо она из темного люда, а потому беззащитна» [10; Т. 26, 94].

В другом месте черновой рукописи Достоевский упоминает о том, как муж Корниловой привел ее домой после освобождения и прежде всего стал читать ей Евангелие. Вариант *ЛСС*: «В чем-то же светился этот укор? Слышала: тебе, дескать, это надо теперь прежде всего, прежде питья, прежде еды и спанья, потому что ты грешница и в этом нуждаешься. Тут она могла услышать слишком-<м> уж постоянный укор» [10; Т. 26, 196]. В автографе: «Въ чтені-<и> же евангелія зтоъ укоръ слышала: тебе дескать это надо теперь прежде всего, прежде покоя, прежде ѣды и спанья, потому что ты грѣшница и въ этомъ нуждаешься. Тутъ она могла услышать слишком-<мъ> ужъ поспѣшный укоръ» (РГБ. Ф. 93. I. 2. 14/10. Л. 2 об.).

На неточность прочтения начала записи указывает синтаксическая неясность фразы: в рукописи нет вопросительного знака. Необходимо также учесть особенность начертаний и орфографические характеристики (использование букв «i» и «ѣ»). В печатном тексте автор стремится подчеркнуть «поспешность» обращения мужа Корниловой к чтению Евангелия – появляется курсив: «Слишком виновную душу, и особенно если она сама уже слишком чувствует свою

виновность и много уже вынесла из-за того муки, не надо слишком явно и *поспешно* укорять в ее виновности, ибо можно достигнуть обратного впечатления, и особенно в том случае, если раскаяние и без того уже в душе ее» [10; Т. 26, 104].

В творчестве Достоевского мотив виновности нередко связан с темой преступления [13; 23]. В романе «Преступление и Наказание» Достоевский оставляет своим героям надежду на духовное восстановление, в «Дневнике писателя» за 1877 год особое внимание обращает на эпиграф «Анны Карениной», подчеркивая, что в человечестве «нет и не может быть еще ни лекарей, ни даже судей окончательных, а есть Тот, который говорит: “Мне отмщение и Аз воздам”» [10; Т. 25, 201].

С этой точки зрения интересно еще одно различие между рукописным и печатным текстом. В наборной рукописи декабрьского выпуска «Дневника писателя» за 1877 год есть строки, которые в печати воспроизводятся так: «По крайней мере, теперь хоть надеяться можно, что великое милосердие суда не испортило преступницу еще более, а, напротив, даже очень может быть, что пало на хорошую почву» [10; Т. 26, 106]; то же в прижизненном издании произведения. В рукописном тексте слово «суд» записано с заглавной буквы (РГБ. Ф. 93. I. 2. 13. Л. 240), и это не случайность – таким образом подчеркивается высшее значение земного Суда, заключенное в его способности к милосердию, которое дает оступившемуся человеку надежду на новую жизнь: «Теперь же, чувствуя, что она преступница, и считая себя таковою, и вдруг прощенная людьми, облагодетельствованная и помилованная, как могла бы она не почувствовать обновления и возрождения в новую и уже высшую прежней жизнь?» [10; Т. 26, 110].

Надо сказать, что обращение к беловым рукописям «Дневника писателя» за 1877 год обнаруживает и другие подобные примеры различий между рукописным текстом и последующими его публикациями. Не во всех случаях исправление рукописи в печати улучшает текст. Довольно часто, напротив, происходит искажение авторской мысли. Это касается и пунктуационных, и орфографических изменений, вносимых корректорами или наборщиками на стадии допечатной подготовки текста [28]. Для Достоевского немаловажным было начертание особо значимых слов с заглавной буквы. По точному выражению В. Н. Захарова, заглавная буква «устанавливает иерархию понятий, являясь своего рода “метафизикой текста”» [16; 355]. В подобных случаях графическо-акцентирования слова следует соблюдать орфографию первоисточника при публикации текста. В реальности так происходит не всегда. Говоря об эдиционном аспекте текстологической работы, А. Л. Гришунин заметил: «XVIII, в значительной мере и XIX век сильно злоупотреблял

прописной буквой. С прописной писались наименования чинов, званий, даже профессий... и это было повсеместной и общей нормой; ничего специфически карамзинского, пушкинского, лермонтовского и т. д. – в этом нет. То была дань традиции, возможно, под влиянием, например, немецкого языка, никак не оправданная целесообразностью и логикой текста» [7; 339], см. также [8; 45]. Вместе с тем исследователь подчеркивает, что «от чисто условного, традиционного и ничем не оправданного написания слов с прописной буквы следует отличать те нарицательные имена, которые начинаются с прописной буквы для подчеркивания их особого значения» [7; 339]. Трудно согласиться с утверждением о злоупотреблении прописной буквой в XVIII и XIX веках: если прописная форма и была «данью традиции», то определенная логика ее использования, безусловно, существовала (см. [22; 47–48]). Так, еще в грамматическом руководстве Н. И. Греча отмечена зависимость формы написания от стиля и содержания высказывания: не нуждается в пояснении прописная буква в «наименова-

ниях истинного Бога» или в «наименованиях олицетворенных предметов, умственных и отвлеченных» (Природа, Искусство, Восток, Запад и т. д.), не говоря уже об именах собственных [6; 544–550]. По мнению В. Э. Вацура, «выделить из традиционных написаний, где прописная буква ставится автоматически, аллегорические обозначения и понятия, где она семантически нагружена, иногда бывает чрезвычайно затруднительно, но делать это необходимо, хотя бы с известной степенью вероятности, – в противном случае мы рискуем привнести в текст те же, уже обозначенные нами, дополнительные и чуждые ему значения» [2; 261–262] (о поэтике заглавной буквы см. также [5; 185], [26; 27]).

Рассмотрим примеры, показывающие значение орфографических характеристик авторских записей. В следующей ниже таблице приводятся различия между рукописью, с которой набран текст «Дневника писателя» за 1877 год, первопечатным текстом произведения (единственным прижизненным изданием 1878 года) и текстом академической публикации.

№	ПСС	1878	Наборная рукопись
Апрель			
1	С войной и победой придет <u>новое слово</u> , и начнется живая жизнь, а не одна только мертвящая болтовня как прежде [10; Т. 25, 96]	Съ войной и побѣдой придетъ <u>новое слово</u> , и начнется живая жизнь, а не одна только мертвящая болтовня какъ прежде [9; 88]	Съ войной и побѣдой [–] /придетъ/ <u>Новое слово</u> , [новья начала] и /начнется/ живая жизнь, а не [мертвящій сонъ] /одна только мертвящая болтовня какъ прежде/ (РГБ. Ф. 93. I. 2. 12. Л. 7)
Май – июнь			
2	под выражением «невеста Христова» всегда разумелась вообще <u>церковь</u> [10; Т. 25, 125]	подъ выраженіемъ «невѣста Христова» всегда разумѣлась вообще <u>церковь</u> [9; 116]	подъ выраженіемъ «невѣста Христова» всегда разумѣлась вообще <u>Церковь</u> (ИРЛИ. Ф. 100. № 29479. Л. 7; в черновом автографе заглавная буква – РГБ. Ф. 93. I. 2. 12. Л. 109)
3	<u>отечественного языка</u> [10; Т. 25, 140]	<u>отечественнаго языка</u> [9; 131]	<u>Отечественнаго языка</u> (ИРЛИ. Ф. 100. № 29480. Л. 27; в черновом автографе заглавная буква – РГБ. Ф. 93. I. 2. 12. Л. 146)
4	что я говорил о знаніи <u>русского языка</u> , надо приложить и к <u>французскому</u> [10; Т. 25, 140]	что я говорилъ о знаніи <u>Русскаго языка</u> , надо приложить и къ <u>французскому</u> [9; 131]	что я говорилъ о знаніи <u>Русскаго языка</u> , надо приложить и къ <u>французскому</u> (ИРЛИ. Ф. 100. № 29480. Л. 27 об.; в черновом автографе так же – РГБ. Ф. 93. I. 2. 12. Л. 148)
5	Россию и всё <u>отечественное</u> [10; Т. 25, 142]	Россію и все <u>отечественное</u> [9; 133]	Россію и все <u>Отечественное</u> (ИРЛИ. Ф. 100. № 29480. Л. 30; в черновом автографе строчное написание – РГБ. Ф. 93. I. 2. 12. Л. 151)
6	Они провозгласили свое уже <u>новое слово</u> [10; Т. 25, 152]	Они провозгласили свое уже <u>новое слово</u> [9; 143]	Они провозгласили /свое уже/ <u>новое Слово</u> (ИРЛИ. Ф. 100. № 29481. Л. 3)
7	хоть и не представил <...> <u>своего слова</u> , своего строго сформулированного идеала взамен древнеримской идеи, но, кажется, всегда был убежден, внутри себя, что в состоянии представить это <u>новое слово</u> [10; Т. 25, 153]	хоть и не представилъ <...> <u>своего Слова</u> , своего строго сформулированного идеала взаменъ древнеримской идеи, но кажется всегда былъ убѣжденъ, внутри себя, что въ состояніи представить это <u>новое Слово</u> [9; 143]	хоть и не представилъ <...> <u>Своего слова</u> , своего строго сформулированного идеала взаменъ древнеримской идеи, но кажется всегда былъ убѣжденъ, внутри себя, что въ состояніи представить это <u>новое Слово</u> (ИРЛИ. Ф. 100. № 29481. Л. 3–3 об.)
8	И вот германский дух, сказав это <u>новое слово</u> протеста [10; Т. 25, 153]	И вотъ Германскій духъ, сказавъ это <u>Новое Слово</u> протеста [9; 143]	И вотъ Германскій духъ, сказавъ это <u>Новое Слово</u> протеста (ИРЛИ. Ф. 100. № 29481. Л. 3 об.)

Выражение «новое слово» довольно частотно у Достоевского, иногда автор подчеркивает это словосочетание. В данном случае (первый пример) оно записано с большой буквы именно с целью акцентировать идею обновления мира и объединения людей в войне за единоверцев. Интересен повтор сочетания «новое слово» в другом орфографическом оформлении (пример шесть): «новое» – с маленькой буквы, «слово» – с заглавной. Семантика сочетания существенно иная: автор говорит об идее коммуны, под «новым словом» подразумевается «необходимость всеединения людей... на основаниях всеобщего уже равенства, при участии всех и каждого в пользовании благами мира сего, какие бы они там ни оказались» [10; Т. 25, 152]. По мысли писателя, «осуществить... это решение положили *всякими* средствами, то есть отнюдь уже не средствами христианской цивилизации, и не останавливаясь ни перед чем» [10; Т. 25, 152–153]. Выражения «блага мира сего» и «христианская цивилизация» составляют смысловое единство и отсылают нас к евангельскому мотиву дьяволова искушения Христа царствами земными (Мф. 4:8–10), актуальному для «Дневника писателя» и романов Достоевского. Так, в поэме Ивана Карамазова «Великий инквизитор» данный мотив ассоциируется, как и в «Дневнике писателя», с темой католичества – о царствах земных как идее, принятой римской церковью, говорит инквизитор, обращаясь к Христу [10; Т. 14, 234]. В «Дневнике писателя» эта библейская аллюзия проясняет суть авторской оценки коммунистической идеи объединения людей вне Христа: идею достижения цели «*всякими* средствами» не назовешь «Новым словом» – она стара как мир («древнеримская идея» – [10; Т. 25, 153]), поэтому и определение «новое» записано с маленькой буквы. Прописная форма существительного «Слово» тоже не случайна – это написание отражает восприятие

идеи самими ее носителями: «*Они провозгласили свое уже новое Слово*». Далее (в 7-м и 8-м примерах) речь идет о протестантизме, точнее, о лютеранстве. По мысли автора, лютеранство есть «новая формула протеста» против «древнеримской идеи» (католицизма). Здесь видим варианты орфографического оформления текста: *Свое слово, новое Слово, Новое Слово*. В каждом случае через орфографию выделяется тот или иной смысловой оттенок высказывания: противопоставленность своего и заданного традицией (*Свое слово*), неоправданная претензия на новизну идеи (*новое Слово*), выделение протестантской Германии на общеевропейском фоне (*Новое Слово*). Во всех этих случаях орфография становится способом выражения авторских оценок.

Семантика понятия «Церковь» (пример два) также передается через заглавную букву. Согласно Н. И. Гречу, «если слово имеет два значения, то важнейшее из оных, ближе подходящее к наименованию собственному или к имени предмета умственного, олицетворенного, начинается прописною буквою; например *церковь*, здание (*церковь Знаменья*), *Церковь*, собрание верующих (*Церковь Христианская*)...» [6; 549–550].

Думается, что написания, характеризующие авторские оценки и наделенные особым идейно-художественным смыслом, важно сохранять при воспроизведении текста в печати. Представленные примеры, кроме того, показывают, что евангельский текст становится той системой ценностей, в контексте которой на разных стадиях творческой работы оформляются и соединяются в художественное целое историософские и литературные идеи «Дневника писателя» и рождается авторский идеал деятельной любви, милосердия и веры.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФГФ, проект № 02-04-00101а.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Артемьева С. В. Случаи цитирования Ф. М. Достоевским Откровения Иоанна Богослова // Достоевский: Дополнения к комментарию / Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН, Комиссия по изучению творчества Ф. М. Достоевского. М.: Наука, 2005. С. 327–344.
2. Вацуро В. Еще раз об академическом издании Пушкина. (Разбор критических замечаний проф. Вернера Лефельдта) // Новое литературное обозрение. 1999. № 37. С. 253–266.
3. Великанова Н. П. «Война и мир»: поэтика и текстология // Современная текстология: теория и практика / ИМЛИ им. А. М. Горького РАН. М.: Наследие, 1997. С. 134–161.
4. Волгин И. Л. «Дневник писателя»: текст и контекст // Достоевский: Материалы и исследования / ИРЛИ (Пушкинский Дом) АН СССР. Л.: Наука, 1978. Т. 3. С. 151–158.
5. Галаган Г. Я. Мечта парадоксалиста (1876 год) // Достоевский: Материалы и исследования / ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. СПб.: Наука, 1997. Т. 14. С. 180–186.
6. Греч Н. И. Практическая русская грамматика. СПб.: Тип. Имп. Санктпетерб. Воспит. Дома, 1827. С. 544–550.
7. Гришунин А. Л. Исследовательские аспекты текстологии. М.: Наследие, 1998.
8. Дмитриева Е. Издание Гоголя: проблема этическая, эстетическая, текстологическая? // Проблемы текстологии и эдиционной практики. Опыт французских и российских исследователей / ИМЛИ им. А. М. Горького РАН; Под ред. М. Делона и Е. Дмитриевой. М.: ОГИ, 2003. С. 33–50.
9. Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1877 г. СПб.: Тип. В. Пуцковича, 1878.
10. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
11. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: Канонические тексты / Под ред. проф. В. Н. Захарова. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1995–2010. Т. I–IX. (Изд. продолжается).
12. Дудкин В. В. Достоевский и Евангелие от Иоанна // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Вып. 2. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1998. С. 337–348.

13. Дудкин В. Философия преступления у Достоевского // XXI век глазами Достоевского: перспективы человечества. М.: ИД «Грааль», 2002. С. 128–152.
14. Евангелие Достоевского: В 2 т. [Личный экземпляр Нового Завета 1823 года издания, подаренный Ф. М. Достоевскому в Тобольске в январе 1850 года. Исследования. Материалы к комментарию]. М.: Русский Мирь, 2010.
15. Есаулов И. А. Пасхальность в поэтике Достоевского // Есаулов И. А. Пасхальность русской словесности. М.: Кругъ, 2004. С. 258–287.
16. Захаров В. Н. Канонический текст Достоевского // Новые аспекты в изучении Достоевского. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1994. С. 355–359.
17. Захаров В. Н. Символика христианского календаря в произведениях Достоевского // Новые аспекты в изучении Достоевского. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1994. С. 37–49.
18. Кириллова И. Отметки Достоевского на тексте Евангелия от Иоанна // Достоевский в конце XX века / Сост. и ред. К. Степанян. М.: Классика плюс, 1996. С. 48–59.
19. Коган Г. Вечное и текущее (Евангелие Достоевского и его значение в жизни и творчестве писателя) // Достоевский в конце XX века / сост. и ред. К. Степанян. М.: Классика плюс, 1996. С. 147–166.
20. Корниенко Н. В. Основной текст Платонова 30-х годов и авторское сомнение в тексте // Современная текстология: теория и практика / ИМЛИ им. А. М. Горького РАН. М.: Наследие, 1997. С. 176–192.
21. Матевосян Е. Проблема реконструкции источников текста (на примере романа М. Горького «Жизнь Клима Самгина») // Проблемы текстологии и эдичионной практики. Опыт французских и российских исследователей / ИМЛИ им. А. М. Горького РАН; под ред. М. Делона и Е. Дмитриевой. М.: ОГИ, 2003. С. 266–272.
22. Перцов Н. В. О соотношении письменной и устной форм поэтического языка. (К вопросу о функциональной нагруженности старого русского правописания) // Вопросы языкознания. 2008. № 2. С. 30–56.
23. Поддубная Р. Н. О проблеме наказания в романе «Преступление и наказание» // Достоевский: Материалы и исследования. Л.: Наука, 1976. Т. 2. С. 96–105.
24. Проблемы текстологии Достоевского. Вып. 1: Проблемы текстологии романов «Преступление и Наказание», «Идиот», «Бесы»: Монография / В. Н. Захаров, М. В. Заваркина, Т. А. Радченко, А. И. Солопова, Н. А. Тарасова. Петрозаводск, 2009.
25. Сальвестрони С. Библейские и святоотеческие источники романов Достоевского. СПб.: Академ. проект, 2001.
26. Сгар Ж. Как издавать Кребийона // Проблемы текстологии и эдичионной практики. Опыт французских и российских исследователей / ИМЛИ им. А. М. Горького РАН; под ред. М. Делона и Е. Дмитриевой. М.: ОГИ, 2003. С. 19–32.
27. Тарасов Ф. Б. Роль Евангелия в художественном творчестве Ф. М. Достоевского // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2005. Вып. 4. С. 302–311.
28. Томашевский Б. В. Писатель и книга: Очерк текстологии. М.: Искусство, 1959.
29. Kjet s a a G. Dostoevsky and His New Testament. Oslo: Solum Forlag A. S., 1984.

ЯРОСЛАВА АЛЕКСАНДРОВНА БОРОЗДИНА
 заместитель министра культуры и по связям с общественностью Республики Карелия, кандидат юридических наук, доцент кафедры международного и конституционного права юридического факультета, Петрозаводский государственный университет
 borozdina@mincult.karelia.ru

СЕВЕРНОЕ КУЛЬТУРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СЕВЕРНЫХ СТРАН

В статье рассматриваются международно-правовые вопросы, связанные с созданием Совета министров северных стран. Раскрывается принцип северного культурного сотрудничества «на расстоянии вытянутой руки».

Ключевые слова: политика «Северного измерения», Совет министров северных стран, Совет министров культуры, северное культурное сотрудничество

Политика «Северного измерения» была разработана в 1999 году с участием государств – членов Европейского союза (ЕС), Исландии, Норвегии и Российской Федерации.

24 ноября 2006 года Российской Федерацией, Европейским союзом, Исландской Республикой и Королевством Норвегия в ходе встречи в рамках политики ЕС «Северное измерение», состоявшейся в Хельсинки, был одобрен Рамочный документ по политике «Северное измерение», который вступил в действие с 1 января 2007 года. «Северное измерение» охватывает широкую географическую область от арктических и субарктических регионов Европы до южных берегов Балтийского моря, включая соседние страны, и от Северо-Запада России на восток до Исландии и Гренландии на западе. Партнерами по «Северному измерению» являются Европейский союз, Исландия, Норвегия и Российская Федерация. В число его участников также входят:

1. Региональные Советы на севере Европы:

- Совет Баренцева Евроарктического региона;
- Совет государств Балтийского моря;
- Совет министров северных стран;
- Арктический совет.

2. На севере Европы действуют такие международные финансовые институты, как Европейский банк реконструкции и развития, Европейский инвестиционный банк, Северный инвестиционный банк и Всемирный банк. Они вносят вклад в поддержку политики «Северного измерения», а также любые другие международные финансовые институты, которые в будущем могут принять участие в осуществлении программ в регионе.

3. Другие институты и органы ЕС, а также остальных партнеров по «Северному измерению» [4]. Основными целями «Северного измерения» являются:

- обеспечение общей основы для развития диалога и конкретного сотрудничества;

- укрепление стабильности и благополучия;
- активизация экономического сотрудничества;
- содействие экономической интеграции, конкурентоспособности и устойчивого развития в Северной Европе.

Политика «Северного измерения» должна базироваться на всемирно признаваемых принципах, таких как надлежащее управление, прозрачность и участие, устойчивое развитие, равенство полов, права лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, культурное разнообразие и др. Российская Федерация и Европейский союз рассматривают политику «Северного измерения» в качестве сквозной темы сотрудничества и, где это имеет смысл, используют механизмы политики для реализации «дорожных карт» по Общим пространствам Россия – ЕС. «Северное измерение» продолжает решать некоторые задачи, характерные для северных регионов, такие как культурное многообразие. Среди приоритетных сфер деятельности в рамках «Северного измерения» можно выделить исследовательскую деятельность, образование и культуру, включая углубление сотрудничества в области исследований, программ обмена в сфере образования, молодежной политики, содействие контактам между людьми, связи между культурной жизнью и экономикой, проявление региональной и местной идентичности, а также культурного наследия и др. [4]. Партнерство «Северного измерения» в сфере культуры направлено на содействие творческому развитию экономики, на развитие приграничного сотрудничества с Россией. 12 ноября 2009 года на Стокгольмском совещании было принято решение руководства «Северного измерения» об учреждении Партнерства «Северного измерения» в сфере культуры. На основании данного решения 20 мая 2010 года в Санкт-Петербурге был подписан Меморандум о взаимопонимании, устанавливающий принципы форми-

рования Партнерства «Северного измерения» в сфере культуры между Европейской комиссией, министерствами культуры Королевства Норвегии, Российской Федерации, Королевства Дании, Эстонской Республики, Финляндской Республики, Федеративной Республики Германии, Республики Исландии, Латвийской Республики, Литовской Республики, Польской Республики и Королевства Швеции. Данный документ не ведет к возникновению юридических обязательств, он выражает политические намерения сторон.

Общая цель Партнерства состоит в осуществлении координации деятельности сетей, проектов и иных культурных мероприятий на территории «Северного измерения», в содействии сотрудничеству в сфере культуры между Советом государств Балтийского моря, Советом Баренцева Евроарктического региона, Арктическим советом, а также Советом министров северных стран в целях формирования эффекта синергии и избегания дублирования деятельности и др.

Для достижения целей и задач, указанных в Меморандуме партнера, предусматривается создание трехуровневой институциональной структуры.

Собрание высших должностных лиц призвано принимать стратегические решения в рамках Партнерства, а также обеспечивать политические стимулы и выработку стратегических направлений развития Партнерства. Собрание может проводиться на уровне министерств культуры по мере необходимости или в случае наличия важных целей для обсуждения.

Руководящий комитет призван координировать совместную работу в рамках Меморандума о взаимопонимании, осуществлять контроль и мониторинг выполнения намеченного плана действий, а также осуществлять общий контроль деятельности Партнерства и Меморандума о взаимопонимании.

По решению Собрания высших должностных лиц может быть сформирован немногочисленный Секретариат.

В целях реализации целей и задач Меморандума о взаимопонимании в ближайшее время предстоит разработать план действий, который должен быть одобрен Собранием высших должностных лиц. Данный план должен включать меры по укреплению роли Партнерства как координационного центра; ограниченное число приоритетных проектов, направленных на продвижение сотрудничества между заинтересованными сторонами и культурными и креативными индустриями.

В рамках «Северного измерения» должны проводиться министерские встречи при участии четырех партнеров на уровне министров иностранных дел или их аналогов от государств – членов Европейского союза / Комиссии европейских обществ, Исландии, Норвегии и Российской Фе-

дерации. Встречи должны проходить каждые два года в месте, согласованном партнерами. По решению партнеров в любой момент может быть созвана внеочередная министерская встреча. Встречи старших должностных лиц в рамках «Северного измерения» в случае необходимости могут проводиться по крайней мере каждый год в промежутке между встречами министров в том же составе, что и встречи на министерском уровне. Министерские встречи будут осуществлять политическое руководство, а также контроль над реализацией «Северного измерения» [4]. При этом необходимо отметить, что в реализации северного сотрудничества также участвует Совет министров северных стран.

Совет министров северных стран создан в 1971 году как форум межправительственного сотрудничества северных стран на основе поправки к Договору о сотрудничестве между северными странами, заключенному в 1962 году (так называемая Нордическая конвенция). Членами Совета являются 5 государств – Дания, Исландия, Норвегия, Финляндия, Швеция. Устав Совета является частью данного Договора. Единственным органом Совета, предусмотренным Уставом, является Сессия. В ней принимают участие представители всех государств-членов. Все решения на Сессии принимаются только единогласным голосованием (за исключением процедурных вопросов), при этом на Сессии должны присутствовать представители всех членов организации. Решения Сессии имеют обязательный характер. Однако если Конституция государства требует по какому-то вопросу получение согласия Парламента, то для этого государства решение вступает в силу только после получения такого одобрения. В структуре Совета работает ряд исполнительных комитетов, среди которых Комитет по сотрудничеству между северными странами, координирующий совместные мероприятия государств-членов. Целью Совета является развитие сотрудничества между государствами-членами. Устав не ограничивает деятельность организации, указывая, что она может принимать решения не только в области экономики, но и культуры. Так, в Хельсинки работает Центр языков и культур стран Севера [6; 376]. В июне 2007 года в рамках Программы по сотрудничеству с Россией для развития сотрудничества и повышения уровня компетентности Совет министров северных стран организовал Диалоговый семинар по культурному сотрудничеству северных стран с Северо-Западным регионом России. В центре внимания были следующие темы: обмен информацией и опытом между северными странами и Западным регионом России; обсуждение потенциальных проектов и действий; диалог в отношении проекта стратегического документа по приоритетному направлению Культурное сотрудничество с Западным регионом

России и будущего культурного сотрудничества. Проект этого документа был одобрен Советом министров культуры северных стран в мае 2007 года. Более того, планируется принятие Советом министров культуры северных стран стратегического документа по культурному сотрудничеству с Северо-Западным регионом России [5].

Необходимо отметить, что решающий шаг в направлении расширения межправительственного культурного сотрудничества был сделан в 1972 году, когда правительства северных стран поддержали Культурное соглашение, подготовленное Советом министров северных стран. Цель Культурного соглашения в том, чтобы «укрепить и усилить культурное сотрудничество между сторонами соглашения, усилить объединенную северную культуру». Культурное соглашение, подписанное правительствами северных стран, преследует разнообразные культурные цели, охватывая артистическое и культурное сотрудничество. Межправительственное культурное сотрудничество стало «вытянутой рукой» национальной политики для создания объединенного культурного профиля. Главная цель северного культурного сотрудничества заключается в том, чтобы развивать северную идентичность. Принцип северного культурного сотрудничества «на расстоянии вытянутой руки» вовлекает во взаимодействие политические структуры и организации культуры в области искусства и просветительских программ. На основании данного принципа они действуют как независимые власти – на расстоянии вытянутой руки [7; 254].

Данный принцип – это принцип государственной политики в области законодательства, политики и экономики в большинстве западноевропейских стран. Принцип заложен в конституционном разделе полномочий между судебной, законодательной и исполнительной ветвями власти. Принцип «на расстоянии вытянутой руки»

применяется также, как было указано выше, в некоторых странах в сфере государственного финансирования культуры. Так, Совет по вопросам искусства в Великобритании, который был основан в 1945 году, был первой властью, которая характеризовалась как власть «на расстоянии вытянутой руки». Британское правительство использовало этот принцип, чтобы отделить культуру и искусство от политики и отказаться от системы государственной поддержки, которая существовала в СССР и Германии до 1945 года, когда Министерство культуры определяло официальное искусство [1; 59–60].

Сегодня положение Культурного соглашения о том, что культурные вопросы должны быть учтены в каждой сфере деятельности ЕС, является задачей культурной политики во всех странах ЕС. Задачей на глобальном уровне является подчеркивание роли культуры для человечества, причем акцент делается на значении культуры для благосостояния и свободы людей, содействия межгосударственным культурным контактам [2; 29].

В соответствии с Культурным соглашением 1972 года был создан Совет министров культуры, который является ответственным за разработку политики Совета министров северных стран в области культурного сотрудничества. Основной целью северного культурного сотрудничества сегодня является продвижение многообразия форм культуры, распространение знаний, работ творческих людей, а также улучшение качества и конкурентоспособности культурной жизни северных стран. При этом в будущем необходимо сделать северное культурное сотрудничество более гибким и открытым для новых рабочих процессов, а также содействовать решению вопросов, существующих в культурном сотрудничестве северных стран как в национальном, так и в интернациональном масштабе [3].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гілмен-Чартренд Г., Макофі К. Принцип «на відстані витягнутої руки» І культура: міжнародна перспектива – минуле, сучасне І майбутнє // Інформаційно-аналітичний вісник Діалог. Культурна політика: міжнародний досвід, теорія, практика. 2004. Вип. 4. Творчі індустрії і нова економіка: британський шлях. С. 59–60.
2. Докладно про цілі політики Швеції в галузі культури // Інформаційно-аналітичний вісник. Діалог. Демократія через культуру. 2006. Вип. 6. Шведська модель культурного добробуту. С. 25–29.
3. Культурное сотрудничество [Электронный ресурс]. Информационное бюро Совета Министров Северных Стран. Режим доступа: <http://www.norden.ru>
4. Рамочный документ по политике «Северное измерение» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.westurs.ru>
5. Семинар по культурному сотрудничеству Северных стран с Северо-Западным регионом России [Электронный ресурс]. Информационное бюро Совета Министров Северных Стран. Режим доступа: <http://www.norden.ru>
6. Энциклопедия международных организаций: В 3 т. Т. 1. Международные межправительственные организации. СПб.: Изд-во юридического факультета СПбГУ, 2003. 524 с.
7. Duellund P., Pedersen G. The Nordic Cultural Cooperation // The Nordic Cultural Model. Copenhagen: Nordic Cultural Institute, 2003. P. 253–276.

ВАРВАРА АЛЕКСАНДРОВНА ФЕДОРЦОВА

преподаватель кафедры бухгалтерского учета, анализа хозяйственной деятельности и аудита экономического факультета, Петрозаводский государственный университет
fealva@mail.ru

АУДИТ КАК ИНСТРУМЕНТ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

В статье проводится анализ внешнего и внутреннего аудита как основных инструментов контроля, обосновывается необходимость ведения внутреннего контроля на предприятиях с целью соблюдения международных и российских стандартов.

Ключевые слова: аудит, контроль, обязательный аудит, инициативный аудит, внутренний аудит, внешний аудит

В настоящее время достоверность и своевременность предоставляемой информации о себестоимости продукции и формировании финансового результата актуальны для субъектов финансовых правоотношений, что объясняет необходимость подтверждения аудиторской компанией финансовой отчетности. Собственники – акционеры, учредители, а также кредиторы и инвесторы самостоятельно не могут убедиться в достоверности информации деятельности предприятия, отраженной в финансовой отчетности, так как обычно не имеют доступа к учетным записям и соответствующего опыта.

В соответствии со статьей 5 Федерального закона «Об аудиторской деятельности», обязательный аудит проводится ежегодно в следующих случаях [1].

1. Организация имеет организационно-правовую форму открытого акционерного общества.

2. Ценные бумаги организации допущены к обращению на торгах фондовых бирж и (или) иных организаторов торговли на рынке ценных бумаг.

3. Организация является кредитной организацией, бюро кредитных историй, страховой организацией, клиринговой организацией, обществом взаимного страхования, товарной или фондовой биржей, инвестиционным фондом, негосударственным пенсионным фондом, фондом, источником образования средств которого являются добровольные отчисления физических и юридических лиц.

4. Объем выручки от продажи продукции (продажи товаров, выполнения работ, оказания услуг) организации (за исключением органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений, государственных и муниципальных унитарных предприятий, сельскохозяйственных кооперативов и союзов этих кооперативов) за предшествующий отчетному год превышает 400 млн руб. или сумма активов бухгалтерского баланса по состоянию на конец года, предшествующего отчетному, превышает 60 млн руб.

5. Организация (за исключением органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственного внебюджетного фонда, а также государственных и муниципальных учреждений) представляет и (или) публикует сводную (консолидированную) бухгалтерскую (финансовую) отчетность.

Обязательный аудит на предприятии определяет эффективность осуществления учета информации и контроля своевременности и правильности отражения фактического движения финансов. Согласно п. 2 Федерального правила (стандарта) № 1 «Цель и основные принципы аудита финансовой (бухгалтерской) отчетности», целью аудита является выражение мнения о достоверности финансовой (бухгалтерской) отчетности аудируемых лиц и соответствии порядка ведения бухгалтерского учета законодательству РФ [2]. Несмотря на то что мнение аудитора может способствовать росту доверия к финансовой (бухгалтерской) отчетности, пользователь не должен принимать данное мнение ни как выражение уверенности в непрерывности деятельности аудируемого лица в будущем, ни как подтверждение эффективности ведения дел руководством данного лица [5; 23].

Вышеуказанный стандарт рассматривает обязательный внешний независимый аудит, осуществляемый аудиторскими фирмами, при этом регулируется обязательность проведения внутреннего аудита (внутрихозяйственного контроля). Отдельными нормами гражданского регулирования деятельности юридических лиц (хозяйственных обществ) предусмотрено обязательное создание внутреннего контрольного органа – ревизионной комиссии, за которой закрепляется организация и проведение проверок в соответствии с уставными документами. Данный орган контроля не всегда соответствует правовому статусу, так как на практике в большинстве случаев проводится лишь документальная проверка, а не фактическая, которая при своевременном проведении обеспечивает эффективное использование

финансов и предотвращение отрицательных последствий.

Аудиторские проверки подтверждают финансовое положение предприятий с целью исследования законности и обоснованности деятельности. Аудиторское и экспертное заключения позволяют государству своевременно принимать решения в области воспроизводства финансов и налогообложения доходов. Эффективность внутреннего контроля позволяет осуществлять согласованные и своевременные проверки Коллегией и Аудиторской палатой Счетной палаты РФ, Федеральной налоговой инспекцией, Федеральной службой по бюджетно-финансовому надзору и иными органами контроля. Следовательно, необходимо обязательное независимое проведение внутреннего аудита на предприятиях различной организационно-правовой формы. По инициативе собрания акционеров назначается независимый аудит, если имеется факт несоответствия предпринимательской деятельности законодательству или недоверия директору предприятия. По результатам проведенной проверки аудитор зачитывает заключение, которое подтверждает либо отрицает правильность составления отчетности, ведения учета в рассматриваемый период и, соответственно, формирования себестоимости продукции (работ, услуг), чистой прибыли путем налогообложения, а также соблюдения управлением действующего законодательства. Внешние пользователи информации в своих решениях опосредованно, через годовую бухгалтерскую отчетность, опираются на данные об имущественном и финансовом положении организации. Таким образом, многократно усиливается необходимость действенного внутреннего контроля полноты и достоверности текущей и отчетной корпоративной информации.

Правило (стандарт) аудиторской деятельности № 29 «Рассмотрение работы внутреннего аудита» в РФ определяет внутренний аудит как контрольную деятельность, осуществляемую внутри аудируемого лица его подразделением — службой внутреннего аудита [3]. Функции службы внутреннего аудита включают мониторинг адекватности и эффективности системы внутреннего контроля. Таким образом, это контрольная деятельность, организованная экономическим субъектом, обеспечивающая интересы его руководства и (или) собственников, регламентированная внутренними документами система контроля за соблюдением установленного порядка ведения бухгалтерского учета и надежностью функционирования системы внутреннего контроля.

В стране существует ряд предприятий, которые за время своей 20–25-летней деятельности ни разу не подвергались проверке со стороны органов финансового контроля РФ. На предприятиях различной организационно-правовой формы есть незначительные нарушения, так как ор-

ганы контроля реагируют в основном на несвоевременное или неполное перечисление в бюджеты налогов или незаконное использование бюджетных средств. Всесторонняя оценка ситуации на предприятии определяет органам государственного управления необходимость досконально изучить правовую основу деятельности субъекта, а затем сравнить полученную информацию с уставными и учетными документами предприятия. Далее необходимо проанализировать легальные варианты оптимизации налогообложения и сокрытие доходов. В этом случае можно увидеть действительное положение дел. В существующих условиях контроль и аудит не могут проводиться в полном объеме, так как время, которое отводится на проверку, недостаточно, а доступ к необходимым документам ограничен. Внутрихозяйственный контроль (внутренний аудит) широко применяется в мировой практике ведения бизнеса. Необходимость существования контрольных функций государства очевидна в современных условиях хозяйствования в России. Внутрихозяйственный контроль является одной из важнейших функций управления, поэтому чем сложнее организационная структура экономического субъекта, тем более совершенной и гибкой должна быть система внутрихозяйственного контроля.

В соответствии с международными стандартами внутренний аудит обеспечивает осуществление целей субъекта финансовых правоотношений, используя систематизированный и последовательный подход к оценке и повышению эффективности процессов управления рисками, контроля и корпоративного управления [4; 33].

Соблюдение правил (стандартов) аудиторской деятельности сравнительно легко проверить с помощью проведения такой аналитической процедуры, как анализ аудиторской документации внутреннего и внешнего контроля. Именно подготовка рабочих документов аудитора с подробным отражением планирования проверки, ее хода, анализа системы учета и контроля, выводов, полученных по конкретным разделам проверки, свидетельствует, что аудит действительно проводился и данные не сфальсифицированы. Отсутствие оформленных соответствующим образом рабочих документов внешнего аудита может трактоваться как нарушение правил (стандартов) аудиторской деятельности и, следовательно, как некачественное проведение аудиторской проверки [2]. Поэтому необходимо разработать и принять единые правила проведения внутреннего аудита. Проведение инвентаризации, ревизии и ревизии как форм внутреннего контроля служит для отражения фактического наличия нарушений и отрицательных результатов финансовых субъектов.

Необходимо осуществление следующих принципов внутрихозяйственного контроля.

1. Обязательность ведения внутреннего аудита.
2. Объективность внутреннего аудита.
3. Эффективность внутреннего аудита.

Тотальный контроль за финансово-хозяйственной деятельностью предприятий, который хотелось бы осуществлять собственникам, в современных условиях невозможен. Передовые российские компании активно внедряют системы управления рисками, представляющие собой особый подход к управлению компанией, состоящий в предвидении и уменьшении негативных последствий неопределенности ожидаемых результатов деятельности.

В целях выполнения государственных задач внутренний аудит должен основываться на использовании данных системы управления рисками компании для эффективного планирования своей работы. Но и собственная деятельность внутреннего аудита сопряжена с определенными рисками. В отличие от внешнего аудита, высказывающего мнение о достоверности финансовой отчетности с разумной степенью уверенности, внутренний аудит должен предоставлять определенные гарантии ее достоверности и нести за это ответственность, что увеличивает профессиональные риски. Необходимо уделять большее внимание развитию новых направлений деятельности внутреннего аудита: оценке эффективности систем внутреннего контроля и управления рисками компании, проверке эффективного и своевременного внедрения инвестиционных проектов и выполнения работ по специальным заданиям, подготовке предложений для Совета директоров (Комитета или Департамента по аудиту). Организация контроля за подготовкой управленческой отчетности позволит тесно взаимодействовать с внешним аудитором, что значительно уменьшит перечень рисков, способных повлиять на успешное выполнение проверок (работ), а также на объективность и обоснованность выводов внутреннего аудита [5; 24].

В настоящее время инструментом внутреннего аудита выступает система управления предприятием и выстроенная база методологии по-

зволяет своевременно выявлять и анализировать проблемы, формировать рациональный план проверки (выполнения работ) и эффективно распределять ресурсы, выявлять случайную ошибку исполнителя или случаи мошенничества, определять нарушения при выполнении внутренних процедур. Многие предприятия, осуществляющие сотрудничество с иностранными предприятиями, обязаны учреждать внутренний контрольный орган и проходить ресертификационный и сертификационный аудит на соответствие международным стандартам о международном качестве и системе экологического менеджмента. Международные стандарты предусматривают необходимость повышения квалификации сотрудников предприятия в области экологического менеджмента, анализ действующих внутренних стандартов и разработку новых с целью эффективного и безопасного осуществления деятельности субъектами финансовых правоотношений. Однако в целом государственный сектор России не «созрел» до понимания необходимости внутреннего обязательного аудита с момента организации экономического субъекта до его ликвидации. В настоящее время рассматривается проект регулирования учетной информации в хозяйствующих субъектах, в котором предусматривается введение обязательного внутреннего контроля на предприятии, что позволит закрепить основы внутреннего аудита.

Накопленный за рубежом опыт осуществления внутреннего аудита показал, что в малых и средних компаниях невыгодно не только учреждать подразделение внутреннего аудита, но и вводить в штат должность внутреннего аудитора, поскольку трудовые и материальные расходы будут превышать финансовую выгоду от аудиторской деятельности. В данном случае целесообразно привлечение независимых аудиторов с целью формирования рекомендаций по устранению недостатков. Стоимость услуг аудиторов регулирует государство. Как разовая услуга это может оказаться более выгодным, чем организация штата сотрудников.

ИСТОЧНИКИ

1. Федеральный закон от 30.12.2008 № 307-ФЗ «Об аудиторской деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 1. Ст. 15.
2. Федеральному правилу (стандарту) № 1 «Цель и основные принципы аудита финансовой (бухгалтерской) отчетности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 39. Ст. 3797.
3. Правила (стандарты) аудиторской деятельности № 29 «Рассмотрение работы внутреннего аудита» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 36. Ст. 3831.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

4. Банк С. В., Костина З. А. Адаптация отечественной системы бухгалтерского учета к требованиям МСФО // Аудитор. 2008. № 6. С. 33–48.
5. Тарасов М. В. Аналитические процедуры как инструмент повышения качества аудиторской проверки // Аудитор. 2005. № 9. С. 23–34.

ИРМА ИВАНОВНА МУЛЛОНИН

доктор филологических наук, профессор, директор Института языка, литературы и истории, Карельский научный центр РАН
 mullonen@sampo.ru

Рец. на кн.: Atlas Linguarum Fennicarum I-3. Helsinki: SKS, 2004–2010.

Полное описание издания:

ALFE I: Suomalaisen kirjallisuuden seura, Kotimaisten kielten tutkimuskeskus. Helsinki, 2004. 464 s. Päätoimittaja Tuomo Tuomi, vastaava toimittaja Seppo Suhonen.

ALFE II: Suomalaisen kirjallisuuden seura, Kotimaisten kielten tutkimuskeskus. Helsinki, 2007. 540 s. Päätoimittaja Tuomo Tuomi, vastaava toimittaja Tiit-Rein Viitso.

ALFE III: Suomalaisen kirjallisuuden seura, Kotimaisten kielten tutkimuskeskus. Helsinki, 2010. 486 s. Päätoimittaja Tuomo Tuomi, vastaava toimittaja Vladimir Rjagojev.

Важным событием в прибалтийско-финском языкознании последнего времени стал выход в свет в 2010 году завершающего третьего тома «Лингвистического атласа прибалтийско-финских языков». Большой международный проект с участием финских, российских и эстонских лингвистов выполнялся с 1987 года. Основными исполнителями проекта стали три научных института: Научно-исследовательский центр языков Финляндии (Хельсинки), Институт эстонского языка (Таллин) и Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (Петрозаводск). Общее руководство проектом осуществлял профессор Туомо Туоми. Основными исполнителями из Карелии были доктор филологических наук Н. Г. Зайцева и кандидат филологических наук В. Д. Рягоев.

В обширном предисловии, подготовленном на четырех языках: финском, эстонском, немецком и русском (короткие резюме на эстонском, немецком и русском предложены также к текстам финноязычных комментариев), описаны некоторые общие установки, в частности цели атласа, принцип отбора и подачи материала, основные этапы работы, в том числе составление вопросника. Здесь же дается общая характеристика прибалтийско-финского лингвистического ареала, в которой отмечается, что на основе сформировавшегося на побережьях Финского залива в I тыс. до н. э. прибалтийско-финского праязыка сложились со временем семь языков (финский, карельский, вепсский, эстонский, водский, ижорский и ливский), в которых, с одной стороны, сохранилось древнее языковое наследие, с другой – в ходе самостоятельной жизни на уровне лексики оформились присущие только им особенности. При этом заметный отпечаток на лексику наложило то обстоятельство, что прибалтийско-финский мир на протяжении многих столетий был ареной борьбы между Западом и Востоком, католичеством и православием, русским и германским влиянием. Карты во многих случаях наглядно

показывают, где проходила этническая, политическая или культурная граница в тот или иной период времени, поскольку именно они формировали языковые (лексические) ареалы. В приложении к первому тому ALFE, кстати, приведен ряд карт, отражающих административное членение прибалтийско-финских территорий в Средневековье, а также границы по мирным договорам разных столетий. Обращение к ним поучительно и полезно.

Создатели атласа преследовали цель отразить ареальные взаимоотношения прибалтийско-финских языков, выявить центры зарождения языковых и культурных инноваций, а также зоны, подвергшиеся влиянию соседних языковых общностей. При этом особое внимание обращается на материалы, способные прояснить положение вепсского и южноэстонского языков в языковой семье, обосновать генезис олонецкого и людиковского наречий карельского языка. Карты в целом подтверждают известную исследователям мысль о том, что центрами инноваций на протяжении длительного времени были Юго-Западная Финляндия, первая воспринимавшая европейское языковое и культурное влияние и распространявшая его вместе с экспансией населения на север и восток, и Северо-Западное Приладожье – прародина корелы, бывшая одновременно и проводником древнерусского воздействия. Карты свидетельствуют и о том, что далеко не все инновации, возникшие в названных центрах, достигали вепсского языкового ареала. В последнем возникали собственные новообразования на базе исконных прибалтийско-финских основ (*lämoi* ‘огонь’, *varastada* ‘ждать’), в нем есть древнерусские заимствования, отсутствующие в других прибалтийско-финских языках (*tuigl* ‘шелок’). При этом карты отражают единство вепсского и южнокарельского – ливвиковского и людиковского – лексического материала (см., к примеру, карты *eht* ‘вечер’ и *oiged* ‘прямой’ в первом томе), что свидетельствует в пользу участия вепсского

языкового компонента в формировании названных карельских наречий.

В атласе предпринята попытка представить синхронный срез языка первой половины XX века. При этом основным источником материала по финскому и эстонскому языкам явились соответствующие диалектные картотеки, из которых финская содержит более 8 млн словарных карточек, а эстонская – более 3 млн. По остальным прибалтийско-финским языкам основной материал собирался в полевых экспедициях по разработанному на начальном этапе работы над атласом вопроснику. Первый том включает лексику, отражающую физическую деятельность человека и психические явления, присутствуют наименования качеств, сторон света, отрезков времени, некоторых бытовых предметов. Целый ряд карт отражает ареальное бытование местоимений как наиболее устойчивого пласта лексики. Во втором томе ALFE нашли отражение такие понятия, как природа, растительный и животный мир, промыслы и др. Третий том содержит лексику из области традиционной культуры – земледелия, животноводства, рыболовства, одежды и др.

Из почти 900 карт, представленных в ALFE, большую часть составители характеризуют как ономазиологические, то есть отражающие ареальное бытование лексем, связанных с выражением искомого понятия. Ономазиологические карты дополнены при необходимости фонетическими, фиксирующими распределение внутри прибалтийско-финского мира фонетических вариантов лексем. Есть некоторое количество семантических, то есть связанных с географией отдельных значений многозначного слова (например, очень показательна карта 212.1, демонстрирующая распространение на прибалтийско-финской территории значений формата *kaski* ‘подсека’), и мотивационных карт, показывающих ареальное распределение слов в соответствии с закрепленным в них мотивом названия. Среди последних особенно любопытны карты, представляющие мотивировку названий сторон света, которая связана с направлением перелета птиц (*linnun / lento* ‘юго-запад’, букв. ‘полет птиц’ в одном из говоров Юго-Восточной Финляндии), местом восхода и заката солнца (*kesä / päivän / nousu* ‘северовосток’, букв. ‘восход летнего солнца’ в финских говорах Саво), временем приема пищи (*puoli / turkina* ‘юг; юго-восток’, букв. ‘(время) полдника’ в ряде карельских говоров), направлением, откуда обычно приходят осадки (*vesi / etelä* ‘юго-запад’, букв. ‘водяной юг’ в говорах Юго-Западной Финляндии) и др. За языковым образом стоит реальный мир.

Ареальная характеристика несет значительный этноисторический заряд, поскольку позво-

ляет интерпретировать этапы складывания и развития прибалтийско-финского мира. Так, спорадически, точно представленная в разных концах ареала прибалтийско-финского расселения лексема *ohto / otso* ‘медведь’ – это, видимо, рудимент древнего единого ареала, разрушившегося в ходе более позднего развития эвфемизмов *karhu* (от *karhea* ‘шершавый’) и *kontio* (от *kontia* ‘ходить вперевалку, ползать’). При этом западный ареал первого из двух табуированных названий и восточный ареал второго названия свидетельствуют о делении единого мира на запад и восток. Картографирование ряда слов указывает, как представляется, на существование древнего единого ареала, протянувшегося из Прибалтики через Южное Приладожье в Белозерье, то есть по южной окраине прибалтийско-финского мира. Со временем он был разрушен восточнославянским вторжением. Именно такая ситуация реконструируется при анализе карты, представляющей отражение названий бороны в прибалтийско-финских языках. Древнее балтийское заимствование *äes* бытует, с одной стороны, у эстонцев, с другой – у вепсов, при этом в ареале древнекарельского расселения, между этими двумя полюсами, появилось совсем другое слово – *astuva*, которое считается древнерусским заимствованием (из *остынь*).

В заключение следует особо отметить ценность атласа как источника историко-культурной информации. За лексическими фактами скрываются культурные явления. Показательный факт развития материальной культуры отражен на карте 285, на которой предложена ареальная дистрибуция глаголов, использующихся в прибалтийско-финских языках для выражения понятия ‘вязать’. Оказывается, за разными терминами стоит разная техника вязания. В то время как на западе прибалтийско-финского мира преобладает основа *kuto-*, называющая процесс вязания полотна двумя спицами, на востоке предпочтение отдается глагольной основе *neulo- / nieklo-*, характеризующей вязание специальной иглицей. В Беломорской Карелии закрепился пришедший, очевидно, вместе с населением с запада, с побережья Ботнического залива, шведский термин *tikata*, обозначающий вязание по кругу пятью спицами рукавиц и носков. Считается, что такой тип вязания укоренился не раньше XVII века.

Карты атласа предоставляют, таким образом, разнообразный и убедительный материал для интерпретации фактов языка и культуры прибалтийско-финского мира, его формирования и его места в североевропейском контексте. Это, безусловно, один из тех фундаментальных трудов, которые еще предстоит по-настоящему осмыслить и которого ждет долгая и счастливая жизнь.

УДК 903.653(470.22)5

НАТАЛИЯ ВАДИМОВНА ХВОЩИНСКАЯдоктор исторических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург)

nosov.evg@gmail.com

Рец. на кн.: Кочкуркина С. И. Древнекарельские городища эпохи Средневековья. Петрозаводск: Карельский научный центр, 2010. 264 с.

Настоящая работа продолжает серию книг, опубликованных С. И. Кочкуркиной по истории древних карел, проживавших в Ладожской Карелии, то есть на северо-западном побережье Ладожского озера и на Карельском перешейке. При этом автор широко привлекает материалы с территории Финляндии (регионы Хяме и Саво), что является вполне справедливым, так как древняя карельская общность не знала современных государственных границ и сформировалась в регионе, в настоящее время входящем в территориальные границы как России, так и Финляндии. Ценность издания состоит прежде всего в том, что в научный оборот впервые вводятся материалы, полученные автором в результате многолетних раскопок городищ Лопотти, Соскуа-Линнамяки, Хямеенлахти-Линнавуори, Терву-Линнасаари, а также публикуются дополнительные сведения о Тиверске и городище Паасо.

Начало изучения карельской материальной культуры и выделение ее этнографических особенностей среди других финно-угорских культур восходит еще к концу XIX века. Однако несмотря на долгий исследовательский путь нескольких поколений археологов, до сих пор остаются дискуссионными некоторые основополагающие вопросы истории карел, связанные с их происхождением и хронологией отдельных памятников. С. И. Кочкуркина достаточно беспристрастно показывает противоречия, сложившиеся в силу ряда объективных обстоятельств между историками России и Финляндии. Следует подчеркнуть, что изложение мнений финляндских исследователей, работы которых чаще всего опубликованы на финском языке, придает рецензируемому труду особую научную значимость, так как автор вводит русскоязычных читателей в курс последних разработок по данной теме, сделанных коллегами сопредельного государства.

В работе систематизированы все сведения, имеющиеся о пунктах с топонимами «линнавуори» и «линнамяки». Многие из них лично обследованы автором. Основной акцент в работе сделан на изучении городищ, что является определенным прорывом в комплексном исследовании культуры древних карел. Дело в том, что карельская культура лучше известна по погребальным памятникам, поселения изучались спорадически,

по крайней мере на территории России. Планомерные полевые работы позволили С. И. Кочкуркиной восполнить этот пробел и обобщить интереснейшие материалы по шести городищам Корельской земли. Ею уточнен характер оборонительных конструкций, выявлены фундаменты жилых и производственных комплексов, сделаны наблюдения о планировке городищ, собрана богатейшая коллекция находок, характеризующих яркую средневековую культуру древней карели. В свою очередь, состав находок позволяет делать выводы о занятиях жителей поселков. Устраивая городища, древние карелы искусно использовали рельеф местности. Все они расположены на труднодоступных возвышенностях с крутыми скальными склонами и обрывами, иногда на островах. Имея естественную защиту, городища дополнительно укреплялись каменными стенами и валами. Типичным фундаментом для жилой застройки были кладки из камней, обмазанные глиной. Все исследованные городища датируются не ранее чем XII–XIII веками, а то и позже (например, Лопотти – XV–XVI века). Памятники I тыс. н. э. и начала II тыс. н. э. немногочисленны, и поселений этого времени до сих пор не выявлено. Предметы X – начала XII века встречаются лишь при раскопках поздних городищ. По составу находок на городище Паасо С. И. Кочкуркина делает вывод, что до использования данной горы как укрепленного поселения здесь в X – начале XII века было временное поселение. Возможно, это ключ к разгадке. При дальнейших исследованиях такие временные поселения могут быть найдены и на других горах, обустроенных позже как городища. Подобные случаи известны и на более южных территориях Северо-Запада России.

Особое место в работе занимает глава по материальной культуре средневековых карельских городищ, в которой автор детально рассматривает отдельные категории находок, приводя широкие аналогии с территории Финляндии и России. Именно в этой части работы наглядно демонстрируется, что при всей самобытности и этнографических особенностях прежде всего карельских ювелирных украшений многие находки на городищах свидетельствуют о широких связях населения Карелии, в частности, с Новгород-

ской землей. Сильной стороной работы является то, что автор при систематизации материала использует все возможные современные естественно-научные методы: анализы находок из цветных металлов, металлографическое исследование кузнечных изделий и петрографическое изучение керамики. В результате в работе сделаны интересные заключения. Например, удалось установить, что карельские мастера обладали высоким уровнем технологических знаний. По набору технологических приемов их можно сопоставить с ремесленниками крупнейших древнерусских центров. Это лишний раз подчеркивает тесные контакты корелы с Северо-Западной Русью.

В последнем разделе книги рассматриваются разноплановые западноевропейские и русские письменные источники по истории корелы в соответствии с археологическими материалами.

В целом книга С. И. Кочуркиной является фундаментальным трудом, который, соединяя достижения русских и финляндских археологов, вводит в научный оборот целый пласт новейших данных о культуре древней корелы, тем самым открывая новую страницу в истории этого народа. Не сомневаюсь, что новое исследование известного российского археолога С. И. Кочуркиной является важным вкладом в отечественную науку об истории финно-угорских народов.

Указом Президента Российской Федерации «О награждении государственными наградами Российской Федерации» за достигнутые трудовые успехи и многолетнюю плодотворную работу Светлана Ивановна Кочуркина награждена Медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени.

От всей души поздравляем Светлану Ивановну с высокой наградой!

Редакция журнала «Ученые записки Петрозаводского государственного университета»



ПУТЬ ФОЛЬКЛОРИСТА – ПАМЯТИ А. П. РАЗУМОВОЙ

В 2011 году исполняется 100 лет со дня рождения Александры Павловны Разумовой – собирателя и исследователя фольклора Русского Севера.

А. П. Разумова родилась 18 апреля (1 мая) 1911 года в селе Гагарино Гаврилов-Ямского уезда Ярославской губернии в семье священника П. К. Каменского и его жены М. В. Каменской (в девичестве Троицкой). В 1929 году Александра Павловна окончила педагогический техникум в городе Данилове Ярославской области и стала учителем начальной школы. В середине 1930-х годов вместе с мужем, военнослужащим А. Н. Разумовым, и дочерью они переехали в Карелию. В 1938–1940 годах А. П. Разумова работала учителем в 14-й средней школе г. Петрозаводска. В 1940 году, пережив гибель мужа на Советско-финляндской войне, Александра Павловна продолжила образование. Она была зачислена на II курс историко-филологического факультета Карело-Финского государственного университета. В годы Великой Отечественной войны университет был эвакуирован в г. Сыктывкар Коми АССР. Здесь началась работа А. П. Разумовой по собиранию фольклорно-этнографического материала в первой комплексной студенческой экспедиции Петрозаводского университета и Коми педагогического института под руководством преподавателей И. А. Василенко и В. Г. Базанова. Экспедиция состоялась в 1942 году в Усть-Цилемский район Коми АССР, и в ней было сделано одно из редких фольклористических открытий: отмечено и зафиксировано массовое возрождение жанров воинских и похоронных причитаний. Записи производились в ситуации массовых проводов мужчин в действующую армию, в беседах со вдовами, получившими похоронные извещения. А. П. Разумова собрала наибольшее количество причитаний, сотни текстов, несмотря на то что записывать было крайне сложно как технически, так и психологически.

В 1944 году университет вернулся в Петрозаводск, в том же году А. П. Разумова начала работать в фольклорной секции Научно-исследовательского института культуры. Экспедиционная работа продолжилась в Заонежье в 1944 году и в Пудожском районе в 1945 году. Были записаны

плачи, отразившие массовое возвращение жителей из концлагерей, плачи о жизни на оккупированной территории, о разрушениях и т. п. Пройдет совсем немного времени, и всплеск причитаний пойдет на убыль – по мере утраты населением остроты эмоционального восприятия событий военных лет. Динамику ситуации А. П. Разумова пронаблюдала в процессе полевой работы. Так на примере живой и актуальной устной культуры подтвердилось, что одна из важнейших функций традиционных ритуальных текстов – помочь людям пережить кризис. Тексты ожидали научной публикации почти двадцать лет. То, что представители советского народа могли причитывать, критикам второй половины 1940-х годов казалось идеологически неправильным. Потребовались большие организационные усилия, чтобы вышел в свет сборник «Русская народно-бытовая лирика» (М.; Л., 1962), известный теперь каждому фольклористу и представляющий библиографическую редкость.

В марте 1947 года А. П. Разумова поступила в аспирантуру Института русской литературы (Пушкинский Дом) в Ленинграде. Для отечественной фольклористики это было кризисное время. Развернувшаяся кампания «борьбы с космополитизмом», в результате которой пострадал первый научный руководитель А. П. Разумовой М. К. Азадовский, резкие выступления против интереса фольклористов к «неактуальным» жанрам фольклора помешали Александре Павловне выполнить запланированное исследование, посвященное причитаниям советского времени. Руководство аспиранткой взяла на себя А. М. Астахова. В 1951 году А. П. Разумова защитила диссертацию на тему: «Значение студенческого движения и политической ссылки в русской фольклористике 1860-х гг. (П. Н. Рыбников и П. С. Ефименко)». Через несколько лет она опубликовала по этому исследованию монографию «Из истории русской фольклористики. П. Н. Рыбников, П. С. Ефименко» (М.; Л., 1954). С именем Рыбникова связаны отчет истории отечествен-

ной полевой фольклористики и традиция «русской школы», которую отличало неформальное отношение к образу жизни и личности каждого исполнителя, его взглядам, биографии. Этим принципам последовательно придерживалась А. П. Разумова. В любой обстановке она умела наладить контакт с самыми разными людьми независимо от возраста, пола, социального статуса, этнической принадлежности, вероисповедания.

А. П. Разумова работала старшим научным сотрудником Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР, а с 1970 по 1977 год заведовала сектором фольклора и этнографии. В 1960–70-е годы она особенно интенсивно занималась собирательской работой, подготовкой и публикацией академических фольклористических изданий. В экспедициях с ней работали многие сотрудники сектора фольклора, не раз Александра Павловна брала с собой студентов, для которых работа вместе с ней была школой профессионализма.

А. П. Разумова работала в разных районах Карелии, но главной ее любовью было Карельское Поморье. Беломорский, Кемский, Лоухский районы Карелии в фольклорном отношении были обследованы ею фронтально. В процессе работы ею записывались тексты всех разновидностей фольклора и этнографическая информация: от заговоров и обрядовых песен до современных устных рассказов и детского фольклора. Произведения классических традиционных жанров, которыми славится поморская народная культура, легли в основу трех научных изданий. Первым был сборник «Русские народные песни Карельского Поморья» (Л., 1971). В его составлении участвовали Т. А. Коски и А. А. Митрофанова. В сборник вошли тексты, представляющие все области песенного фольклора: эпические (былины, баллады, исторические песни), обрядовые (свадебные и календарные), игровые, колыбельные («байки»). Больше всего в сборнике протяжных лирических песен, которые составляют золотой фонд поморской певческой культуры. Это было первое издание песен Карельского Поморья с нотами, и оно одновременно привлекло внимание фольклористов-словесников, музыковедов, а также практиков – работников культуры, руководителей профессиональных и самодеятельных певческих коллективов не только Карелии, но и других регионов Русского Севера.

Вторым изданием фольклора Поморья был сборник «Русские народные сказки Карельского Поморья», составленный вместе с Т. И. Сенькиной (Петрозаводск, 1974). Для сборника были отобраны архивные тексты, записанные ранее, а также сказки в записях составителей. Несмотря на то что из большого массива в книгу вошли только 72 сказки, состав сборника и его академический научно-справочный аппарат дают пол-

ное представление о состоянии сказочной традиции и сказочниках Карельского Поморья. Рецензенты отмечали, что это один из лучших фольклорных сборников, вышедших в стране в послевоенные годы.

Завершением своеобразной «поморской» серии стала книга «Русская свадьба Карельского Поморья (в селах Колежме и Нюхче)» (Петрозаводск, 1980). Нотную часть, как и в сборнике песен, выполнила Т. А. Коски. Научная публикация свадебных сценариев двух поморских сел сама по себе явилась сравнительно-этнографическим исследованием. Результаты тщательной реконструкции и воссоздания обрядов представлены в сборнике в виде текстов, напевов и фотографий всех этапов свадебного действия. Фольклорные материалы во многом уникальны, в частности, А. П. Разумовой и ее коллегам удалось зафиксировать традицию групповых свадебных причитаний. В книгу включено 37 текстов причитаний из 150, записанных в Поморье.

В научной деятельности А. П. Разумовой «сказочная» тема продолжилась составлением сборника «Русские народные сказки Пудожского края» (Петрозаводск, 1982) совместно с Т. Сенькиной. Издание было выполнено с соблюдением тех же научных принципов, как и сборник поморских сказок. После издания сборника и публикации статей о сказочной традиции Пудожского района Пудожье стало считаться «краем сказок и сказочников».

На завершающем этапе научной деятельности А. П. Разумова вновь обратилась к истории фольклористики и деятельности П. Н. Рыбникова, но уже по-иному. Она подготовила к переизданию (совместно с Т. С. Курец и И. А. Разумовой) его знаменитое собрание северных былин и других текстов «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым» (Петрозаводск, 1989–1991).

Сугубо научной работой А. П. Разумова никогда не ограничивалась, одновременно занималась деятельностью научно-организационной, просветительской, образовательной. В 2001 году молодые Санкт-Петербургские фольклористы написали об Александре Павловне: «Безмерное уважение вызывают ее аналитический ум и ясная память, сила воли, независимость и безупречная самодисциплина, которые сочетаются в ней с открытостью и душевной теплотой. Она никогда не теряет присутствия духа, трезвого взгляда на вещи, мудрой рассудительности и ироничности» (Живая старина. 2001. № 4. С. 46). Такой она оставалась до последних дней, сохраняя глубокое уважение к народной культуре, любовь к жизни и людям и удивительную цельность личности.

И. А. РАЗУМОВА

доктор ист. наук, главный научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц-региона Учреждения Российской академии наук Кольского научного центра РАН



11 марта 2011 года исполнилось 75 лет доктору филологических наук, профессору, заведующему кафедрой русского языка филологического факультета Петрозаводского государственного университета, члену редакционной коллегии нашего журнала *Замиру Курбановичу Тарланову*.

ЗАМИР КУРБАНОВИЧ ТАРЛАНОВ К 75-летию со дня рождения

Замир Курбанович Тарланов родился в ауле Буркиханы Республики Дагестан. Но вся его исследовательская и педагогическая деятельность связана в основном с городом Петрозаводском, куда он был направлен в 1963 году после окончания аспирантуры под руководством профессора Э. И. Коротаевой при кафедре русского языка Ленинградского государственного университета. Замир Курбанович одиннадцать лет возглавлял кафедру русского языка Карельского государственного педагогического института (1964–1975), а с сентября 1975 года заведует кафедрой русского языка Петрозаводского государственного университета. В 1981–1983 и 1986–1993 годах – декан сначала историко-филологического, а затем филологического факультета.

Историк-русист по основным своим интересам, З. К. Тарланов плодотворно работает прежде всего в области исторического синтаксиса русского языка, изучения языка памятников древнерусской письменности, русского литературного языка в его истории. Им также активно исследуются проблемы общего языкознания, языка русского фольклора, художественной речи, этнолингвистики и кавказоведения. Широко известны его монографии, обширные статьи по разным направлениям русского и общего языкознания, опубликованные в авторитетных отечественных и зарубежных журналах и академических изданиях. Отдельное место в творчестве юбиляра занимают вопросы речевой культуры. Наибольшее количество газетных, журнальных, официально-публичных выступлений профессора по этой теме приходится на 1990–2000-е годы, на годы, как считает Замир Курбанович, откровенного унижения русского языка и традиционной русской речевой культуры. Он выступает по этим вопросам на слушаниях в Государственной думе, на коллегии Комитета по высшему и профессиональному образованию РФ, на заседаниях Совета по русскому языку при Президенте (Правительстве) РФ, членом которого являлся в 1996–2003 годах.

З. К. Тарлановым подготовлено более тридцати кандидатов наук, работающих в разных учебных заведениях и научных учреждениях России и за ее пределами.

З. К. Тарланов удостоен званий «Заслуженного деятеля науки Карельской АССР» и «Заслуженный деятель науки РФ», награжден нагрудным знаком «Почетный работник высшего профессионального образования РФ» и медалями К. Д. Ушинского «За заслуги в области педагогических наук» и «За доблестный труд», а также удостоен Государственной премии Республики Дагестан за 2007 год.

Поздравляем Замира Курбановича с юбилеем, желаем здоровья, успешной педагогической деятельности и новых научных идей!

Редакция журнала «Ученые записки Петрозаводского государственного университета»

ЕДИНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К РУКОПИСЯМ,
ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ В ЖУРНАЛ

Публикации в журнале подлежат статьи, ранее не печатавшиеся в других изданиях.

Статья предоставляется в распечатанном виде на бумаге формата А4 (в двух экземплярах) и в электронном виде, на носителе или вложением в электронное письмо на адрес редакции журнала. Печатная версия статьи подписывается всеми авторами.

Статья набирается в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется с расширением .doc. Объем оригинальной и обзорной статьи как правило не должен превышать 1 печатный лист, кратких сообщений – до 5 страниц, отчетов о конференциях и рецензий на книги – до 3 страниц. Поля: верхнее и нижнее – 2 см, правое и левое – 3 см. Абзацный отступ – 0,5 см. Шрифт: Times New Roman, размер – 14 пунктов, аннотация, список литературы – 12 пт, межстрочный интервал – полуторный. Нумерация страниц – справа внизу страницы.

Статья должна состоять из следующих элементов: названию статьи должен предшествовать индекс универсальной десятичной классификации (УДК) в левом верхнем углу. Далее через 1 интервал – название статьи жирным шрифтом заглавными буквами, название должно быть по возможности кратким, точно отражающим содержание статьи. Точка в конце названия статьи не ставится. Сведения об авторе (имя, отчество, фамилия автора (-ов) полностью; ученая степень и звание; место работы: вуз, факультет, кафедра; должность; электронный адрес и контактные телефоны). Аннотация (объемом 6–8 строк) на русском и английском языках, перед ней – название статьи и фамилия (-ии) автора (-ов) также на двух языках; ключевые слова от 3 до 8 слов (или словосочетаний, несущих в тексте основную смысловую нагрузку) также на двух языках. Все перечисленные элементы статьи отделяются друг от друга пустой строкой и печатаются без абзацного отступа через 1 интервал.

Основной материал статьи и цитат, приводимых в статье, должен быть тщательно выверен автором. Сокращения слов не допускаются, кроме общепринятых сокращений химических и математических величин и терминов. Размерность всех физических величин следует указывать в системе единиц СИ.

Список литературы, примечания, комментарии и пояснения по тексту статьи даются в виде концевых сносок. Список литературы должен быть напечатан через одинарный интервал, на отдельном листе. Цитируемая в статье литература (автор, название, место, издательство, год из-

дания и страницы (от и до или количество)) приводится в алфавитном порядке в виде списка в конце статьи (сначала отечественные, затем зарубежные. Фамилии иностранных авторов приводятся в оригинальной транскрипции). В тексте статьи ссылка на источник делается путем указания в квадратных скобках порядкового номера цитируемой книги или статьи, через точку с запятой – цитируемых страниц, если это необходимо. В книгах иностранных авторов, изданных на русском языке, после заглавия книги через двоеточие указывают, с какого языка сделан перевод. Выходные данные по статьям из журналов и сборников указывают в следующем порядке: фамилия (-ии) автора (-ов) с инициалами, название статьи, через две косые черты – название журнала (год, том, номер, страницы (от и до) или сборника (место издания, год, страницы (от и до))). По авторефератам – фамилия, инициалы, полное название автореферата, после которого ставятся двоеточие и указывают, на соискание какой степени и в какой области науки защищена диссертация, место издания, год, страницы.

Таблицы – каждая печатается на отдельной странице, нумеруется соответственно первому упоминанию ее в тексте и снабжается заголовком. Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word (формат .doc). В тексте следует указать место таблицы и ее порядковый номер.

Иллюстрации (рисунки, фотографии, схемы, диаграммы) нумеруются, снабжаются подписями и представляются в виде отдельных растровых файлов (в формате .tif, .jpeg), а в тексте рукописи указывается место, где они должны быть размещены. Для оригиналов (бумажная версия) на обороте каждой иллюстрации ставится номер рисунка, фамилия автора и пометка «верх», «низ». Каждый рисунок должен иметь название и объяснение всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений, размещенных под ним. В тексте статьи должна быть ссылка на конкретный рисунок, например (рис. 1).

Статьи, поступившие в редакцию, обязательно рецензируются. Если у рецензентов возникают вопросы, статья возвращается на доработку. Редакция оставляет за собой право внесения редакторских изменений в текст, не искажающих смысла статьи.

Материалы, не соответствующие предъявленным требованиям, к рассмотрению не принимаются.

Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала.

CONTENTS

IX Congress of ethnographers and anthropologists «Cultural legacy – resource of innovative development»

POLITICAL SCIENCE

Zorin V. Yu.

STATE NATIONAL POLICY: NEW CHALLENGES AND RESOLUTIONS

Summary: The article deals with the problem of the national policy realization in the Russian Federation. Data reflecting changes in the ethnic structure of the country are based on the survey results of the 1989 and 2002. Legislation and executive practice in the area of the national policy, international relations problems, and measures aimed at the national policy improvement are considered. Improvement measures were offered at the general committee sitting of the State Council. (11.02.2011, Ufa)

Key words: National policy, international relationship, people of Russia7

Strogalshikova Z. I.

ETHNIC MOBILIZATION OF BALTIC-FINISH PEOPLE IN KARELIA: SPECIFICS AND RESULTS

Summary: The article deals with specifics of joined activities of the non-governmental organizations of Baltic-Finnish people in Karelia – Karelians, Veps and Finns. The goal of the non-governmental organizations was to protect political and ethno-cultural rights of their people (end of 1980s – 2010).

Key words: Ethnic mobilization, national policy, activities of non-governmental organizations, people of Karelia17

HISTORY

Verigin S. G.

ETHNOCULTURAL POLICY OF THE FINNISH ADMINISTRATION ON THE OCCUPIED TERRITORY OF EASTERN KARELIA IN 1941–1944.

Summary: The article provides the analysis of the ethnocultural policy of the Finnish military administration on the occupied territory of the Soviet Karelia in 1941–1944. The research data are based on the archival sources from the funds of the Russian and Finnish states, departmental archives, Russian and Finnish research literature.

Key words: Ethnocultural policy, Finnish authorities, occupied territory, Eastern Karelia, World War II25

Ilyukha O. P.

SCHOOLING AND CHANGES IN DAILY LIFE OF CHILDREN IN KARELIA IN LATE XIX – EARLY XX CENTURY

Summary: The paper summarizes the author's research results on the subject of the daily life of Karelian children in the late XIXth – early XXth century. Conclusions are drawn concerning the sociocultural impact of the expanding school education and the effect of schooling on various aspects of peasant children lives.

Key words: History of childhood, history of education, history of peasantry, Karelia30

Litvin Ju. V.

KARELIAN PEASANT WOMAN IN SECOND HALF OF XIX AND BEGINNING OF XX CENTURY: SOURCE STUDY ASPECT OF GENDER RESEARCH

Summary: The article contains basic thematic groups of sources, both published and archival, from the second half of the XIXth to the beginning of the XXth century. The sources are instrumental in the analysis of the legal and sociocultural status of Karelian peasant women within the family and as members of the village community.

Key words: History of Karelia, gender history, source study, legal state of peasant women, customary law, marital relations, woman's identity36

CULTURAL STADIES

Danilko E. S.

BOUNDARIES FOR FAITH: THE OLD BELIEVERS' COMMUNITIES OF RUSSIAN-BYELORUSSIAN BORDER AREA

Summary: The article presents preliminary field research results concerning the Old Believers' groups residing in the Russian-Byelorussian border area. The research findings are viewed in the context of the cultural boundaries' problems.

Key words: Old Believers, ethno-confessional groups, border area, cultural boundaries, group markers40

Pivneva E. A.

ETHNIC CULTURE IN CONDITIONS OF URBAN EXPANSION (BASED ON THE OB-UGRIAN MATERIALS)

Summary: The article reviews major forms and factors of the Ob-Ugrian (Khanty and Mansi) traditional culture in conditions of urban expansion. The data is based on the field research materials collected by the

author in 2008–2010. Areas with ethnic specificity manifestations are shown. New innovative ethnocultural processes are revealed. <i>Key words:</i> Ob-Ugrian, ethnic culture, urbanization, tradition, innovation	45
<i>Schankina L. N.</i>	
NATIONAL FOOD OF SIBERIAN MORDOVIANS: TRADITIONS, BORROWINGS, INNOVATIONS	
<i>Summary:</i> The article considers traditional food of the Mordovian population residing in Siberia. The data are based on the field materials collected during 2003–2009 in various settlements of Siberia. Even though traditional features in the nutrition of Mordovian population are well preserved and strong, national cooking of other peoples (Russian, Ukrainian, Tatar and others) make noticeable impact on it as well. <i>Key words:</i> Siberia, life-supporting system, material culture, traditional food, beverages.	51
PEDAGOGY	
<i>Lusina L. M.</i>	
PEDAGOGIC ANTHROPOLOGY AS BASIC APPROACH TO CONSTRUCTION AND REALI-ZATION OF UPBRINGING	
<i>Summary:</i> The article looks into the problem of the upbringing conceptualization within the constraints of the human oriented paradigm. The author attempted to reason the necessity for anthropological interpretation of Education Science. Integrative anthropological approach to upbringing is described as an examples of such interpretation. <i>Key words:</i> Anthropological interpretation of Education Science, integrative anthropological approach to upbringing, pedagogical human study, anthropology	56
SOCIAL SCIENCE	
<i>Martynova M. Yu.</i>	
KALININGRAD SOCIETY AND REGIONAL SUBCULTURE	
<i>Summary:</i> The article considers different aspects of social and cultural development of Kaliningrad region. Migration processes and the ethno-demographic situation in the enclave conditions are analyzed. Special attention is given to the identity problem of the local population and to the formation of the regional subculture. Factors conditioning specific features of the region are considered from the perspective of social and cultural anthropology. <i>Key words:</i> Kaliningrad district, identity of the population, local traditions, subcultures, stereotypes, enclave, Russian nation	60
<i>Nilov V. M.</i>	
ETHNICITY AND HEALTH	
<i>Summary:</i> The paper analyses the mechanism and consequences of the ethnic factors' influence on health. <i>Key words:</i> Ethnos, ethnicity, health, sociology of medicine and health	69
<i>Lapkina N. A.</i>	
SOCIAL POTENTIAL OF INTERNET RESOURCES IN ETHNIC DISCOURSE	
<i>Summary:</i> The article is aimed to explore the ways by which ethnic information is presented in the global network. Special attention is paid to the intellectual resources able to resist ethnonationalistic discourse and to inculcate in minds of the youth ideas of intercultural respect and tolerance. The article deals with the problem of ethnic journalism and professional approach to ethnic issues. <i>Key words:</i> Electronic mass-mesia, ethnical journalism, ethnical discourse, world-wide web, inter-cultural dialogue aspects.	73
PHILOLOGY. PHILOSOPHY	
<i>Kabinina N. V.</i>	
BALTIC-FINNISH TOPONYMIC HERITAGE ON TERRITORY OF ARKHANGELSKOJE POMORJE	
<i>Summary:</i> The article deals with the origin of the Baltic-Finnish toponymy on the territory of Arkhangelskoje Pomorje. Having analysed some regional facts of substrate toponymy, the author differentiates three language sources of this phenomenon: Karelian, Finnish and unknown at present ancient Baltic-Finnish dialect. <i>Key words:</i> Arkhangelskoje Pomorje, Baltic-Finnish, Karelian, Finnish, toponymy, substrate.	77
<i>Lyzlova A. S.</i>	
FUNCTIONS OF ABDUCTED WOMEN IN RUSSIAN FAIRY TALES	
<i>Summary:</i> The paper deals with the functions of the abducted female characters of Russian fairy tales. Caught in a different world, the heroines perform tasks associated with the duties of the kidnapper's wife. The women are often engaged in various kinds of needlework that have deep mythological meanings. <i>Key words:</i> Russian fairy tales, abduction of women, women's duties, needlework	82
<i>Volkov A. V.</i>	
SCIENCE AS MODE OF HUMAN BEING AND KNOWLEDGE	
<i>Summary:</i> The article is devoted to the actual problem of contemporary epistemology – «Man and Science». Based on the modern history of science, the author seeks to demonstrate science not only as a system of knowledge, but also as a mode of human being. The connection between existential features of the human being and scientific cognition is a subject of the author's research. <i>Key words:</i> Scientific cognition, human being, existential, theory, experimental system	85

ECONOMICS*Saveliev Yu. V.***SPECIFICS OF TERRITORIAL BRANDING BASED ON CULTURE-HISTORICAL HERITAGE**

Summary: The article considers questions related to the use of the long-term management approach and territorial competitive growth approach. Careful consideration is given to the use of the territorial marketing and branding methods. Three methodological approaches facilitating in the territorial branding are suggested. The algorithm of brand formation is offered. Examples of branding on the territory of Karelia are provided.

Key words: Regional marketing and branding, approaches and methods of branding, region's cultural and historical potential, elements of territorial branding, brand 88

PHILOLOGY*Abramova I. E.***PRONUNCIATION NORM AND PHONETIC VARIABILITY**

Summary: The article focuses on the nature of pronunciation norm and phonetic variability. Sociolinguistic reasons for this phenomenon are analyzed.

Key words: Pronunciation norm, phonetic variability, social differentiation in pronunciation 94

*Bogomolova M. V.***PORTRAITS IN LITERATURE AND PORTRAIT GENRE IN ART (PROBLEMS OF PORTRAIT THEORY)**

Summary: Existing conceptions of portraits in literature and of portrait genre in art are compared in the article. Special attention is paid to the reasons explaining why these concepts are often confused. The category of portrait is analyzed in the context of theoretical and methodological problems of portrait study.

Key words: Portraits in literature, literary portraits, types of portrait 98

*Tarasova N. A.***EVANGELIC TEXT IN F. M. DOSTOEVSKY'S «DIARY OF THE WRITER» (1876–1877)**

Summary: The article analyses allusions and reminiscences in the evangelic texts found in F. M. Dostoevsky's manuscripts. The analysis of this material is instrumental in revealing semantic errors in the reading of the hand-written texts. The use of the source materials facilitates in restoration of the original version of the text. It also helps to provide the text with the necessary textual comments.

Key words: Dostoevsky's creativity, textual criticism, text poetics 102

LEGAL STUDIES*Borozdina Ya. A.***NORTHERN CULTURAL PARTNERSHIP WITHIN THE FRAMEWORK OF THE NORDIC COUNCIL OF MINISTERS**

Summary: The article considers international legal questions related to the establishment of the Ministerial Council of Northern Countries. A principle of northern cultural cooperation «within arm's reach» is revealed.

Key words: Policy of «Northern dimension», Nordic Council of Ministers, Ministerial Council of Culture, northern cultural cooperation 108

*Fedortzova V. A.***AUDIT AS INSTRUMENT OF STATE MANAGEMENT**

Summary: In order to comply with the legislation and to use resources effectively the state regulates activities of the legal persons. The article analyses external and internal audits as the main instruments of control. The author points out the need to maintain internal control at the enterprise in order to meet international and Russian standards. A number of conclusions and recommendations assisting in improvement of state management are presented.

Key words: Audit, control, compulsory audit, initiative audit, internal audit, external audit 111

REVIEWS*Mullonen I. I.*

The book review: Atlas Linguarum Fennicarum I–3. 114

Khvoshinskaya N. V.

The book review: Kochkurkina S. I. Ancient Karelian Settlements of the Middle Ages 116

MEMORY*Razumova I. A.*

Folklorist's Life Journey – in memory of A. P. Razumova. 118

JUBILATION

To the 75th Birthday Anniversary of Z. K. Tarlanov 120

INFO FOR THE OTHERS 121